

Председатель Редакционного совета

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович – ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса. Заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почетный работник науки и техники Российской Федерации.

Заместитель председателя Редакционного совета

СИНЮКОВ Владимир Николаевич – проректор по научной работе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России.

Главный редактор журнала

ЧУЧАЕВ Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Ответственный секретарь

ПРУГЛОВА Марина Николаевна – эксперт отдела научно-издательской политики управления организации научной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

БАРАБАШ Юрий Григорьевич – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного права Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого», член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины.

БЕКЯШЕВ Камилль Абдулович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ.

БЕШЕ-ГОЛОВКО Карин – доктор публичного права, Франция.

БОНДАРЬ Николай Семенович – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ.

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой финансового права, первый проректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ.

ДМИТРИЕВА Галина Кирилловна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный юрист города Москвы.

ЗОЙЛЬ Отмар – доктор права, почетный доктор права, Emeritus профессор Университета Paris Ouest-Nanterre-La Defense (Франция).

ИСАЕВ Игорь Андреевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ.

КОМОРИДА Акио – профессор Университета Канагава (Япония).

КОЛЮШИН Евгений Иванович – доктор юридических наук, профессор, член Центризбиркома России, заслуженный юрист РФ.

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович – кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса.

ПАН Дунмэй – кандидат юридических наук, профессор юридического института Хэйлунцзянского университета КНР, приглашенный исследователь Центра славянских исследований университета Хоккайдо (Япония).

ПИЛИПЕНКО Юрий Сергеевич – доктор юридических наук, вице-президент Федеральной палаты адвокатов России, председатель Совета коллегии адвокатов Московской области «Юридическая фирма “ЮСТ”».

РАДЬКО Тимофей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ.

РАРОГ Алексей Иванович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный юрист города Москвы.

РАССОЛОВ Илья Михайлович – доктор юридических наук, профессор кафедры правовой информатики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный редактор журнала «Судебная и правоохранительная практика».

РЫБАКОВ Олег Юрьевич – доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Российской правовой академии Министерства юстиции РФ, член российской секции Международной ассоциации философии права и социальной философии, член комиссии по науке ассоциации юристов России, член экспертного совета по праву Министерства образования и науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ.

ТУМАНОВА Лидия Владимировна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса и правоохранительной деятельности, декан юридического факультета Тверского государственного университета, заслуженный юрист РФ.

ХЕЛЛЬМАНН Уве – Dr. iur. habil, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета (Германия).

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович – заместитель председателя Следственного комитета Российской Федерации, генерал-полковник, кандидат юридических наук, профессор, главный редактор журнала «Наркоконтроль».

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и административного права, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

ШУГРИНА Екатерина Сергеевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права, председатель редакционно-издательского Совета Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный редактор журнала «Актуальные проблемы российского права».

ДЕ ЗВААН Яап – профессор Роттердамского университета (Голландия), профессор кафедры Жана Монне (Европейский Союз).

2014 (published in 1948)

RESEARCH PAPERS KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY. THAT LXXXVVI (№ 6)

Chairman of the Council of Editors

BLAZHEEV, Victor Vladimirovich – Rector of the Kutafin Moscow State Law University, PhD in Law, Professor, Head of the Department of Civil Process, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Specialist in Science and Technology of the Russian Federation.

Vice-Chairman of the Council of Editors

SINYUKOV, Vladimir Nikolaevich – Vice-Rector on Scientific Work of the Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor, Merited Scientist of the Russian Federation, Merited Officer of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Editor-in-Chief of the Journal

CHUCHAEV, Aleksandr Ivanovich – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Executive Editor

PRUGLOVA, Marina Nikolaevna – expert of the Division for the Scientific and Publishing Policy of the Department for the Organization of Scientific Work of the Kutafin Moscow State Law University

BARABASH, Yuri Grigorievich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional Law of the National University Legal Academy of Ukraine named after Yaroslav the Wise, Correspondent Member of the National Academy of Legal Sciences of Ukraine.

BEKYASHEV, Kamil Abdulovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Scientist of the Russian Federation.

BECHET-GOLOVKO, Karine – Doctor of Public Law, France.

BONDAR, Nikolay Semenovich – Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Scientist of the Russian Federation.

GRACHEVA, Elena Yurievna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Financial Law, First Vice-Rector of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Specialist in Science and Technology of the Russian Federation.

DMITRIEVA, Galina Kirillovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of the International Private Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Scientist of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education, Merited Lawyer of the City of Moscow.

ISAEV, Igor Andreevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Scientist of the Russian Federation.

KOMORIDA , Akio – Professor of the Kanagawa University (Japan).

KOLYUSHIN, Evgeniy Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Merited Lawyer of the Russian Federation.

MALINOVSKIY, Vladimir Vladimirovich – PhD in Law, Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councillor of Justice.

SEUL, Otmar – Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Ouest-Nanterre-La Defense (France).

PILIPENKO, Yuri Sergeevich – Doctor of Law, Vice-President of the Federal Chamber of Advocates of Russia, Chairman of the Council of the Bar Associations of Advocates of the Moscow region, Legal Firm «JUST».

RADKO , Timofey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Lawyer of the Russian Federation.

RAROG , Aleksey Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Scientist of the Russian Federation, Merited Lawyer of the City of Moscow.

RASSOLOV, Ilya Mikhailovich – Doctor of Law, Professor of the Department of Legal Information Science of the Kutafin Moscow State Law University, Editor-in-Chief of the Journal «Judicial and Law-Enforcement Practice».

RYBAKOV, Oleg Yurievich – Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Member of the Russian Section of the International Association of Philosophy of Law and Social Philosophy, Member of the Commission on Science of the Association of Lawyers of Russia, Member of the Expert Committee on Law of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

TUMANOVA, Lidia Vladimirovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Process and Law-Enforcement Activities, the Dean of the Law Faculty of the Tver State University, the Merited Lawyer of the Russian Federation.

HELLMANN, Uwe – Dr. iur. habil, Professor, Head of the Department of the Criminal and Economic Criminal Law of the Law Faculty of the Potsdam University (Germany).

FEDOROV, Aleksandr Vyacheslavovich – vice-Chairman of the Investigation Committee of the Russian Federation, Colonel General, PhD in Law, Professor, Editor-in-Chief of the Journal «Drug Enforcement» (Narcocontrol).

SHEVELEVA, Natalia Aleksandrovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State and Administrative Law, the Dean of the Law Faculty of the St. Petersburg State University.

SHUGRINA , Ekaterina Sergeevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Head of the Division for the Scientific and Publishing Policy, Head of the Editorial Advisory Board of the Kutafin Moscow State Law University, the Editor-in-Chief of the journal «Topical Problems of Russian Law».

DE ZWAAN, Jaap Willem – Professor of the Rotterdam University (Holland), Professor of the Jean Monnet Chair (the EU).

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ПРАВА

Ю.А. Веденеев

Юридическая картина мира:
между должным и сущим 641

ПРАВО И ЭТИКА

В.М. Артемов

Взаимопомощь как приоритетная
ценность в этике Кропоткина:
опыт актуальной реконструкции . . . 655

ИССЛЕДОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

С.В. Кабышев

Реализация Конституции как фактор
устойчивого и прогрессивного
развития страны 666

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

В.А. Лаптев

Система источников
предпринимательского права 674

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е.Е. Уксусова

Гражданское судопроизводство
по делам о банкротстве: проблемы
законодательного регулирования
и правоприменения 683

И.И. Черных

Судебное решение по делам
о рассмотрении споров
о воспитании детей 704

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

Е.К. Волконская

Рецидив насильственных
преступлений 712

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Г.А. Жолобова

Правовое регулирование
деятельности товарных складов
и элеваторов в России конца XIX –
начала XX вв. 721

НАУЧНОЕ СООБЩЕНИЕ

А.В. Саленко, Ж.В. Глотова

Правовое регулирование
использования языков:
опыт Европейского Союза 736

А.Н. Приженникова, В. А. Баранов

Административное судопроизводство
в системе судебной власти 741

ABOUT THE AUTHORS, ANNOTATIONS AND KEYWORDS . . . 748

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ И ТРЕБОВАНИЯ

К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ МАТЕРИАЛАМ И ИХ ОФОРМЛЕНИЮ 753

THEORY OF LAW*Vedeneev, Y.A.*

Legal worldview: between what it is and what it should be 641

NAME IN SCIENCE*Artemov, V.M.*

Mutual assistance as a priority value in the ethics of P.A. Kropotkin: the experience of actual reconstruction . . . 655

STUDIES OF THE RUSSIAN STATEHOOD*Kabyshev, S.V.*

Implementation of the Constitution as the factor for sustainable and progressive development of the state . . 666

THEORETICAL PROBLEMS OF BRANCHES OF LAW*Laptev, V.A.*

The system of sources of entrepreneurial law 674

PROBLEMS OF LEGAL EDUCATION*Uksusova, E.E.*

Civil judicial proceedings on bankruptcy cases: problems of legislative regulation and legal practice 683

Chernyh, I.I.

Judicial decision in the cases on the disputes concerning raising of children 704

FIGHTING CRIME*Volkonskaya, E.K.*

Repeated relapse into violent crimes . . 712

HISTORY OF STATE AND LAW*Zholobova, G.A.*

Legal regulation of the activities of the warehouses and elevators in Russia in late XIX – early XX centuries 721

SCIENTIFIC REPORT*Salenko, A.V., Glotova, Z.V.*

Legal regulation of the use of languages: the experience of the European Union 736

Prizhennikova, A.N., Baranov, V.A.

Administrative judicial procedure within the judicial power system 741

ABOUT THE AUTHORS, ANNOTATIONS AND KEYWORDS . . . 748**PUBLISHING CONDITIONS AND THE REQUIREMENTS TO THE MATERIALS FOR THE JOURNAL 753**

ТЕОРИЯ ПРАВА

Ю.А. Веденеев*

ЮРИДИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА:
МЕЖДУ ДОЛЖНЫМ И СУЩИМ

Аннотация. Статья посвящена фундаментальной теме теоретической юриспруденции, связанной с онтологическими и аксиологическими основаниями формирования и функционирования права. Общий формат статьи – структура и содержание представленного материала, корреспондирует ключевым положениям монографии Г. Гаджиева «Онтология права. (Критическое исследование юридического концепта действительности)» (М., 2013). Введение в научный оборот категории «юридическая картина мира», по мнению автора, открывает новые возможности и перспективы концептуализации ключевого предмета теоретического правоведения – социокультурных, ментальных и когнитивных условий и факторов юридической эволюции. Смена отдельных модусов существования и выражения права в значительной степени определяется и зависит как от универсальных архетипов юридического восприятия и понимания правовой действительности (метатекста), так и текущих исторических форм юридической картины мира (контекста).

Ключевые слова: социальное и юридическое; политико-правовые трансформации, архетипы и практики; онтологические основания социального, политического и юридического общения; архаическая, мифологическая, религиозная и рационально-логическая юридические картины мира; социокультурная и нормативная матрицы; когнитивная юриспруденция и метаправо; постюриспруденция.

DOI: 10.7256/1729-5920.0.0.9932

Постановка вопроса

Видимо, не требует каких-либо дополнительных обоснований представление о праве как сложной – многосоставной, многоуровневой и многоаспектной категории – явлении, процессе и институте. Очевидно также и желание обнаружить, описать и объяснить как общие или универсальные основания воспроизводства юридических форм социального общения, так и особенные или конкретно-исторические модусы их существования и развития. Историческая традиция здесь представлена широким спектром научных позиций¹.

¹ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб., 1875; Мэн Г.С. Древнее право, его

связь с древнейшей историей общества и его отношение к новейшим идеям. СПб., 1873; Фюстель де Куланж Н.Д. Древняя гражданская община. Исследование о культе, праве, учреждениях Греции и Рима. М., 2011; Сюкий-нен Л.Р. Шариат и мусульманско-правовая культура. М., 1997; Лафитский В. Сравнительное правоведение в образах права. Т. 1–2. М., 2010–2011; Йоас Ханс. Возникновение ценностей. СПб., 2013.

См. также: Абакумова О.Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации (Когнитивно-дискурсивное моделирование смысла пословицы в дискурсе и референциально-оценочная типология русских, английских, испанских, французских и чешских пословиц о правде и лжи). М., 2013.

Правовые пословицы с нормативной точки зрения являются ничем иным, как низкой формой существования и проявления юридической картины мира определенных сообществ. Это своего рода юриспруденция повседневности или система бытовых нормативных практик социального общения. В свою очередь, высокие формы

© Веденеев Юрий Алексеевич

* Доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина [y-vedeneev@yandex.ru]

123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Монографическое исследование Г.А. Гаджиева в известном смысле не только удовлетворяет эту органичную потребность понимания логики структурной эволюции фундаментальных представлений о праве, но самой постановкой вопроса онтологических оснований права выявляет необходимость определения нормативных и концептуальных сдвигов в системе собственного языка теоретической юриспруденции.

Ключевые положения исследования сформулированы в двух разделах монографии, а именно ее введении и заключительной главе, которая, по существу, резюмирует исходные рабочие определения базовой категории работы – юридический концепт действительности. Интерес представляют как первоначальная авторская логика рассуждений о данном предмете, так и система переопределений отдельных составных частей, образующих его текстуальное содержание.

Реконструкция хода авторской мысли не входит в задачу статьи. Интерес представляет, прежде всего, собственно концептуальное ядро работы, относительно которого и выстраивается предложенная версия определения онтологических оснований права. Базовое положение: система «онтологии права начинается с выявления основных ее категорий, к числу которых необходимо отнести категории правовой действительности, онтологической структуры права, а также юридического концепта действительности»² – требует необходимых пояснений. По существу, с самого начала построения теории онтологических оснований права имеет место определение одного неизвестного через другие неизвестные.

проявления юридической картины мира обнаруживают себя в разнообразных правовых доктринах, обслуживающих различные социально-политические практики. Низкая и высокая соционормативные культуры сосуществуют в одном историческом пространстве и времени. Динамика их совместного развития определяет модусы существования конкретных правовых систем, т.е. их юридические границы.

Расширение предмета определений права как совокупности юридических текстов, характерное для позитивистского дискурса, предполагает изучение не только исторического контекста развития и воспроизводства правовых систем, но также юридической картины мира различных исторических обществ, т.е. метатекст. Динамика изменений юридических картин мира лежит в основании развития правовых систем, определяет их исторические траектории. В них заключено прошлое, настоящее и будущее право – юридические факты, нормы, ценности.

² Гаджиев Г.А. Онтология права (Критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013. С. 11.

На мой взгляд, под онтологическими основаниями права могут и должны пониматься такие структурные элементы социальной действительности, наличие которых определяет и сущность и существование права как такового. Это то, без чего права нет, и это то, что конституирует и правовую реальность и определяет реальность права. Таких безусловных оснований или первоначал два – это социальная свобода и социальное принуждение. Право в этом смысле есть не что иное, как юридически организованная свобода или свобода в рамках юридических гарантий и юридических ограничений.

Право или правовая реальность – это не «незначительная часть бытия». Это само социальное бытие, но только в одной из онтологически заданных форм существования социального бытия. Право имманентно сущему. Оно пребывает не над и не вне социальной реальности. Оно внутри социальной реальности; есть сама эта реальность, поскольку социальное как таковое уже фактом своего существования предполагает определенный порядок отношений. Правовое или юридическое, или нормативно-должное, – это такое фундаментальное качество социальной реальности, которое обеспечивает существование социального порядка в форме правопорядка как наиболее адекватной и нормативно обеспеченной форме порядка *per se*. Исторические формы нормативно-должного есть одновременно и исторические формы существования права. «Онтическое, не опосредствуемое деонтическим, исключено»³.

Исторические формы существования права или правового общения связаны и определяются историческими формами социального и политического общения, поскольку юридический порядок, отображая социальный порядок, одновременно его формирует в логике требований, вытекающих и связанных логикой политического общения или логикой предпочтения интересов одних социальных групп интересам других социальных групп.

Онтологические основания права сосуществуют и воспроизводят себя в системе онтологических оснований социального и политического общения, т.е. на их пересечении. Друг относительно друга они выступают одновременно как внутренние и внешние, эндогенные и экзогенные, постоянные и переменные, взаимозависимые факторы и условия обще-

³ Мамут Л.С. Полиmodalность права. Правовая коммуникация и правовые системы // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 19.

ственного развития в целом. Онтологические основания социального общения связаны и определяются в системе социальных категорий «идентичность и стратификация», поскольку любая форма социального общения и в своей возможности, и в своей действительности имеет место только в границах их совместного существования и самоопределения. В свою очередь, онтологические основания политического общения, связанные с организацией и осуществлением функций публичного политического властвования, выстраиваются в логике различных иерархий или зависимостей и легитимности, поскольку существование политических иерархий имеет место и определяется рамочными условиями признания их права на существование.

Таким образом, если онтология права обнаруживает себя в системе социальных и политических онтологий, то в логике бинарных оппозиций и взаимосвязей она себя и определяет и воспроизводит.

Отсюда собственно и вытекает первая методологическая проблема исследования данного феномена – проблема онтологической структуры права, состава его элементов, возможных и действительных аспектов его существования и проявления. Среда обитания права включает в себя множество измерений. Это своего рода пространственно-временной континуум, система социально-экономических, социально-политических и социокультурных координат, определяющих структуру, динамику и траектории движения правовой реальности, ее онтологии, феноменологии и аксиологии.

Отсюда вторая методологическая проблема исследования права – выявление и определение основных его категорий и их концептуализация. Концептуальная разработка права предполагает одновременно и разработку адекватного природе исследуемого явления научного языка его описания и объяснения.

И, наконец, третья методологическая проблема в исследовании права – проблема юридического дискурса, т.е. практического языка, на котором говорит право (язык юридических конструкций), и теоретического языка, на котором рассуждают о праве (язык юридических понятий). Знание права и знание о праве взаимозависимые, но не тождественные (предметные и эпистемологические) аспекты существования и выражения права.

Понятие права является такой же органической частью правовой реальности, как и само право. Вопрос первичности или вторичности материальных или идеальных осно-

ваний права сегодня так же далек от своего окончательного разрешения, как и вчера. Это не только основной вопрос философии, но и права. По существу, вокруг него и вращается вся действительная проблематика теоретической и практической юриспруденции, ее предмет, структура, источники.

Юридический концепт действительности: понятие и проблема

Разработка темы онтологических оснований права в формате критического исследования юридического концепта действительности включает в самой себе и проблему ее эпистемологических оснований. В рамках данной постановки вопроса нуждается в определении сама граница значений и смыслов, которые несет в себе эта терминологическая конструкция, что предполагает разработку в рамках общей теории онтологии права операциональную теорию ее рабочих определений и понятий, т.е. ее инструментальной базы. Изучение онтологических оснований права имеет не только предметное, но также и концептуальное и аналитическое значение, ими задаются концептуальные рамки конкретной теории права, выявляются базовые категории и единицы анализа.

Вопросы существования права, его онтологической структуры и категорий в контексте феноменологических и аксиологических составляющих правовой реальности безусловно представляет научный интерес, тем более в ситуации наличия длительной исторической традиция рассмотрения права в различных конкурирующих версиях его понимания и, соответственно, определения.

Реальность права, его юридическая определенность, нормативность и эффективность – функция множества переменных: и форм социального общения, и практик политического признания, и систем социокультурных ценностей и требований, разделяемых той или иной исторической общностью. Универсальные характеристики права как системы социально-нормативного регулирования, так и конкретные исторические формы их проявления, существования и выражения, т.е. его онтологии и феноменологии, обнаруживают свои нормативные свойства не только и не столько внутри, в рамках или наличной, исторически сложившейся системе правовых институтов, но прежде всего в системе реалистических и метафизических представлений о должном и сущем порядке социальных отношений, правомерном или неправомерном,

действительном или недействительном, в конечном счете правильном или неправильном.

Именно этим обстоятельством и объясняется научно-практическая потребность выявить и определить концептуальные границы и возможности, заключенные в базовых единицах анализа онтологии права, в частности аналитических рамках категории «юридический концепт действительности».

Что же представляет собой юридический концепт действительности с точки зрения онтологии права⁴? Этот далеко не риторический вопрос, какие бы аспекты правовой реальности не затрагивались в процессе его научной разработки.

Номенклатура возможных проявлений юридического концепта действительности включает множество измерений, охватывая собой историко-генетические, социокультурные, когнитивные, концептуальные, нормативные, институциональные и формально-догматические аспекты существования и выражения права. На мой взгляд, это своего рода универсальное первоначало юридического *per se*, следы шествия которого сквозь историческое время и пространство и образуют правовую реальность: юридические идеи, категории, ценности, представления, символы и архетипы. Изменения в их системе, структуре и составе под влиянием экзогенных и эндогенных, постоянных и переменных факторов и условий социального развития и определяют конкретно-исторические формы и содержания правовой действительности.

Можно соглашаться или не соглашаться с подобной трактовкой категории «юридический концепт действительности», хотя, разумеется, каждый из перечисленных элементов как в отдельности, так и в их системе требует развернутого предметного анализа. Однако, на мой взгляд, утверждение, согласно которому основные категории онтологии права появились в XX в.⁵, а юридический концепт действительности постепенно приобрел качество системности, логичности, стал в XIX в. завершённой системой взглядов⁶, является не вполне адекватным как онтологической природе, так и действительному смыслу этой фундаментальной категории и явлению.

Юридический концепт действительности как элемент правовой реальности является исторической категорией, меняющейся вме-

сте (синхронно или асинхронно, симметрично или ассиметрично) с этой реальностью. Он не может быть ни полным, ни завершённым, он такой, какой есть. Юридический концепт действительности как предмет научно-практической рефлексии существует уже в другом концептуальном пространстве, в форме понятия о самом себе и той реальности, частью которой он является по факту, а не определению.

Категория «юридический концепт действительности» и понятие «юридический концепт действительности» живут на различных этажах правовой реальности, обладают собственной предметной и эпистемологической логикой развития и воспроизводства. Их объединяет общий научно-практический язык, язык юридических определений и язык юридических конструкций.

Каждая историческая эпоха существования права – это одновременно и историческая эпоха существования корреспондирующего ей юридического концепта действительности, т.е. юридического языка права и юридического языка размышления о праве. По существу, юридический концепт действительности, его содержание и структура связаны и определяются эпистемологическими и аксиологическими поворотами в юридической картине мира.

Юридическая картина мира: правовая категория и предмет юриспруденции

Право – сложное явление. Его существование обнаруживает и раскрывает себя на пересечении объективных и субъективных оснований и условий социального развития. В этом смысле и право и представление о нем взаимозависимые аспекты правовой реальности, одновременно и нормативной и когнитивной.

Введение в научный оборот категории «юридический концепт действительности» безусловно имеет познавательную ценность, его использование в исследовании права позволяет не только выявить и зафиксировать внутренние аспекты его существования, развития и воспроизводства, но и обнаружить новые смыслы и значения как юридической формы, так и юридического содержания в организации социальных отношений в целом.

Право – это категория, явление и институт с меняющимся юридическим содержанием и формой. Оно существует в определенном историческом времени и пространстве; зависит от экономических, политических и социокультурных практик. Реальность права – это реальность метаюридических и норма-

⁴ Гаджиев Г.А. Онтология права... С. 27.

⁵ Там же. С. 11.

⁶ Там же. С. 20.

тивных оснований, субстанциональных и конкретных, универсальных и исторически заданных качеств, свойств и признаков должного в сущем. В самом общем виде право заключает в себе три вида правовых явлений, три этажа или уровня правовой реальности, три модуса существования⁷. Его архитектура включает в себя, во-первых, уровень метафизически или философски мыслимого или должного правопорядка, т.е. идеального или желаемого права. Во-вторых, уровень догматически мыслимого или формального правопорядка, т.е. установленного, санкционированного, разрешенного позитивного права; в-третьих, уровень реального или фактического правопорядка, то есть эмпирического или действующего права, уровень юридической повседневности⁸.

Правоведы изучают все три этажа или модуса существования правовой реальности или действительности. На каждом этаже правовой реальности живет свой отдельный предмет, обнаруживает и выражает себя определенный структурный тип юридической модальности.

На первом этаже (этаже должного права) расположены правовые идеи и ценности, принципы-ориентации, т.е. юридические базисы правопорядка. Это своего рода система культурных нормативных координат или юридическая картина мира, в которой пребывает конкретная правовая система; это то, что можно определить как метаправо. На втором этаже (этаже позитивного или заданного права) размещены правовые нормы и институты, правила поведения в формате дозволений, предписаний и запретов. Это уже система конкретных позитиваций юридической картины мира или нормативных представлений о должном порядке отношений, позитивное право в собственном смысле данной категории и понятия. На третьем этаже (этаже эмпирически данного права) обитают юридические факты, действия и события, судебные решения, правовые коллизии, конфликты и трансакции. Это среда существования живого или реального права, права определенного социального, политического и социокультурного контекста. Трехуровневая модель или структура правовой реальности является объективно данной и полной юридической системой, представляет собой своего рода юри-

дический архетип или нормативную матрицу, заключающую в себе все возможные аспекты и моменты существования права как такового, которое уже через социально-исторический процесс обретает конкретно-юридическую форму и содержание.

На каждом уровне осуществляется собственный юридический процесс. Юридические ценности, концепции и представления о должном порядке отношений формируют и квалифицируют содержание позитивного права. Юридические нормы, правила публичного и частного права, материального и процессуального, законодательного или судебного права регулируют общественные отношения, т.е. устанавливают юридические режимы их формальной организации. Юридические факты или мотивации и действия субъектов права выражают конкретное поведение, ориентированное на соблюдение или несоблюдение юридических норм.

В основании этих процессов, их онтологии и феноменологии лежит юридическая картина мира, составной частью которой является юридический концепт действительности. Они соотносятся между собой как целое и часть. Юридический концепт действительности выражает когнитивную составляющую юридической картины мира, включающей в себя также образное, воображаемое, эмоционально окрашенное отношение к правовой реальности. Их совместным действием конституируют, определяют и выражают себя процессы правообразования и правоформирования, правового регулирования и правового развития.

Именно в рамках юридической картины мира протекают процессы концептуализации, институционализации, позитивации и интериоризации права⁹. Юридическая картина мира – своего рода коллективное бессознательное и сознательное, метапредставления о должном или недолжном порядке социальных отношений, ожидание права и переживание отсутствия права. Прежде чем стать юридическим текстом – нормой или правилом поведения – право существует в сознании, языке, коммуникации, т.е. в форме рассуждения о должном или недолжном, понимания должного и мотивирования должного, апологии или отрицания должного. Нормативная реальность – одновременно ментальная, язы-

⁷ В несколько иной постановке вопроса на этот аспект структурной организации права обратил внимание еще Р.З. Лифшиц (Лифшиц Р.З. Теория права. М., 1994).

⁸ Правовое общение. Постановка проблемы: монография / отв. ред. Л.С. Мамут. М., 2012.

⁹ Одна из самых содержательных и операционально выстроенных версий психологического (социокультурного) освоения и включения в социальную реальность предложена Т. Шибутани. (Шибутани Т. Социальная психология. М, 1969).

ковая и коммуникативная реальность. В этом смысле право является функцией социально-общения и юридических суждений в рамках определенной юридической картины мира и социокультурного контекста.

Генезис и смена исторических форм права определяется генезисом и сменой юридических картин мира, устанавливающих границы нормативно-должного в системах частных и публичных социальных порядков. Эволюция исторических форм юридической картины мира от архаических, мифологических и религиозных форм к рационально-логическим формам определяет эволюцию исторических форм юридической организации социальных отношений, систем социально-нормативного регулирования или систем юридического общения¹⁰.

Иначе говоря, право существует в нормативных границах, устанавливаемых юридической картиной мира. Историческая шкала юридических оценок социальных практик и порядков варьируется в широком диапазоне возможных нормативных определений правовой реальности. Такие юридические формулы или модальности нормативно-должного, как «дозволенное – недозволенное», «законное – незаконное», «действительное – недействительное» составляют далеко неполный перечень возможных правовых квалификаций и юридических форм существования тех или иных социальных процессов и ситуаций, событий и действий.

Основная проблема юридических оценок в том и состоит, что не все законное является правомерным, соответственно, не все правомерное является законным. Юридическая картина мира в этом плане и представляет собой систему общих рамочных ценностно-нормативных ориентаций и мотиваций, обеспечивающих равновесие в различных социальных порядках, основанных на репутации, авторитете, силовом давлении, социальном консенсусе или контракте¹¹.

Среда обитания юридической картины мира – юридическое мышление. Различным историческим формам юридического мышления – символическим и дискурсивным, предметным и воображаемым, практическим и теоретическим и, соответственно, юридическим

картинам мира – корреспондируют различные правовые онтологии и правовые базисы, юридические техники организации и реализации права, типа юридических знаний о праве, понимания и восприятия права, правовой психологии и идеологии.

Мифологическое юридическое мышление не различает категории «объективное» и «субъективное», отождествляет внешнюю и внутреннюю, предметную и психологическую реальность. В рамках мифологической юридической картины мира социальная является одновременно и юридической реальностью. Право или юридическое (нормативно-должное) пронизывает социальную реальность. Его бытие тотально, конкретно и универсально. Здесь правовая реальность есть юридический синтез социального и природного процессов.

Символическое юридическое мышление удваивает реальность, различая категории видимое и невидимое, фактическую и скрытую реальность. В рамках юридического символического мышления ранее тотальная правовая реальность расщепляется на профанную и сакральную реальность. Отсюда собственно и проистекают две исторические формы существования права – сакральное право и профанное право. Юридическая картина мира из социоприродной или натуралистической трансформируется в сверхестественную или божественную. Правовая реальность есть одновременно и трансцендентальная. Ее населяют юридические боги, творящие и физическое и правовое бытие. Это своего рода юридический синтез профанного (социального) и сверхестественного (религиозного)¹².

Дискурсивное (рационально-логическое) юридическое мышление также характеризуется собственной логикой развития и существования. Оно не отождествляет объективное и субъективное, оно не удваивает реальность. Оно отражает и определяет реальность в категориях явление и сущность, форма и содержание, причина и следствие, сходство и различие. В рамках рационально-логической юридической картины мира конструируется формально-логическое представление о праве, определяемое в терминах истинное или неистинное право. Право идентифицируется с деятельностью государства – носителем юридического разума. Новый исторический формат существования юридической кар-

¹⁰ Куланж Фюстель де. Н.Д. Древняя гражданская община. Исследование о культе, праве, учреждениях Греции и Рима. М., 2011; Филимонова И.В. Юридические фикции в праве стран Запада и Востока: историческое наследие. М., 2012; Мальцев Г.В. Культурные традиции в праве. М., 2013.

¹¹ Рейснер М. Идеология Востока. Очерки восточной теократии. М.-Л., 1927; Берман Гарольд Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 2008.

¹² Отто Рудольф. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб., 2008; Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.

тины мира определяет и новую онтологию и феноменологию права. Права государства, установленного в системе законодательного позитивного права. В данном формате своего выражения и существования правовая реальность или юридическое есть не что иное, как синтез социального и политического.

Становление, развитие и смена отдельных исторических форм юридического мышления, сопровождается процессом смены юридических картин мира и, как следствие или результат данного процесса, преобразованиями в системе права как формы их позитивации. Разумеется, логика процесса определяется как историческим контекстом, так и соционормативной динамикой¹³. Генезис юридических картин мира первой, второй и третьей волны выражает себя в переходе и смене отдельных типов соционормативных культур и техник организации социальных отношений¹⁴.

Очевидно, что новая социальная реальность (эпохи постмодерна), ее становление и развитие будет сопровождаться процессом становления новой юридической картины мира, через которую будет сконструирована, оформлена и санкционирована новая правовая реальность. Ее контуры уже обозначены. Правовое пространство претерпевает структурные трансформации. Стабильные правовые онтологии должны уступить место подвижным нестабильным онтологиям правовой реальности. Юридическое измерение социальной реальности радикально переформируется. На смену нормативным модальностям в юридической технике запретов, позитивных и негативных обязываний, дозволений и ответственности в их различных комбинациях в публично-правовых и частноправовых конструкциях приходят новое постправо и новая постправовая реальность. Это мир вообразимых сетевых сообществ, мир виртуальных субъектов и объектов, возникающих

из ниоткуда и исчезающих в никуда¹⁵; мир игры юридических симулякров и профанаций правовой определенности в отношениях власти, собственности и управления¹⁶. Мнимое суетливое постклассическое понимание права сегодня активно разрушает метаюридические смыслы нормативного общения, мешающие захватить и освоить в логике собственных представлений правовую реальность. Деконструкция, разумеется, протекает под благовидным предлогом ее гуманизации и диалогизации. Логика радикального отрицания классического правопонимания в самой себе содержит реальную возможность формирования негативной логики развития постклассического понимания права.

В системе постюридического дискурса описания и объяснения права пространство правовой онтологии и аксиологии, выраженной в системе позитивного права, замещается новой правовой реальностью¹⁷. В логике онтологического различения это может быть только негативная онтология и аксиология и, соответственно, негативное право, право негативной идентичности или непризнания права другого быть субъектом права.

На смену радикальному формату существования позитивного права – объективному (общему) праву без субъективного (индивидуального), декларируется аналогичный по сути вариант правообразования – субъективного (индивидуального) права без объективного (общего), т.е. права, произведенного непосредственно в акте ситуативного общения. Право из института, устанавливающего границы социального общения, превращается в процесс непрерывного переопределения нормативных границ межличностных взаимоотношений.

Постюриспруденция, декларируя идею множества конкурирующих порядков соци-

¹⁵ Петровская Е. Безымянные сообщества. М., 2012.

¹⁶ Достаточно соотнести умонастроения и метафорику мыслителей, наиболее чутких к подобным социальным траекториям развития современных обществ, чтобы понять, что ждет будущее общество без будущего. См., например: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М., 1998; Бауман З. Текучая современность. М. – СПб., 2008; Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004; Валлерстайн И. Конец знакомого мира. М., 2003.

Симптоматичны предчувствия Мишеля Фуко в его курсе лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году «Нужно защищать общество» (СПб., 2005). Становится очевидным, что сегодня уже нужно спасать общество от самого общества.

¹⁷ Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011. Ерохов И. Современные политические теории: кризис нормативности. М., 2008.

¹³ Право в контексте социодинамики культуры. СПб., 2010.

¹⁴ Этот момент отражения социальных и культурных изменений в институциональных практиках и доктринальных представлениях, фундаментальных сдвигов в системах метафизических оснований отдельных исторических эпох человеческого существования получил глубокие по своему смыслу и значению определения – осевое время и духовные ситуации времени. Их авторство принадлежит одному из самых ярких представителей немецкого экзистенциализма Карлу Ясперсу. Возможно, здесь и обнаруживают себя глубокие социокультурные трансформации, выражающие универсальный алгоритм становления и развития нового социального порядка через социальный хаос.

альных отношений, включает в себе возможность перманентного юридического конфликта, поскольку в новой плюралистической системе нормативных координат теряет значение базовое различие в системе права на должный и недолжный порядок отношений, различие юридических границ публичного и юридических границ частного порядка.

Новая юридическая картина мира эпохи постмодерна своей апологией размытого, сегментарного, плюралистического правопорядка, по существу, легитимирует отказ от универсального и общего права в пользу ситуативного и партикулярного, а в конечном счете – юридические войны всех против всех.

Постклассическая юриспруденция – это юриспруденция возвращения в доправовое социальное состояние, существующее за рамками нормативных принципов формального равенства и эквивалентности. Право социальных отношений вытесняется правом социальных трансакций, юридическое содержание которых непрерывно переопределяется в зависимости от их месторасположения в обезличенной и анонимной сетевой структуре общения. Позитивация негативного опыта становится формой существования и воспроизводства постдействительности. Отсюда потребность обращения к исходным онтологическим основаниям правовой реальности, структурной частью которой является юридическая картина мира.

Роль феномена «юридическая картина мира» в процессах социальных трансформаций фундаментальна¹⁸. Составляя социокультурный и нормативный аспект правовой реальности, юридическая картина мира не только отражает правовую реальность в системе юридических понятий и значений, она ее формирует и ориентирует в системе юридических ценностей и смыслов, т.е. обеспечивает новые правовые практики и траектории развития.

Юридическая картина мира, по существу, управляет процессами изменений в содержании и формах существования и выражения права, направляет траекторию институциональных преобразований в системе юридических конструкций и решений, определяет ее историческую динамику и структуру. В ее рамках складываются ценностные, концептуальные и нормативные юридические модальности, определяющие параметры и характеристики конкретно-исторических правовых

систем, фиксирующих новые юридические границы в системах социальных отношений¹⁹.

Юридическая картина мира – не застывшая структура. Она часть социокультуры и меняется в логике ее цивилизационного развития²⁰. Вопрос не в траекториях ее эволюции или трендах развития. Концепт «юридическая картина мира» включает в себе одновременно и апологию и критику наличного правопорядка. Поддерживая правовую реальность в рабочем состоянии на протяжении всего цикла ее существования, юридическая картина мира, разумеется, меняя свои концептуальные, ценностные и нормативные основания и модифицируя их, не разрушает себя. Смысл ее существования в первую очередь состоит в том, чтобы обеспечить преемственность в развитии своей соционормативной системы в процессах ее перехода в другое состояние.

Юридическая картина мира и юридическая наука

Юридическая наука каждой исторической эпохи обосновывает и формулирует не только определенные значения о мире юридических отношений и обуславливающих их экономических, политических и культурных процессов, но также фиксирует и смыслы происходящих нормативных изменений в отдельных сферах социальных практик. В этом плане различные концептуальные рамки существования юридической науки как догматическая юриспруденция и доктринальная юриспруденция, историческая юриспруденция и интегральная юриспруденция, естественно-правовой, социологический и либертарно-юридический подходы к изучению права выражают определенные изменения и в юридических картинах мира. Юридическая наука – это не только юридические знания, но также и определенный образ мыслей, стиль мышления, связанный представлениями и ценностями, обязательствами и репутацией, моральными и религиозными представлениями о должном порядке общественных отношений. Юридическая наука разрабатывает понятия (определения), выражает оценки (отношение), фиксирует принципы понимания происходящих изменений в соционормативной культуре и практике. В совокупности они составляют юридический дискурс, концептуальные и аксиологические границы развития и реализации которого

¹⁸ Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994; Крылов А.Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. М., 2012.

¹⁹ Правовая коммуникация и правовые системы // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4.

²⁰ Ритмология культуры. СПб., 2012.

определяются, в конечном счете, наличной юридической картиной мира.

Изучение данного феномена формирует новую предметную сферу приложений юридической науки и определяет ее новую теоретико-методологическую специализацию и ориентацию – когнитивную юриспруденцию, правовую герменевтику, юридическое науковедение.

Когнитивная юриспруденция образует проблемное поле юридической науки, существующее на пересечении историко-генетической юриспруденции, философии и социологии права, юридической психологии и сравнительного правоведения. Ключевыми проблемами здесь являются исследование роли юридической картины мира в становлении и развитии языков теоретической и практической юриспруденции; влияния юридической картины мира на динамику и траектории развития систем социально-нормативного регулирования в их историческом времени и пространстве. Основной предмет исследования – переходные состояния в юридических картинах мира и, соответственно, конкретных правопорядках; соотношения юридической картины мира и правопонимания, понятийной и образной структур правосознания, реальной и воображаемой правовой действительности.

Когнитивная юриспруденция выстраивает свой предмет и проблематику на внутренних процессах изменений в структуре юридических картин мира отдельных исторических эпох, а именно формах юридического мышления и правопонимания. Правовая герменевтика – это вторая дисциплинарная область исследования юридической картины мира²¹. Ее предмет и проблематика отражают внешние процессы преобразований юридических картин мира, а именно изменения в системах юридического языка общения, нормативных и логических структур юридических дискурсов или внешних форм толкования и существования права.

Юридические картины мира Ветхозаветной и Коранической юриспруденции являют собой завершенные нормативные образцы восприятия и переживания правовой реальности, ее сакрального языка как нормативной формы рассуждений о должном и сущем порядке отношений²², т.е. юридического дискурса.

Рабочий материал для обеих дисциплин предоставляет история политических и право-

вых учений, имеющая длительную, богатую и непрерывную исследовательскую традицию изучения государства и права. История политических и правовых учений – это не что иное, как история смены политико-правовых парадигм развития институтов государства и права и юридических представлений о государстве и праве. Ее значение в изучении материальных и идеальных аспектов развития права и юридической картины мира невозможно переоценить, поскольку история их развития является одновременно историей борьбы различных юридических дискурсов за доминирование в понимании и определении своего права.

Перманентный конфликт позитивистского дискурса, основанного на отождествлении права и закона и естественно-правового дискурса, различающего данные категории, образует действительное содержание соционормативных практик конкретных обществ.

Аналогичную роль в процессах концептуализации предмета когнитивной юриспруденции и правовой герменевтики играет наука истории государства и права. В отличие от истории политических и правовых учений, предмет которой составляют доктринальные сдвиги в политико-правовых системах, предмет истории государства и права составляют институциональные изменения в государственно-правовых системах, прямое или косвенное влияние которых на преобразования в отдельных составляющих юридических картин мира очевидно. Также очевидно и обратное влияние юридической картины мира на процессы институциональных изменений.

Взаимные изменения в системе предметных и системе идеальных форм существования права, их пересечения и наложения, их структурная совместимость определяют исторические рамки развития права. Юридические картины прошлого и настоящего, юридические картины мира религиозного и позитивного права и выражающие их соционормативные культуры и институциональные практики фиксируют и регулируют исторические траектории развития права.

Формирование новых междисциплинарных сетей информационных обменов и новых междисциплинарных тем в структуре теоретической юриспруденции отражает развитие не только ее предмета и методов, но также и способность действительно быть фундаментальной научной дисциплиной о праве и государстве. Именно здесь лежат социальные и культурные основания высокого общественного статуса и практической востребованности и эффективности результатов юридической на-

²¹ Бетти Эмилио. Герменевтика как общая методология наук о духе. М., 2011.

²² Лафитский В. Сравнительное правоведение в образах права. Т. 2. М., 2011. Азаркин М.Н. Всеобщая история юриспруденции. М., 2003.

уки в целом. Но это уже вопрос компетенции юридического науковедения, предмет исследования которого – феномен правовых коммуникаций, обеспечивающих производство и воспроизводство правовой реальности.

В контексте предмета статьи, по сути, речь может идти о новой конфигурации научных дисциплин как внутри теории государства и права, так и юридической науки в целом. Этим обстоятельством и объясняется актуализация ряда исследовательских тем в предметных рамках юридической картины мира в общем формате «история и современность». Первая тема – юридическая картина мира и юридическое мышление и сознание. Вторая тема – юридическая картина мира и юридический язык общения и культура. Третья тема – юридическая картина мира и правовая политика и практика. Их последовательность отражает, по существу, историческую логику развития права как ментальной, языковой и нормативной реальности. Право есть одновременно и социальный факт и артефакт, органическое и искусственное, юридический концепт и юридический конструкт действительности. И прежде чем стать институтом, право живет в сознании в форме представления о нормативно-должном или юридическом порядке отношений. Именно юридическая картина мира, будучи составной частью правовой реальности, лежит в основании процесса воспроизводства социальной реальности в качестве нормальной или аномальной реальности.

Остается только согласиться и принять в качестве аксиоматического суждения, что только все юридически разумное действительно, а все юридически неистинное само разрушается.

Таким образом, общим предметом юридической науки в целом является нормальное или юридическое. Юридическая картина мира, как, впрочем, и все другие элементы правовой реальности – материальные и идеальные, предметные и воображаемые, символические и языковые, институциональные и нормативные – все это, уже известное или еще неизвестное, есть формы или проявления именно юридического. Что это такое? Ответ на данный риторический вопрос может дать только юридическая наука, поскольку, следуя собственной предметной конструкции, юридическая наука – это наука о юридическом в социальном²³.

²³ Качанов Ю.Л. Эпистемология социальной науки. СПб., 2007; Орлов И.Б. Человек исторический в системе гуманитарного знания. М., 2012.

Юридическая картина мира и правопонимание: границы и пересечения

Юридическая картина мира, юридический язык, юридический дискурс, юридический текст – все это элементы или составляющие соционормативной культуры общества, в рамках которой протекает жизнь, генезис и развитие конкретно-исторических правовых систем и различных версий понимания права. Каждая версия обладает своей нормативной идеологией, выраженной в системе доктрин и представлений о сущности права²⁴. Дискуссии о соотношении принципов гражданской свободы, формального равенства и социальной справедливости в процессах юридической организации социальных отношений то затихают, то вспыхивают с неослабевающей силой²⁵. Библиография литературы вопроса на данную тему практически необозрима²⁶. Описание борьбы отдельных научных школ и теорий, выражающих зачастую абсолютно противоположные точки зрения на предмет онтологических и аксиологических оснований права, его содержания и формы, может составить сегодня отдельную область историографических юридических исследований²⁷.

Вместе с тем при всем разнообразии позиций по отдельным аспектам понимания права на периферии научных исследований оказался самый главный вопрос юридической науки, а именно: какие смыслы и значения заключает в самой себе данная фундаментальная категория юриспруденции. Широкая и узкая трактовки понимания права, составляющие существенный вклад классической юриспруденции в развитие общей теории права, по существу обошли понятийные аспекты в разработке данной темы. Теория вопроса остается открытой. Последовательно вводимые в научный оборот правовые концепты – юриспруденция понятий и юриспруденция норм, юриспруденция интересов или юриспруденция ценностей, выражающие эволюцию точек зрения на предмет понимания

²⁴ Корнев А.В. Государство и право в контексте консервативной и либеральной идеологии. М., 2013.

²⁵ Варламова Н.В. Понимание свободы, равенства и справедливости в контексте либертарной теории права // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. СПб., 2009.

²⁶ Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012.

²⁷ Честнов И.Л. Правовая культура и культурология права // Право в контексте социодинамики культуры. СПб., 2010.

права – имеют скорее метафорическое, чем научное значение.

Понятие правопонимание, выступая базисной категорией научного анализа, практически не разработано²⁸, хотя исторические версии определения оснований происхождения, генезиса и развития права, общие подходы к пониманию природы и сущности права, источников и форм права представлены предостаточно в юридической научной²⁹ и учебной³⁰ литературе. В позитивистском и непозитивистском вариантах правопонимания, классической, неклассической и постклассической версиях представления о праве определение составных элементов, структуры и функций данной категории не стоит в повестке дня. Все разнообразие отдельных концепций понимания права, а в конечном счете, определения понятия права, сводится либо к реалистической или идеалистической, либо формальной или содержательной деконструкции онтологических оснований права.

Разумеется, правопонимание как инструмент изучения права и правопонимание, как предмет юридической науки имеют различные значения и определения. В рамках постановки вопроса о соотношении категории «юридическая картина мира» и категория «правопонимание», концепт «правопонимание», на наш взгляд, обладают собственным смыслом, не сводимым ни к инструменту, ни предмету юридического анализа права. Правопонимание есть не что иное, как обоснование определенного взгляда на феномен права и фундаментальное представление о праве как явлении, категории, правовом институте и правовой ценности. Это одновременно и социокультурная доктрина (мировоззрение), правовой концепт (метатеория) и воображаемая правовая реальность (мифологема).

Генезис правопонимания и юридической картины мира, их исторические онтологии и аксиологии подчинены общим принципам развития соционормативной культуры – взаимо-

зависимости и дополнительности. Эволюция форм юридической картины мира и эволюция форм правопонимания протекают параллельно и симметрично. Обе составляющие соционормативной культуры конкретного общества выполняют собственные функции в процессе и механизме воспроизводства правовой реальности. Вместе с тем сферы их существования и проявления – правовое бытие и правовое сознание – образуют собственные нормативные пространства возможных траекторий развития права³¹.

Если юридическая картина мира имеет онтологический статус, выражающий аспект существования правовой реальности, то правопонимание имеет теологический статус, выражающий аспект обоснования права на существование конкретной правовой реальности. Архаическая, мифопоэтическая, религиозная юридические картины мира конституируют правовую реальность, устанавливая нормативные границы развития конкретных обществ. В свою очередь, правопонимание, в своих различных доктринальных версиях представления о праве, квалифицирует правовую реальность на предмет наличия или отсутствия права, определения того, что в ней есть право и что не есть право.

Юридическая картина мира – это область бытования нормативно-должного, юриспруденция повседневного или наличного опыта переживания права; правопонимание – область перформативных, правопорождающих суждений о нормативно-должном порядке отношений, юриспруденция смыслов существования права, оправдания или обоснования подлинного правопорядка. Это своего рода теология права или правовая теология.

Действительность права лежит на пересечении этих двух фундаментальных составляющих соционормативной культуры – правовых ожиданий юридических смыслов и юридических идеологий правовых притязаний.

²⁸ Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999.

²⁹ Сырых В.М. Материалистическая теория права. Т. 1–3, М., 2011; Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. 2010; Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб., 2003; Честнов И.Л. Постклассическое правопонимание. М., 2010.

³⁰ Теория государства и права / отв. ред. О.В. Мартышин. М., 2007; Кулапов В.Л., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2008; Морозова Л.А. Теория государства и права. М., 2013; Лазарев В.В., Липень С.В. Теория права и государства. М., 2012.

³¹ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007; Он же. Нравственные основания права. М., 2008.

Библиография:

1. Абакумова О.Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации. – М., 2013.
2. Азаркин М.Н. Всеобщая история юриспруденции. – М., 2003.
3. Бауман З. Текучая современность. – М. – СПб., 2008.
4. Берман Гарольд Дж. Вера и закон: примирение права и религии. – М., 2008.
5. Бетти Эмилио. Герменевтика как общая методология наук о духе. – М., 2011.
6. Варламова Н.В. Понимание свободы, равенства и справедливости в контексте либертарной теории права // Российский ежегодник теории права. – 2008. – № 1. – СПб., 2009.
7. Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. – М., 2010.
8. Гидденс Э. Последствия современности. – М., 2011.
9. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М., 2004.
10. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. – СПб., 1875.
11. Йоас Ханс. Возникновение ценностей. – СПб., 2013.
12. Качанов Ю.Л. Эпистемология социальной науки. – СПб., 2007.
13. Корнев А.В. Государство и право в контексте консервативной и либеральной идеологии. – М., 2013.
14. Крылов А.Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. – М., 2012.
15. Кулапов В.Л., Малько А.В. Теория государства и права. – М., 2008.
16. Морозова Л.А. Теория государства и права. – М., 2013.
17. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория права и государства. – М., 2012.
18. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. – М., 2008.
19. Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М., 2007.
20. Мальцев Г.В. Культурные традиции в праве. – М., 2013.
21. Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования. – М., 1994.
22. Элиаде Мирча. Священное и мирское. – М., 1994.
23. Честнов И.Л. Правовая культура и культурология права // Право в контексте социодинамики культуры. – СПб., 2010.
24. Ерохов И. Современные политические теории: кризис нормативности. – М., 2008.
25. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. – М., 2003.
26. Ритмология культуры. – СПб., 2012.
27. Петровская Е. Безымянные сообщества. – М., 2012.
28. Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. – М., 2012.
29. Лафитский В. Сравнительное правоведение в образах права. Т. 1–2. – М., 2010–2011.
30. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М., 1998.
31. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. – М., 1999.
32. Мамут Л.С. Полиmodalность права // Правовая коммуникация и правовые системы: труды Института государства и права РАН. – 2013. – № 4.
33. Мэн Г.С. Древнее право, его связь с древнейшей историей общества и его отношение к новейшим идеям. – СПб., 1873.
34. Орлов И.Б. Человек исторический в системе гуманитарного знания. – М., 2012.
35. Отто Рудольф. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. – СПб., 2008.
36. Право в контексте социодинамики культуры. – СПб., 2010.
37. Правовая коммуникация и правовые системы: труды Института государства и права РАН. – 2013. – № 4.
38. Правовое общение. Постановка проблемы / отв. ред. Л.С. Мамут. – М., 2012.
39. Правопонимание в эпоху постмодерна. – СПб., 2003.
40. Рейснер М. Идеология Востока. Очерки восточной теократии. – М. – Л., 1927.
41. Сырых В.М. Материалистическая теория права. Т. 1–3. – М., 2011.
42. Теория государства и права / отв. ред. О.В. Мартышин. – М., 2007.
43. Филимонова И.В. Юридические фикции в праве стран Запада и Востока: историческое наследие. – М., 2012.
44. Фуко Мишель. Нужно защищать общество. – СПб., 2005.

45. Фюстель де Куланж Н.Д. Древняя гражданская община. Исследование о культе, праве, учреждениях Греции и Рима. – М., 2011.
46. Честнов И.Л. Постклассическое правопонимание. – М., 2010.
47. Честнов И.Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. – СПб., 2000.
48. Шибутани Т. Социальная психология. – М, 1969.
49. Ясперс Карл. Духовная ситуация времени. – М., 2013.

References:

1. Iering R. Dukh rimskogo prava na razlichnykh stupenyakh ego razvitiya. SPb., 1875.
2. Men G.S. Drevnee pravo, ego svyaz' s drevneishei istoriei obshchestva i ego otnoshenie k noveishim ideyam. SPb., 1873.
3. Fyustel' de Kulanzh N.D. Drevnyaya grazhdanskaya obshchina. Issledovanie o kul'te, prave, uchrezhdeniyakh Gretsii i Rima. M., 2011.
4. Lafitskii V. Sravnitel'noe pravovedenie v obrazakh prava. T.1-2, M., 2010-2011.
5. Abakumova O.B. Poslovitsy v yazyke, soznanii i kommunikatsii. M., 2013.
6. Ioas Khans. Vozniknovenie tsennostei. SPb., 2013.
7. Mamut L.S. Polimodal'nost' prava. – Pravovaya kommunikatsiya i pravovye sistemy. Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN, № 4, 2013.
8. Giddens E. Uskol'zayushchii mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'. M., 2004.
9. Pravovoe obshchenie. Postanovka problemy: monografiya (otv. red. dokt. jurid. nauk, prof. Mamut L.S.) M., 2012.
10. Shibutani T. Sotsial'naya psikhologiya. M, 1969.
11. Filimonova I.V. Yuridicheskie fiktsii v prave stran Zapada i Vostoka: istoricheskoe nasledie. M., 2012.
12. Reisner M. Ideologiya Vostoka. Ocherki vostochnoi teokratii. M-L., 1927.
13. Berman Garol'd Dzh. Vera i zakon: primirenje prava i religii. M., 2008.
14. Otto Rudol'f. Svyashchennoe. Ob irratsional'nom v idee bozhestvennogo i ego sootnoshenii s ratsional'nym. SPb., 2008.
15. Krylov A.N. Religioznaya identichnost'. Individual'noe i kollektivnoe samosoznanie v postindustrial'nom prostranstve. M., 2012.
16. Pravo v kontekste sotsiodinamiki kul'tury. SPb., 2010.
17. Yaspers Karl. Dukhovnaya situatsiya vremeni. M., 2013.
18. Liotar Zh.-F. Sostoyanie postmoderna. M., 1998.
19. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost'. M-SPb., 2008.
20. Giddens E. Posledstviya sovremennosti. M., 2011.
21. Fuko Mishel'. Nuzhno zashchishchat' obshchestvo. SPb., 2005.
22. Pravovaya kommunikatsiya i pravovye sistemy. – Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN, № 4, 2013.
23. Betti Emilio. Germenevtika kak obshchaya metodologiya nauk o dukhe. M., 2011.
24. Chestnov I.L. Pravo kak dialog: k formirovaniyu novoi ontologii pravovoi real'nosti. SPb., 2000.
25. Azarkin M.N. Vseobshchaya istoriya yurisprudentsii. M., 2003.
26. Kachanov Yu.L. Epistemologiya sotsial'noi nauki. SPb., 2007.
27. Orlov I.B. Chelovek istoricheskii v sisteme gumanitarnogo znaniya. M., 2012.
28. Kornev A.V. Gosudarstvo i pravo v kontekste konservativnoi i liberal'noi ideologii. M., 2013.
29. Varlamova N.V. Ponimanie svobody, ravenstva i spravedlivosti v kontekste libertarnoi teorii prava.-Rossiiskii ezhegodnik teorii prava. № 1. 2008, SPb., 2009.
30. Lapaeva V.V. Tipy pravoponimaniya: pravovaya teoriya i praktika. M., 2012.
31. Mal'tsev G.V. Ponimanie prava. Podkhody i problemy. M., 1999.
32. Syrykh V.M. Materialisticheskaya teoriya prava. T.1-3, M., 2011.
34. Varlamova N.V. Tipologiya pravoponimaniya i sovremennye tendentsii razvitiya teorii prava. 2010.
35. Pravoponimanie v epokhu postmoderna. SPb., 2003.
36. Chestnov I.L. Postklassicheskoe pravoponimanie. 2010.
37. Teoriya gosudarstva i prava (otv. red. dokt. jurid. nauk Martyshev O.V). M, izd-vo Norma, 2007.
38. Kulapov V.L., Mal'ko A.V. Teoriya gosudarstva i prava M., 2008.
39. Morozova L.A. Teoriya gosudarstva i prava M., 2013.

40. Lazarev V.V, Lipen' S.V. Teoriya prava i gosudarstva. M., 2012.
41. Mal'tsev G.V. Nravstvennyye osnovaniya prava. M., 2008.
42. Mal'tsev G.V. Sotsial'nye osnovaniya prava. M., 2007.
43. Mal'tsev G.V. Kul'turnye traditsii v prave. M., 2013.
44. Berman G. Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya. M., 1994.
45. Eliade Mircha. Svyashchennoe i mirskoe. M., 1994.
46. Chestnov I.L. Pravovaya kul'tura i kul'turologiya prava.– Pravo v kontekste sotsiodinamiki kul'tury. SPb., 2010.
47. Erokhov Il'ya. Sovremennye politicheskie teorii: krizis normativnosti. M., 2008.
48. Vallerstain I. Konets znakomogo mira. Sotsiologiya XXI veka. M., 2003.
49. Ritmologiya kul'tury. SPb., 2012.
50. Petrovskaya Elena. Bezymyannye soobshchestva. M., 2012.

Материал поступил в редакцию 14 октября 2013 г.

ПРАВО И ЭТИКА

В.М. Артемов*

ВЗАИМОПОМОЩЬ КАК ПРИОРИТЕТНАЯ ЦЕННОСТЬ В ЭТИКЕ КРОПОТКИНА: ОПЫТ АКТУАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Аннотация: С позиций потребностей и запросов современного общества, находящегося в состоянии глубокого нравственного кризиса, осмысливается научно-гуманистическая концепция П.А. Кропоткина, 170-летие со дня рождения которого прогрессивная общественность отметила совсем недавно. Широкая мировая известность последнего связана, прежде всего, с последовательными подвижническими усилиями (теоретическими и практическими) в развертывании позитивно-утверждающего понимания человека и его возможностей в плане развития и совершенствования социального целого. Огромная теоретическая и прогностическая сила его идей во многом обусловлена также аргументированным и убедительным доказыванием значимости взаимопомощи как приоритетной ценности. Она же отстаивалась и воплощалась в самой жизненной практике великого русского мыслителя и общественного деятеля. В качестве своеобразного индикатора состоятельности его личностного бытия в целом видится гармония свободы и нравственности. Основа авторской позиции заключается в том, что зрелая свобода в сущности предполагает нравственное измерение. Именно по этой причине мы рассматриваем ответственность как оборотную сторону свободы. Данный подход позволяет глубже понять и решить проблему соотношения свободы, нравственности и права. Известное критическое отношение к государству со стороны представителя русского классического анархизма не исключает признание заслуг и возможностей такого права, которое действительно базируется на нравственном фундаменте и способствует усилению потенциала свободы в справедливо устроенном обществе. Творческий вклад философа является перспективным для нравственного возрождения современного человека, совершенствования общества в целом и его отдельных институтов, включая право.

Ключевые слова: Россия; Россия, Кропоткин, Кропоткин; современное общество; нравственный кризис; этика; духовные ценности; проблема приоритетов; взаимопомощь; проблема соотношения; нравственность и право.

DOI: 10.7256/1729-5920.0.0.10291

Осмысление ситуации в современном обществе, включая Россию, приводит к выводу о том, что в течение жизни уже нескольких поколений неуклонно продолжает снижаться духовно-нравственный потенциал человека, социальных групп и социума в целом. Угрожающей представляется тенденция понижения планки образования и культуры в целом.

Нормальные, т.е. нравственно состоятельные, готовые помочь другим, работающие, имеющие здравый смысл¹ и разум люди практически отодвинуты на второй план,

¹ Показателен своеобразный призыв, прозвучавший со страниц одной из газет: «Ищем нормальных людей» (Московский литератор. 2012, авг.).

© Артемов Вячеслав Михайлович

* Доктор философских наук, профессор кафедры философских и социально-экономических дисциплин Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) [vyach_artemov@mail.ru]

123995 г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

поэтому продолжает размываться сам критерий того, что значит быть современным человеком. «Героями нашего времени» все чаще становятся не личности в собственном смысле этого слова, не люди, подвижническая деятельность которых ведет к совершенствованию и процветанию социокультурного целого, а те, кто в угоду какой-либо конъюнктуре, условно говоря, оказываются на виду средств массовой информации. Последние облюбовали такие популярные площадки, как экономика, точнее, перманентный экономический кризис; политика, точнее, скандалы партийно-выборного плана; разного рода шоу с участием одних и тех же персон из «элиты», конъюнктурное кино и т.п. На периферии остается действительно значимое, а толпа заменяет общество².

Так, прошедший в Нижнем Новгороде VI российский философский конгресс «Философия в современном мире: диалог мировоззрений» (27–30 июня 2012 г.) практически не освещался в СМИ. Неужели сегодняшнему больному обществу не нужна мудрость или хотя бы попытки культивирования любви к ней? Интересные выступления наших философов, таких как А.А. Гусейнов, В.А. Лекторский, В.С. Степин и др., наверняка способствовали бы его оздоровлению, если бы они стали достоянием более широкой аудитории. В этой связи вспоминается суждение, сделанное достаточно высокопоставленным чиновником на пленарном заседании того же конгресса. Смысл примерно таков: мы (надо полагать те, кто управляет) придерживаемся простой философии – каждый должен удовлетворять свои потребности сам. Кстати, такая «простота», по-видимому, проявилась в самой организации работы философов России и многих гостей из разных стран: все участники были размещены в совершенно разных точках города, секционные заседания проходили таким же образом; тезисы выступлений не были готовы в срок и т.п. Такая организация скорее ведет не к объединению, а к разобщению тех, кто мыслит.

Разумеется, глубокая философская мысль прямо не зависит от каких-то внешних условий и сама по себе благотворно влияет на социальное целое, не нуждаясь в специальном одобрении большинства. Однако эта мысль как минимум должна быть услышана. Кроме того, у философии, точнее, у философов есть особая социальная миссия, заключающаяся, в частности, в том, чтобы глубже

проникнуть в насущные проблемы, дать им собственно теоретическое объяснение, наметить пути их решения. Ее выполнение связано с таким тонким измерением, как личностные, сугубо нравственные качества тех, кто мыслит и позиционирует себя соответствующим образом.

Думается, что прошедший в августе 2013 г. XXIII Всемирный философский конгресс во многом подтвердил это. Хотя его организация тоже могла бы быть лучше³ (в частности, на секционных заседаниях отсутствовал перевод с русского языка на английский, не все записавшиеся в докладчики в действительности выступили в качестве таковых и т.п.), в содержательном смысле, на мой взгляд, все прошло очень интересно и результативно. Показательно, что открытие Конгресса проходило на Акрополе. Наблюдая сотни и даже тысячи (прибыли и зарегистрировались 3200 чел., в том числе из России – 467⁴), можно было убедиться, что философия продолжает не просто существовать, но и набирать силу в соответствии с новыми потребностями человека и общества.

Вспоминается, в частности, следующее: во время подготовки презентации к авторскому докладу на секции «Философия ценностей» студентка Афинского университета, увидев на мониторе высветившееся содержание моей карты памяти, на которой были первичные наработки к настоящей статье, радостно воскликнула: «О, Кропоткин!». Но, выступать на заседании секции (кстати, единственному из пяти записавшихся) пришлось по другой теме, касающейся проблемы увеличения нравственного измерения в праве. В связи с неготовностью других докладчиков (совершенно неожиданно) выступал вдвое дольше запланированного, столько же отвечал на вопросы достаточно многочисленной аудитории. Зато приятно вспомнить, что предложенная концепция усиления нравственности в праве получила поддержку. По ходу можно заметить, что дефицит нравственности, особенно ответственности, налицо не только в праве.

В целом духовную сферу, да и все иные сферы общества может выправить только, условно говоря, равновеликая сила – сам человек как человек. Речь идет о самом главном в человеке – тонких чувствах, глубоких мыслях,

² Канетти Э., Московичи С. Монстр власти: роман. М., 2009. С. 35.

³ Малюкова О.В. Река, текущая вспять // Вестник Российского философского общества. 2013. № 3. С. 33–35.

⁴ Королев А.Д. Философия как расследование // Вестник Российского философского общества. 2013. № 3. С. 9.

благородных мотивах поведения, высоких и достойных ценностных предпочтениях и ориентирах, прежде всего – нравственных.

Своеобразным же нервом нравственности выступает человеческое в человеке. Нравственность является предметом этики, поэтому сегодня как никогда ранее требуется сугубо этический взгляд на происходящее. В конечном счете из тупика может вывести лишь последовательная и многосторонняя этизация отношений и институтов в обществе. По существу, речь идет о выстраивании некоего спасительного для всех общего дела, об устойчивой совокупности нравственно оправданных поступков и действий самих людей на всех уровнях социума.

Отсюда потребность не только в глубоких теоретических изысканиях и разработках, но и в позитивно-утверждающих духовно-нравственных конструкциях или концептах, основанных на вере в человека, примерах и образцах личностного порядка. Возможно, это обусловлено какой-то, пока еще необъяснимой, во многом интуитивной тягой современного человека к неким идеальным образцам⁵.

Думается, что адекватное философское осмысление вызовов третьего тысячелетия требует нового прочтения классического наследия, за которым стоят действительно масштабные личности. Особенно востребованы те из них, чья жизнь, деятельность и труды тесно переплетены и дополняют друг друга. В свою очередь, это может способствовать формированию и поддержке у наших современников, особенно молодых, достаточно оптимистических представлений о перспективах общественного развития.

Разумеется, значение личностного вклада в общественный прогресс не исчерпывается лишь соответствующими идеями и их взаимосвязью. Оно предполагает и чувственно-эмоциональную устремленность, последовательную серию решений и поступков человека в конкретных исторических обстоятельствах. В связи с этим интересным представляется следующее рассуждение философа и правоведа В.М. Хвостова: «Так как человек составляет часть мироздания, микрокосм, в котором отражается и весь окружающий его макрокосм, то, культивируя в себе самом и содействуя добру в самом себе, человек тем самым

принимает деятельное участие во всем мировом процессе, в той борьбе противоположностей, которая разыгрывается в мироздании»⁶.

К числу именно таких личностей применительно не только к России, но и к миру в целом в полной мере можно отнести Петра Алексеевича Кропоткина (1842–1921). Рассмотрение оригинальной этико-философской концепции последнего следует органично связать с обращением к основным моментам его необычайно цельного и ориентированного на идеал жизненного пути. Соответствующий анализ свидетельствует об устойчивом свободолобии, высоких моральных и гражданских качествах Кропоткина.

Именно эти качества по существу и были предметом его теоретических изысканий, но уже применительно к человеку в целом. При этом своеобразной визитной карточкой русского мыслителя и подвижника является последовательное отстаивание и теоретическое развертывание идеи взаимопомощи. Последняя рассматривалась в качестве надежной скрепы в обществе и позиционировалась в качестве приоритетной ценности.

Кропоткин происходил из древнего княжеского рода, среди представителей которого были и деятели оппозиции. Крепостническим взглядам его отца противостояли вольнолюбивые представления матери (после ее смерти были найдены тетради запрещенных стихотворений, включая те, авторами которых были декабристы), оказавшей влияние на формирование нравственных убеждений Кропоткина-младшего. Именно в аспекте этого влияния следует рассматривать и дружбу с братом Александром, который, будучи всего на шестнадцать месяцев старше, в свою очередь испытал существенное обратное влияние со стороны Петра.

Во многом по воле случая (на одном из балов в Благородном собрании уставший мальчик уснул на коленях императрицы и Николай I назначил его кандидатом в Пажеский корпус) юный Петр оказался в привилегированном военно-учебном заведении, где увлекается литературой, выпускает рукописную газету. В ней он пишет и о правовом порядке как желаемом состоянии для России. Его свободолобие (в 16 лет был уверен, что самодержавие изжило себя) опиралось на основательные знания истории, а направление собственно научных поисков, по существу, определялось его представлениями о духовно-нравствен-

⁵ Не случайно, В.В. Налимов, к примеру, в философском эссе «На грани третьего тысячелетия: что осмыслили мы, приближаясь к XXI веку» (1994), освещая этику как одно из проявлений культуры, обращается, в том числе полемически, исключительно к идеям И. Канта и П.А. Кропоткина.

⁶ Хвостов В.М. Этика человеческого достоинства: Критика пессимизма и оптимизма. М., 2007. С. 137.

ных ценностях как личностных и социальных ориентирах.

Желание во всем разобраться самому определили его неординарный поступок: окончив обучение, он просит назначения в Амурское казачье войско. Непосредственно увиденное в Сибири, знакомство с идеями П.-Ж. Прудона и других радикальных мыслителей активизировали его размышления о реальном положении дел в обществе. Попытки реформирования, в частности тюремной системы, оказались провальными. Постепенно он убеждается в абсолютной порочности бюрократической централизации вообще.

Окончив физико-математический факультет Петербургского университета, Кропоткин отправляется за границу, где из молодого ученого превращается в революционно настроенного борца за свободу и справедливость. Вернувшись на родину, вступает в народнический кружок чайковцев, встречает там, по его же словам, «идеально чистых и нравственно выдающихся людей». Примечательно, что первым шагом молодого революционера был акт своеобразной нравственной реабилитации М.А. Бакунина, который «никого никогда на подлости не благословлял, Нечаева обману и убийству товарищей не учил»⁷.

После смелого побега из госпиталя во время нахождения в Петропавловской крепости русский анархист умеренного, нравственно ориентированного типа в течение более сорока лет вынужденно находился на Западе. Вернувшись на родину в июне 1917 г., решительно отказался от приглашения войти в состав Временного правительства. В качестве ближайшей цели неутомимый гуманист видит не узко политическую, а глубокую революцию, которая «расшевелила бы всю умственную и нравственную жизнь общества, вселила бы в среду мелких и жалких страстей животворное дуновение высоких идеалов, честных порывов и великих самопожертвований»⁸.

Не боясь политических последствий, в целом поддержавший революцию гуманист предостерегал большевиков от чрезмерной жестокости. Несмотря на подорванное здоровье, участвовал (в качестве председателя) в работе Лиги федералистов, активно пропагандировал идеи народного просвещения, напряженно трудился над «Этикой». Ее он рассматривал и как поиск ответа на давно волновав-

шую проблему происхождения нравственности, и как ожидаемый обществом своего рода «спасательный круг» в условиях социального ожесточения и снижения ценности человеческой жизни.

Эти и иные подобные факты жизни и деятельности Кропоткина наглядно свидетельствуют о единстве свободы и нравственности как своеобразном стержне его собственного личностного бытия. Разумеется, данное обстоятельство не могло не сказаться на содержании этико-философских трудов мыслителя, а ключевые идеи последних оказывали обратное воздействие не только на его реальную жизнь, но и способствовали действительным изменениям в духовной сфере тогдашнего общества.

Не случайно интерес к его жизни и творчеству никогда не угасал, а в последние два десятилетия явно усиливается⁹. Мировую известность Кропоткин приобрел, прежде всего, как выдающийся ученый-естествоиспытатель, путешественник, общественный деятель, теоретик анархизма. Неплохо изучены его исторические и социологические воззрения. Меньше всего известны и до сих пор требуют все новых усилий в плане теоретической реконструкции собственно философские и этические идеи.

При этом адекватное понимание указанных идей предполагает учет всего спектра личностных проявлений их носителя на всем протяжении его жизни. Показательным в этой связи выглядит интерес к Кропоткину со стороны одного из «анти-веховцев» Н.Д. Авксентьева. Критикуя С.Л. Франка за обвинения русской интеллигенции в том, что она, будто бы «антикультурна, потому что нигилистична, т.е. отрицает “абсолютные” ценности...», он обращает внимание на «большой “челове-

⁹ Так, своего рода переломным в деле возрождения интереса к жизни и творчеству П.А. Кропоткина стали круглый стол (Дмитров, 1991) и международная конференция, посвященная 150-летию со дня его рождения (Москва, С.-Петербург, 1992). Они собрали исследователей многих стран мира, включая Великобританию, Израиль, Италию, США, Югославию, Японию и др. Научный обзор первого подготовила И.В. Блауберг («Вопросы философии». 1991. № 11). Ход и итоги указанной конференции освещены автором: В.М. Артемов. Поиски идеала и путей к свободе: П.А. Кропоткин и вокруг него // Путь: Международный философский журнал. 1993. № 5. С. 204–211. Более поздние статьи: Артемов В.М. Гуманистическая этика П.А. Кропоткина: единство свободы и нравственности // Вест. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2004. № 2; Артемов В.М. Этика взаимопомощи П.А. Кропоткина и современность // Сборник материалов IV Международных Кропоткинских чтений. К 170-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. Материалы и исследования. Дмитров, 2012.

⁷ Шеметов А.И. Искушение: Повесть о Петре Кропоткине. М., 1986. С. 15.

⁸ Кропоткин П.А. Этика: Избранные труды. М., 1991. С. 387.

ский документ”, написанный мастерской рукой, – автобиографию Петра Кропоткина...»¹⁰.

В указанном документе, по мнению автора, видится «...не “непродуманное” отрицание “абсолютных” ценностей, которые все очень хорошо рядом умещаются на бумаге. Здесь преклонение пред ценностью истины, пред высшими радостями, даваемыми ею. Но здесь же неумолимая жизненно-творческая задача, говорящая всегда и везде – иди и делай! – иди и делай то, что не терпит отлагательств – твой ближайший культурно-исторический долг»¹¹.

Таким образом, вклад Кропоткина в философию и этику следует тесно связывать не только с мировоззренческой широтой, общей гуманистической направленностью и глубоким содержанием большинства его работ, но и с удивительно цельной и последовательной жизненной линией самого их автора. Органическая взаимосвязь слова и дела как раз и есть самое ценное и притягательное в Космосе личности этого человека. Более того, расширительное понимание анархии как тенденции основать синтетическую, научно ориентированную философию, способную охватить наряду с природой и всю общественную жизнь, в известном смысле выводит Кропоткина за пределы анархизма в узко политическом смысле слова.

Об этом свидетельствует, в частности, парадигма решения им стержневой для этически ориентированной философии проблемы соотношения нравственности и свободы. Как раз именно она, взятая в контексте социального идеала, составляет своего рода нерв всей русской философии. При этом указанный идеал в качестве важнейшей составляющей органично включает в себя взаимопомощь. Да и феномен свободы рассматривался не сам по себе, а прежде всего в аспекте анализа социальных реалий в прошлом и настоящем, в связи с прогнозированием возможного и желаемого развертывания событий в будущем.

Известно, что великий мыслитель и подвижник, будучи необычайно цельной и деятельной личностью, всегда размышлял именно о личностном потенциале человека как человека, существенными измерениями которого являются именно нравственность и свобода. Соответственно прицельное рассмотрение данной проблемы позволяет исследовать самые глубинные пласты философско-этических позиций Кропоткина, включая идею взаимопомощи.

Его перу принадлежат такие работы, как «Справедливость и нравственность», «Нравственные начала анархизма», «Взаимная помощь как закон природы и фактор эволюции» (другое название – «Взаимопомощь как фактор эволюции»), «Записки революционера», «Современная наука и анархия», «Хлеб и воля», «Этика» и многие другие. В них ученый и философ, в частности, исходит из признания глубоких природных и одновременно социальных корней, определяющих сущность человека.

Человек стремится к счастью и оперирует духовно-нравственными ценностями, огромными возможностями разума, который не боится собственных выводов. Отсюда тщательное обдумывание того, *что* и *как* следует создавать. Имеются все основания утверждать, что был сделан шаг в обосновании известной современной позиции, согласно которой нравственность есть сущность социального¹².

Своеобразным ключом к пониманию сути нравственной философии Кропоткина представляется положение из второй главы «Этики» («Намечающиеся основы новой этики»): «Нравственный прогресс необходим, но без нравственного мужества он невозможен»¹³. Мужество, тем более нравственное, никак не вытекает из природно-биологического уровня бытия человека; оно является результатом свободного выбора самого человека как личности. Данный выбор и выступает в качестве своеобразного механизма, поднимающего нравственность на более высокий уровень, достойный свободного человека и подлинно справедливого общества. Думается, что именно нравственное мужество составляет эпицентр личностного бытия самого Кропоткина как подлинного представителя русской и мировой культуры. В истории философии и этики это обстоятельство имеет самостоятельную ценность, которую нельзя не учитывать как в научном, так и в воспитательном плане.

В связи с этим справедливо заметить, что в настоящее время без определенного нравственного мужества невозможна и привычная ранее взаимопомощь. Нужно еще осмелиться помогать другим, когда имеются (формально) соответствующие службы и назначенные кем-то исполнители. Примечателен такой свежий факт из нашей жизни, на который мало кто обратил внимание: в потерпевшем чудовищное наводнение Крымске «волонтеры из противодействующих политических лагерей, которые

¹⁰ Авксентьев Николай. Творчество культуры // Анти-Вехи. М., 2007. С.337.

¹¹ Там же. С. 338.

¹² Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998.

¹³ Кропоткин П.А. Указ. соч. С. 43.

всего полгода назад орали друг на друга с разных сторон улицы Тверской, замечательно живут в одном лагере и даже дружат!»¹⁴. Поистине взаимопомощь сближает...

Применительно к этическим взглядам Кропоткина зрелого периода можно говорить и об открытии своего рода «вторичной» нравственности, возвышающейся над той, что по существу вытекает из природных начал. Взаимопомощь выступает основой, определяет общее нравственно-этическое измерение личности и общества. Высший уровень нравственности связывается как с общим прогрессом в обществе, ведущим к развитию чувства справедливости, равновесного сдерживания, так и с достаточным развитием личности, «личной творческой силы и почина...»¹⁵.

Достижение указанного уровня и неуклонное развитие на его основе немислимы без свободы, в процессе рассмотрения которой просматривается попытка синтеза естественно-научного, антропологического и социального подходов. Свобода мыслится Кропоткиным в качестве высшего, собственно человеческого воплощения исходной космической гармонии. Тенденция рассматривать свободу как преимущественно личностное качество не только не исключает, а предполагает учет таких явлений, как природное и социальное равенство, непреходящая склонность к тому, чтобы помочь ближнему, преодолеть несправедливость и т.п.

Как таковая свобода реализуется в той мере, в какой естественно и закономерно развертывается природный и социальный потенциал человека и человечества. Не случайно им в целом отвергаются и индивидуализм М. Штирнера, и узкий реформизм П.-Ж. Прудона, и пролетарский мессианизм К. Маркса.

В работе «Гуманистический потенциал русской литературы» Кропоткин как тонкий знаток литературы и культуры в целом, отмечая, что вклад М.Ю. Лермонтова в русскую литературу не меньше, чем вклад А.С. Пушкина, подчеркивает: «...он всегда сохранял веру в человека». Что касается Ф.М. Достоевского, то Кропоткин в действительности отдает должное огромному таланту и проницательности русского писателя. «Впрочем, читатель прощает Достоевского, — как бы подытоживает Кропоткин, — все его недостатки, потому что когда он говорит об угнетаемых и забытых детях нашей городской цивилизации, он ста-

новится истинно великим писателем благодаря его всеобъемлющей бесконечной любви к человеку даже в самых отвратительных глубинах его падения»¹⁶.

Свобода связывается Кропоткиным также с «твердой волей» самого человека¹⁷, с познанием им своего изначального единства с природой. Более того, глубокие корни свободы и находятся в этом единстве, в естественности проявлений взаимопомощи, солидарности и самопожертвования. В определенном смысле Кропоткиным переосмысливается позиция М.А. Бакунина, который одну из главных задач человеческого развития видел в максимальном преодолении «животности» как чего-то ограниченного и сковывающего. Склонность к натурализму позволяет найти в самой «животности» предпосылки нравственности, а значит и свободы. Это же обстоятельство многое объясняет и в понимании корней самой взаимопомощи.

В качестве преград на пути развертывания подлинной (а не формальной) свободы, а значит и подлинной взаимопомощи, рассматривается то, что не имеет корней в изначальной природной гармонии, включая властно-политические структуры, искусственно вмешивающиеся в естественные и нравственно оправданные процессы жизни человека и общества. Признаются и внутренние препятствия на пути к свободе. Речь идет о недостатке знаний и морали у самих людей, вынужденно втянутых в борьбу за существование. Развитие науки, образования, включая целенаправленное улучшение морально-нравственных качеств человека и общества, — это прямой путь к более зрелой свободе, осознанной и последовательной взаимопомощи. Вместе с тем они же одновременно составляют своеобразную базу для развития ума, достоинства и счастья людей.

Таким образом, свобода и взаимопомощь рассматривается у Кропоткина как в естественно-природном, так и в практически-нравственном измерениях. Сам смысл свободы не столько в разрушении не свойственных природе и обществу преград, сколько в обеспечении культуросозидающей подпитки естественных и прекрасных чувств взаимопомощи, солидарности, сотрудничества. В свою очередь, последние, преобразуясь в соответствующие ценностные ориентиры, внутренним образом искореняют отрицательные чувства и установки, составляющие социально-психологическую основу жестокой борьбы за существование в расколо-

¹⁴ Сапожникова Г. Крымск: потоп и совесть // Комсомольская правда. 2012. 8 авг.

¹⁵ Кропоткин П.А. Указ. соч. С. 43.

¹⁶ Там же. С. 429.

¹⁷ Там же. С. 339.

том обществе. Последовательная реализация свободы в конечном счете ведет к устранению отношений эксплуатации и жесткой зависимости одних от других, т.е. к достижению искомой справедливости, которая, в свою очередь, немислима без взаимопомощи.

Роль системообразующего элемента для всей системы нравственно-философских воззрений Кропоткина играет справедливость (заметим, что это своеобразный стержень права в широком смысле слова). Но благом или добром она становится лишь в том случае, если имеет за собой свободный выбор и соответствующий поступок. С этих позиций предполагается пересмотр ключевых понятий нравственности в смысле их максимальной конкретизации применительно к поведению людей как членов саморегулирующегося сообщества. Все это мыслится в качестве основного потенциала реальной свободы и взаимопомощи в обществе.

Особенность концепции Кропоткина состоит в том, что в ней на новом историческом и эволюционном материале существенно переосмыслена и продолжена известная линия Эпикура – Руссо на «возврат» к природе. Речь идет не только о естественном основании человеческой истории, но и о сознательном выборе своеобразного эталона отношений между людьми. Соответственно свобода выступает как высший момент процесса саморазвития природы, включая обеспечение удовлетворения основных потребностей живых существ, стремящихся к самореализации во внутреннем и внешнем пространствах своего бытия. В русле антропосоциокосмизма свобода соотносится (но не отождествляется) с определенным состоянием социума, в котором царит взаимопомощь. Однако качество и многообразие реальных проявлений свободы в обществе определяются собственно личностной активностью.

Своеобразным стержнем всей системы воззрений Кропоткина выступает тема социального переустройства. Для его осуществления требуется соответствующий настрой умственной и нравственной жизни общества. Многое, если не все, в этом отношении определяется конкретными поступками людей, которые имеют влияние на других. Именно эти люди, демонстрируя жизнеспособность и преимущества неких идеальных образцов чувств, мыслей и действий, способствуют преодолению мелких и жалких страстей, вселяют уверенность в то, что идеалы, честные порывы и великие самопожертвования смогут переломить ситуацию в обществе, рано или поздно

приведут к спасительному обновлению и процветанию.

Важно подчеркнуть, что в качестве важнейшего фактора радикальных перемен в обществе у убежденного оптимиста выступает не отчаяние, а надежда. Речь идет не столько об одноактной социальной революции, сколько о длительной и неуклонной эволюции умственного и духовно-нравственного развития человека, о культивировании и последовательном развертывании в обществе отношений взаимопомощи и сотрудничества.

Теоретические изыскания Кропоткина по существу выводят на основные факторы общественного прогресса. Это достижения науки, совершенствование организации труда, устранение искусственных препятствий и пр. Можно говорить также о корреляции его идей с феноменом русского космизма. Вера в науку, в восстановление изначальной, идущей от природы гармонии, предполагающей единство нравственности и свободы, сродни представлениям о ноосфере В.И. Вернадского.

Идея взаимопомощи в обществе по существу вытекает из идеи самоорганизации в природе. Нельзя не согласиться также с тем, что подчеркивание тесной взаимосвязи между судьбами человеческих обществ на земле и природной средой, открытие влияния турбулентных потоков и хаотичных флуктуаций в социальной сфере и другие идеи делают Кропоткина одним из предшественников синергетики¹⁸.

Идеи Кропоткина по своему характеру не имеют какой-то определенной национальной привязки, они интернациональны по направленности, духу и масштабу. Гражданин мира размышляет над типичными для всего цивилизованного человечества проблемами духовной жизни. Например, характеризуя художественные произведения своего времени в работе «Идеалы и действительность в русской литературе», приходит, в частности, к следующему выводу. «Тип Обломова вовсе не ограничивается пределами одной России; это универсальный тип – тип, созданный нашей современной цивилизацией, возникающей во всякой достаточной, самоудовлетворенной среде»¹⁹.

¹⁸ Об этом см.: Труды Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. Вып. 1: Идеи П.А. Кропоткина в философии. М., 1995. С. 121; Алексеев П.В. Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. М., 2002. С. 498; и др.

¹⁹ Кропоткин П.А. Указ. соч. С. 426.

Можно предположить, что многие международные проблемы могли бы быть решены действительно эффективно, если бы возобладал именно принцип взаимопомощи. К сожалению, до сих пор в политике доминируют совсем иные принципы, а чаще – простая беспринципность и голый интерес. Примерно об этом, кстати, говорил на одном из пленарных заседаний упомянутого Всемирного философского конгресса известный современный философ Ю. Хабермас.

Поэтому общими для всех являются и препятствия на пути к свободе, тяготеющей к нравственности, но зачастую отрывающейся от нее. Следует отметить, что в указанной и других работах русского мыслителя имеется собственно культурологическая составляющая, позволившая ему высветить многие внутренние связи и тенденции в развитии отечественной и мировой культуры.

Реализацию социального идеала Кропоткин связывает с усилиями высоконравственных и одновременно свободных людей, точнее личностей, которые смогут договориться между собой и сотрудничать. Не случайна явная практически-нравственная, образовательная ориентация Кропоткина, исходящая из устойчивых представлений о единстве науки и нравственности.

Подтверждение тому факты его биографии и личные наблюдения. Так, многочисленные дневниковые записи свидетельствуют, что он стремится к специализации собственных научных занятий, примеривает их как к своим способностям, так и к представлениям о цели и общественном интересе. Говоря о юности вообще, он как бы советует учителю, воспитателю: «Единственный правильный путь – это открыть перед юным умом новые, широкие горизонты; освободить его от предрассудков и ложных страхов; указать место человека в природе и человечестве, и, в особенности, отождествить себя с каким-нибудь великим делом и развивать свои силы, имея в виду борьбу за это великое дело»²⁰. Данный совет, а также множество других идей Кропоткина свидетельствуют о реализации ценностно-регулятивной функции философии. К слову сказать, действующий в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) философско-правовой клуб «Нравственное измерение права» во многом исходит из приоритета именно последней.

Вместе с тем имея в виду достижение высшей справедливости в отношениях между людьми, Кропоткин усматривает задачи этики

не в том, чтобы настаивать на недостатках человека и упрекать его за его «грехи». Напротив, она должна действовать в положительном направлении, взывая к лучшим инстинктам человека. Он исходит из насущной потребности в выработке современных основ нравственности. Таким образом, позиция Кропоткина в полной мере может быть отнесена к философии положительного идеала. В этом смысле на вставший во весь рост в условиях нынешнего кризиса цивилизации вопрос: «Быть или не быть... человечеству?» – можно смоделировать уверенный оптимистический ответ автора знаменитой «Этики».

Синтетическая философия П.А. Кропоткина, опираясь на открытое миропонимание, обосновывает идеал справедливого самоуправляющегося общества, субъектами которого выступают знающие, высоконравственные, свободные личности и их объединения. Его наследие принадлежит не столько анархистам (время в целом показало утопичность их социального проекта), сколько всему культурному сообществу, прежде всего учительству (в широком смысле слова), призванному, прежде всего, прививать молодежи любовь к истине и добру, практиковать и культивировать взаимопомощь в самых разных её формах.

Ситуация нашего времени актуализирует общий оптимистический пафос русского мыслителя, его ориентацию на помощь человеку в совершении духовно-нравственного прорыва в личностном и общественном развитии. Главное здесь не детализация процесса и результатов устранения тех или иных препятствий на пути к наиболее оптимальному варианту социального устройства, а философское убеждение в самой возможности существенных преобразований в обществе на базе нравственных качеств и свободного почину самих людей.

Разумеется, воплощение в современную жизнь идей того или иного классика в чистом виде в принципе не представляется возможным. Появляясь, идеи, как и вещи, в известном смысле имеют своего рода пространственно-временные координаты. Соответственно их реализация, если она действительно происходит, предполагает учёт множества новых параметров, особенностей и нюансов. Однако основной пафос всё же остаётся, стержень той или иной идеи (речь идёт о действительно весомой, прорывной идее) по существу не теряет своей силы.

В этой связи интересны размышления А.А. Гусейнова: «Этика и мораль имеют собственный хронотоп, свою современность, которая не совпадает с тем, что является современностью, например для искусства, транспорта и

²⁰ Кропоткин П.А. Указ. соч. С. 419.

т.д. В рамках этики хронотоп также различен в зависимости от того, идет ли речь о нравах или об общих принципах... Моральные основоположения сохраняют устойчивость века и тысячелетия»²¹. Думается, что это в полной мере относится к этико-философской концепции и всему творческому наследию Кропоткина. В его трудах, в частности в работе «Взаимопомощь как фактор эволюции», как раз и отстаиваются, существенно обогащаются такие взаимосвязанные нравственные категории и «вечные» ценности, как свобода и нравственность, взаимопомощь и справедливость и т.п.

Несмотря на свою сугубо научную ориентацию даже в области этики, Кропоткин в действительности сыграл и играет прежде всего роль подлинного воспитателя. Нельзя не согласиться в этой связи с тем, что «историей двигает не ум, а чувства... Воспитывать чувства человечества, давать им новое содержание или направление – вот величайшее из призваний»²².

Важным измерением концепции Кропоткина, на мой взгляд, является философская вера в социальный потенциал человека, по природе своей склонного к сочувствию по отношению к другим, практикующего взаимопомощь и в силу своего неиссякаемого потенциала свободы стремящегося к установлению справедливости. Вся жизнь и результаты многогранной творческой деятельности нашего великого соотечественника свидетельствуют о том, что возможность гармонии таких ценностей, как свобода, нравственность, взаимопомощь и право вполне может быть реализована.

Следует подчеркнуть: в условиях своеобразного «пира» политики, когда соответствующие субъекты чрезвычайно активны в борьбе за власть, как глоток свежего воздуха требуется что-то теоретически выверенное, нравственно оправданное и перспективное. Требуется нравственно-философская экспертиза разного рода социальных и иных проектов.

Это в полной мере относится и к будущим юристам, способным понимать свою подлинную миссию по установлению и воспроизводству справедливости ради удовлетворения интересов человека и общества. Именно в данном ключе более десяти лет работает

философско-правовой клуб «Нравственное измерение права». Одно из последних наших мероприятий – активное участие в IV международных Кропоткинских чтениях в Дмитрове (8 декабря 2012 г.), посвященных 170-летию со дня рождения Кропоткина. А пять лет назад мы выезжали для помощи общественности одного из крупнейших городов Подмосковья в создании философского клуба²³. Интересно, что в этот раз на одной площадке (лучший зал музея Дмитровского Кремля вместил около 50-ти чел.) собрались, с одной стороны, те, кто изучает жизнь, творчество, теоретическое, нравственно-философское наследие известного мыслителя в контексте современности, а также те, кто, с другой стороны, пытается играть роль представителей анархистского движения сегодня.

Нельзя не подчеркнуть: благодаря тому, что из Москвы прибыло 23 члена нашего клуба, с явным преимуществом выступили именно первые. К такому выводу пришли организаторы Чтений (Оргкомитет состоял из руководства музея-заповедника «Дмитровский Кремль»). Они, а также весьма активные родственники (пусть и дальние) Кропоткина искренне поблагодарили нас за деятельное участие в освоении наследия прошлого, в утверждении действительно приоритетных для современной России ценностей (с нашей стороны прозвучало пять выступлений, касающихся в том числе и правовых проблем)²⁴.

Теоретические исследования творчества великого моралиста²⁵ в целом помогают поддерживать и поднимать реальный уровень нравственности в нашем не вполне благополучном с точки зрения морали обществе. Это не может не влиять и на качество права в самом широком смысле слова. Ведь именно нравственность является надежным и мощным фундаментом последнего.

²³ Обзор соответствующего круглого стола см.: Артемов В.М. Новая интеграционная площадка МФО // Вестник Российского философского общества. 2008. № 1 (45). С. 25–28.

²⁴ Артемов В.М., Лончакова В. Взаимопомощь как вектор нравственного обновления // Вестник РФО. 2013. № 1. С. 22–25.

²⁵ Недавно вышли в свет, к примеру, следующие работы: Артемов В.М. Нравственность и свобода в этико-философской концепции П.А. Кропоткина // Петр Алексеевич Кропоткин / под ред. И.И. Блауберг. М., 2012; Талеров П.И. Значение «Взаимопомощи» и «Этики» П.А. Кропоткина в наше время // История соц.-полит. учений России // Материалы Международной научной конференции «Политика в текстах – тексты в политике: наука истории идей и учений». 30–31 октября 2013 г. М., 2013; и др.

²¹ Гусейнов А.А. Этика и мораль в современном мире // Этическая мысль: современные исследования. М., 2009. С. 9.

²² Гольденвейзер А.С. Преступление как наказание, а наказание – как преступление (Мотивы толстовского «Воскресения»). Киев, 1911.

Библиография:

1. Авксентьев Н. Творчество культуры // Анти-Вехи. – М., 2007.
2. Алексеев П.В. Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. – М., 2002.
3. Артемов В.М. Поиски идеала и путей к свободе: П.А. Кропоткин и вокруг него // Путь: Международный философский журнал. – 1993. – № 5.
4. Артемов В.М. Гуманистическая этика П.А. Кропоткина: единство свободы и нравственности // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. – 2004. – № 2.
5. Артемов В.М. Новая интеграционная площадка МФО // Вестник Российского философского общества. – 2008. – № 1 (45).
6. Артемов В.М. Нравственность и свобода в этико-философской концепции П.А. Кропоткина // Петр Алексеевич Кропоткин / под ред. И.И. Блауберг. – М., 2012.
7. Артемов В.М. Этика взаимопомощи П.А. Кропоткина и современность // Сборник материалов IV Международных Кропоткинских чтений. К 170-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. Материалы и исследования. – Дмитров, 2012.
8. Артемов В.М., Лончакова В. Взаимопомощь как вектор нравственного обновления // Вестник Российского философского общества. – 2013. – № 1.
9. Гольденвейзер А.С. Преступление как наказание, а наказание – как преступление (Мотивы толстовского «Воскресения»). – Киев, 1911.
10. Гусев В. Ищем нормальных людей // Московский литератор. – 2012, авг.
11. Гусейнов А.А. Этика и мораль в современном мире // Этическая мысль: современные исследования. – М., 2009.
12. Канетти Э., Московичи С. Монстр власти. – М., 2009.
13. Королев А.Д. Философия как расследование // Вестник Российского философского общества. – 2013. – № 3.
14. Кропоткин П.А. Этика: Избранные труды. – М., 1991.
15. Малюкова О.В. Река, текущая вспять // Вестник Российского философского общества. – 2013. – № 3.
16. Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. – М., 1998.
17. Московичи С. Машина, творящая богов. – М., 1998.
18. Налимов В.В. На грани третьего тысячелетия: что осмыслили мы, приближаясь к XXI веку. – М., 1994.
19. Сапожникова Г. Крымск: потоп и совесть // Комсомольская правда. – 2012. – 8 авг.
20. Талеров П.И. Значение «Взаимопомощи» и «Этики» П.А. Кропоткина в наше время // История соц.-полит. учений России // Материалы Международной научной конференции «Политика в текстах – тексты в политике: наука истории идей и учений». 30–31 октября 2013 г. – М., 2013.
21. Труды Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. Вып. 1: Идеи П.А. Кропоткина в философии. – М., 1995.
22. Хвостов В.М. Этика человеческого достоинства: Критика пессимизма и оптимизма. – М., 2007.
23. Шеметов А.И. Искупление: Повесть о Петре Кропоткине. – М., 1986.

References:

1. Avksent'ev N. Tvorchestvo kul'tury // Anti-Vekhi. – M., 2007.
2. Alekseev P.V. Filosofy Rossii XIX–XX stoletii. Biografii, idei, trudy. –M., 2002.
3. Artemov V.M. Poiski ideala i putei k svobode: P.A. Kropotkin i vokrug nego // Put': Mezhdunarodnyi filosofskii zhurnal. – 1993. – № 5.
4. Artemov V.M. Gumanisticheskaya etika P.A. Kropotkina: edinstvo svobody i нравstvesti // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya. – 2004. – № 2.
5. Artemov V.M. Novaya integratsionnaya ploshchadka MFO // Vestnik Rossiiskogo filosofskogo obshchestva. – 2008. – №1 (45).
6. Artemov V.M. Nравstvennost' i svoboda v etiko-filosofkoi kontseptsii P.A. Kropotkina // Petr Alekseevich Kropotkin / Pod red. I.I. Blauberг. – M., 2012.
7. Artemov V.M. Etika vzaimopomoshchi P.A. Kropotkina i sovremennost' // Sbornik materialov IV Mezhdunarodnykh Kropotkinskikh chtenii. K 170-letiyu so dnya rozhdeniya P.A. Kropotkina. Materialy i issledovaniya. – Dmitrov, 2012.

8. Artemov V.M., Lonchakova V. Vzaimopomoshch' kak vektor npravstvennogo obnoveniya // Vestnik RFO. – 2013. – № 1.
9. Gol'denveizer A.S. Prestuplenie kak nakazanie, a nakazanie-kak pre-stuplenie. (Motiv tolstovskogo «Voskreseniya»). – Kiev, 1911.
10. Gusev V. Ishchem normal'nykh lyudei // Moskovskii literator. – 2012, avgust.
11. Guseinov A.A. Etika i moral' v sovremennom mire // Eticheskaya mysl': sovremennye issledovaniya. – M., 2009.
12. Kanetti E., Moskovichi S. Monstr vlasti: roman. – M., 2009.
13. Korolev A.D. Filosofiya kak rassledovanie // Vestnik RFO. – 2013. – №3. S.9.
14. Kropotkin P.A. Etika: Izbrannye trudy. – M., 1991.
15. Malyukova O.V. Reka, tekushchaya vspyat' // Vestnik RFO. – 2013. – №3.
16. Moiseev N.N. Rasstavanie s prostotoi. – M., 1998.
17. Moskovichi S. Mashina, tvoryashchaya bogov. – M., 1998.
18. Nalimov V.V. Na grani tret'ego tysyacheletiya: chto osmyslili my, priblizhayas' k XXI veku. – M., 1994.
19. Sapozhnikova G. Krymsk: potop i sovest' // Komsomol'skaya pravda. – 2012. – 8 avr.
20. Talerov P.I. Znachenie «Vzaimopomoshchi» i «Etiki» P.A. Kropotkina v nashe vremya // Istoriya sots.-polit. uchenii Rossii // Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Politika v tekstakh – teksty v politike: nauka istorii idei i uchenii». 30–31 oktyabrya 2013 g. – M., 2013.
21. Trudy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 150-letiyu so dnya rozhdeniya P.A. Kropotkina. Vypusk 1. Idei P.A. Kropotkina v filosofii. – M., 1995.
22. Khvostov V.M. Etika chelovecheskogo dostoinstva: Kritika pessimizma i optimizma. – M., 2007.
23. Shemetov A.I. Iskuplenie: Povest' o Petre Kropotkine. – M., 1986.

Материал поступил в редакцию 22 ноября 2013 г.

ИССЛЕДОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

С.В. Кабышев*

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИИ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО И ПРОГРЕССИВНОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

Аннотация: Статья посвящена проблемам реализации Конституции Российской Федерации. На повестке дня новый вызов – угроза конституционному строю. При этом общество ощущает угрозу юридической конституции со стороны власти, а власть ощущает угрозу фактической конституции со стороны общества. Автор считает, что общество должно иметь специальный механизм распределения произведенных социальных благ. Таким распределительным механизмом не может быть политика. Только право объективно обладает функцией распределения социальных благ в индивидуальное обладание. Право выполняет в обществе содержательную социальную функцию распределения благ. Задача науки в этом процессе разработать новые конструкции и предложить новые инструменты, обеспечивающие наиболее полное и последовательное воплощение конституционных ценностей в повседневной жизни общества. Предлагается: 1) сформировать принципиально иную культуру разработки правовых актов, основанную на конституционной традиции; 2) создать механизм конституционного мониторинга, предложив соответствующие критерии оценки; 3) разработать теорию и практику конституционного режима, новой юридической конструкции, которая бы позволила охватить весь инструментарий в сфере реализации Конституции.

Ключевые слова: юриспруденция; Конституция Российской Федерации; формы реализации Конституции; конституционный мониторинг; конституционный режим; конституционные стандарты; конституционные ценности; конституционные традиции; юридическая конструкция; правовые ценности.

DOI: 10.7256/1729-5920.0.0.10001

Юбилей российской Конституции вызвал всплеск общественной дискуссии о необходимости конституционной реформы. Высказываются самые полярные мнения – от принятия новой Конституции до консервации текста действующей¹.

При этом все участники дискуссии считают, что Конституция является фундаментальной правовой ценностью человечества. Действительно, ценность Конституции в ее содержании. Конституция как Основной закон государства закрепляет права и свободы человека и

¹ Авакьян С.А. Гарантированное народовластие. Десять причин для конституционных реформ в России // Независимая газета. 2012. 16 октября.; Научный макет новой Конституции России / под общей редакцией

С.С. Сулакшина. М., 2011; Шахрай С.М. Нельзя менять Конституцию для решения сиюминутных проблем // <http://pravo.ru/news/view/80639/> (последнее посещение – 1 октября 2013 г.).

© Кабышев Сергей Владимирович

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) [svkabyshev@gmail.com]

123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

гражданина, принципы демократии. Приоритет этих ценностей неоспорим, безусловен. Однако это только «идеальная» ценность. Реальная же ценность Конституции определяется ее функциональной характеристикой, насколько полно достигаются конституционные цели в жизни нашего общества². Именно степень расхождения между «юридической» и «фактической» конституциями является тем «камнем преткновения», который поляризует не только участников вышеупомянутой дискуссии, но и все общество.

Есть ли в российском обществе запрос на конституционную реформу? Большинство на этот вопрос отвечают отрицательно. По их мнению, проблема не в тексте Конституции, а в ее реализации³. Действительно, о российской Конституции даже зарубежные исследователи говорят как об «одной из самых современных в мире из ныне действующих». Едва ли какая-либо другая конституция отражает в своем тексте настолько всеобъемлюще и полно текущее состояние теории и судебной практики демократических правовых государств⁴.

Хотя, с юридической точки зрения, в тексте Конституции есть определенные противоречия, которые объясняются отсутствием необходимого времени на ее разработку, вызванным тогдашней острой политической ситуацией. Но насколько они критичны в современных условиях?

К изменению текста Конституции необходимо подходить взвешенно и осторожно, руководствуясь принципом: не навреди. Тем более что даже критики считают, что ее демократический потенциал не исчерпан⁵. В современных условиях перехода к постиндустриальному обществу возникает новое глобальное конституционное противоречие в отношениях собственности, проявляющееся в очередном витке сближения и порой слияния политической и экономической власти.

Причем это особенность не только российского конституционализма. Это свойствен-

но большинству стран в мире⁶. Суть конституционализма в самоограничении власти в пользу человека. Еще в ст. 16 Декларации прав человека и гражданина (1789) сказано: «Общество, где не обеспечена гарантия прав и нет разделения властей, не имеет Конституции». Конституция призвана установить надлежащее соотношение власти и свободы. Конституционно-правовой смысл состоит в таком урегулировании основ отношений собственности и закреплении такого порядка взаимоотношений политической и экономической власти, при котором публичная власть действовала бы в правовых рамках всеобщих интересов, а собственность, будучи обособленной от власти, обеспечивала бы разрешение соответствующих противоречий⁷. Общество должно иметь специальный механизм распределения произведенных социальных благ. Таким распределительным механизмом не может быть политика. Только право объективно обладает функцией распределения социальных благ в индивидуальное обладание. Право выполняет в обществе содержательную социальную функцию распределения благ. Огромные богатства общества могут быть распределены между отдельными людьми лишь при помощи правового механизма. В этом фактическая социальная ценность права и его объективная необходимость в обществе. Правовое регулирование – это не только подчинение людей государственно обязательным нормам поведения, но и распределение социальных благ между членами общества. Социальный смысл охраны прав государством заключается не в самих правах как таковых, а в тех благах, которые предостав-

⁶ Исследуя современные конституционные процессы в мире, профессор Торонтского университета Рэн Хиршл делает вывод о новом конституционализме, связывая его с появлением феномена юристократии, который оказывает ограниченное влияние на продвижение прогрессивных понятий справедливости в распределении благ. Политические и экономические элиты, выражая на словах поддержку демократии и устойчивого развития, передают решение вопросов о конституционности судебным органам, которые принимают решения в их пользу. Феномен юристократии в действительности является следствием совпадения интересов элит, чтобы обезопасить себя от превратностей демократической политики (Hirschl Ran. *Towards Juristocracy: The Origins and Consequences of the New Constitutionalism*. Cambridge. Harvard University Press. 2007. 296 p.).

⁷ Бондарь Н.С. Конституция – ценностно-правовая основа разрешения социальных противоречий (в контексте практики Конституционного Суда Российской Федерации) // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2 (63). С. 47.

² Витрук Н.В. Верность Конституции. М., 2008. С. 113–116.

³ Нарышкин С.Е. Радикальные призывы пересмотреть Конституцию – больше шаги популистского характера // Парламентская газета. 2012. 5 декаб.

⁴ Экштайн К. Основные права и свободы. По российской Конституции и Европейской конвенции. М., 2004. С. 44.

⁵ Стенограммы заседания конституционного клуба // www.rumiantsev.ru (последнее посещение – 1 октября 2013 г.).

лены личности по праву, по закону⁸. Этот вывод профессор И.Е. Фарбер сделал в 1971 г., за 15 лет до того как Джеймс Макгилл Бьюкенен-младший получил Нобелевскую премию за исследование договорных и конституционных основ теории принятия экономических и политических решений⁹. Конституция является высшим универсальным правовым актом как для государства, так и для всего гражданского общества. Идеологи приватизации рассматривали ее не как институциональное (правовое) явление и навсегда формирующее общество. Они смотрели на нее как на чисто политическое явление по ликвидации старой собственности, старой системы, просто как гарантию от возврата старой системы, причем достаточно откровенно. Естественно мы получили что-то такое, что не работает, т.е. достаточно легко объяснить из того, как происходила приватизация 1990-х и почему оказались права собственности не защищенные и какие из-за этого проблемы возникают. В этом смысле, конечно, корень проблемы в базисе, в том, какое сложилось в отношении собственности и контроля, распределения¹⁰. В качестве примера этого можно привести Постановление Конституционного Суда РФ от 15 мая 2006 г. № 5-П о родительской плате. В связи с принятием Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ (О монетизации льгот) утратило силу одно из постановлений Верховного Совета РФ о плате родителей за содержание детей в муниципальных детских садах, на основе которого Тверской городской думой было принято временное положение, устанавливающее льготу для родителей по оплате содержания детей в детсадах. По представлению прокурора городской суд квалифицировал его как противоречащее Федеральному закону о монетизации льгот, после чего Тверская городская дума обратилась в Конституционный Суд РФ с просьбой проверить конституционность упомянутого Федерального закона и получила поддержку. Самое важное в принятом Постановлении – правовая позиция Конституционного Суда РФ, в силу которой политические органы государства при принятии важнейших финансовых решений не свободны от установлений Конституции. Конституционный

Суд РФ высказал мнение, что обеспечение доступности и бесплатности дошкольного образования обусловлено наличием у государства социальной функции, которая, в свою очередь, предопределяет социальную детерминацию финансовой деятельности, а поэтому основой правового регулирования общественных отношений, возникающих по поводу дошкольного образования, и в связи с этим, распределения и использования централизованных денежных фондов государства и муниципальных образований, – являются нормы Конституции РФ, из которых вытекает необходимость надлежащего финансового обеспечения соответствующих полномочий публичной власти. Конституционный Суд РФ сформулировал очень важный вывод о том, что органы публичной власти при принятии нормативных правовых актов и, прежде всего, бюджета должны руководствоваться принципом наиболее полного финансирования публично-правовых обязательств, вытекающих из необходимости реализации общегосударственных гарантий прав и свобод, закрепленных непосредственно Конституцией РФ.

Только в условиях, когда политическая власть отделяется от экономической, появляется возможность для обособления политических и экономических отношений, что, в свою очередь, служит основой для развития отраслей частного и публичного права и в конечном счете – для правового прогресса. Монополизация ренты достигается криминальными методами, в том числе через коррупцию. Реально «вертикаль власти» – синоним правящей коалиции, занятой контролем за рентой и распределением ее¹¹. Понимая это, Президент РФ В.В. Путин на встрече с судьями Конституционного Суда 12 декабря 2012 г. заявил, что размывание, расшатывание Основного закона означает предтечу к размыванию и расшатыванию самого государства. Основной закон должен быть стабильным. В стабильности Конституции – значительная часть стабильности самого государства и основных прав и свобод граждан РФ. Конституция является живым инструментом, но нужно бережно относиться к Основному закону¹².

Однако современное развитие институтов российского конституционного права характеризуется возрастающей централиза-

⁸ Фарбер И.Е. К вопросу об объективном в праве // Правоведение. 1971. № 5. С. 103–107.

⁹ Бьюкенен Дж. М. Сочинения. Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы / Нобелевские лауреаты по экономике. Т. 1. М., 1997.

¹⁰ Григорьев Л.М. Приватизация как явление 1990-х // Отечественные записки. 2005. № 1.

¹¹ Сатаров Г.А. Российская власть и НКО // http://politeia.ru/politeia_seminar/10/126 (последнее посещение – 1 октября 2013 г.).

¹² См.: http://rapsinews.ru/legislation_news/20121212/265748902.html (последнее посещение – 1 октября 2013 г.).

цией правового регулирования, повышением роли императивных методов, углубляющееся детализацией правового регулирования. Эти тенденции не приводят к усилению единства в регулировании институтов конституционного права, более того, они способны нарушить установленный Конституцией баланс интересов государства, гражданского общества и личности, поскольку нередко создают объективные сложности для реализации политических и личных прав и свобод¹³.

В «реальности», — отмечает председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, — налицо множество разрывов между оболочками — формами властных, социальных и других институтов, с одной стороны, и содержательным наполнением этих институтов — с другой. Множество разрывов между формой и содержанием, между должным и существующим, между правом как должным и политикой в ее фактическом многообразии¹⁴. Но почему тогда молчит Конституционный Суд РФ, который обеспечивает конституционную законность не только путем нормоконтроля, разрешения компетенционных споров, защиты прав и свобод человека и гражданина, но также с помощью конституционного полномочия выступать перед Федеральным Собранием с посланиями (ч. 3 ст. 100 Конституции РФ)? Разве нет для этого оснований?

На повестке дня новый вызов — угроза конституционному строю. По мнению известных ученых-конституционалистов, «можно ли говорить о правовом характере государства в условиях явной войны публичной власти против нарождающегося в стране гражданского общества? Слово “война” — не фигура речи, поскольку нас не оставляет ощущение скоординированности действий практически всех публично-властных институтов. В том числе и тех, чьей конституционной целью является охрана и защита основных прав личности. Законодательная деятельность Парламента приобрела отчетливый запретительно-репрессивный характер... право в его истинном понимании исчезает на глазах, как шагреновая кожа, ибо попирается одна из незыблемых основ права — равенство всех перед законом и судом. Одновременно разлагаются и сами институты, призванные охранять и защищать право»¹⁵. Можно спорить по конкретным фак-

там, находить аргументы в защиту институтов публичной власти, но ощущение угрозы конституционному строю есть и у самой власти. Общество ощущает угрозу юридической конституции со стороны власти, а власть ощущает угрозу фактической конституции со стороны общества. Эмоции всегда играли весьма важную роль в конституционном развитии. Множественные ограничения в отношении свободы собраний и слова — это всегда прямое следствие страха власти перед «толпой». Необузданные страсти действительно могут подорвать демократический правопорядок. Но такая «эмоциональная политика» не гарантирует рациональный политический дискурс¹⁶. Только представительная демократия как реально функционирующий конституционный институт способна защитить от «эмоционализма» толпы¹⁷. Плохо, что подорвана вера в Конституцию, общее настроение выражает мнение: «мы не особо верим в силу какой-либо петиции или принятия адекватного закона “взбесившимся принтером”, также мы не верим в “басманное” правосудие»¹⁸. О многом говорят и нарицательные названия конституционных институтов.

А начиналось все, на первый взгляд, с безобидных вещей. Так, в палатах Федерального Собрания Российской Федерации стала обычной практика голосования одного депутата за нескольких отсутствующих. Это элемент фактической конституции, обусловленный уровнем их политической и правовой культуры, уровнем ответственности перед избирателями. Соответствует это юридической конституции? По-нашему мнению, — нет. Однако его пытаются легитимизировать через институт доверенности, ссылаясь на то, что в Конституции нет запрета на подобный способ голосования. Еще в Афинском государстве законодатели несли ответственность за последствия реализации законов. Почему же у нас спустя несколько веков недостаточно мер ответственности законодателя? Право является таким социальным феноменом, который человечество выстрадало на протяжении своего развития в качестве регулятора распределения социальных благ. Когда же законодатель, не учитывая закономерности функционирования и развития права, принимает законы — это

¹³ Институты конституционного права / отв. ред. Л. В. Андриченко и А. Е. Постников. М., 2011. С. 14–17.

¹⁴ Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. М., 2008. С. 29.

¹⁵ См.: <http://polit.ru/article/2013/07/22/letter/> (последнее посещение — 1 октября 2013 г.).

¹⁶ Оболонский А.В. Народ, власти и полиция: уличные протесты в США // <http://www.liberal.ru/articles/6023> (последнее посещение — 1 октября 2013 г.).

¹⁷ Sajó A. Constitutional Sentiments. New Haven, CT; London: Yale University Press. 2011.

¹⁸ Пираты почту не читают // РБК daily. 2013. 22 авг.

создает иллюзию реальности права. Потом это тиражируется в региональных законах и ведомственных нормативных актах. Все это ведет к инфляции права.

Критерием оценки работы для законодателя должно стать не количество законов, а последствия их реализации. По большому счету, гражданину все равно, кто и как принимает и исполняет законы, главное, чтобы не нарушались его права и обеспечивались безопасность и возможность повышения благосостояния.

В этой связи необходимы меры по повышению уровня и качества народного представительства во власти, ротации руководящего государственного аппарата. Повышение требовательности к кадровому составу государственных и муниципальных служащих – это прежде всего их реальная ответственность за качество и результаты работы.

Ни одно современное государство не может претендовать на статус правового, если оно не имеет многопартийной парламентской системы, если в нем нет легального равенства конституционно признаваемых политических партий, которые конкурируют между собой в борьбе за обладание публичной властью. Не могут считаться правовыми и государства, отказывающиеся под какими бы то ни было предложениями от идеологического плюрализма. Конституционный Суд РФ в одном из своих решений сделал заключение, что «правовое государство по самой своей сути может быть признано таковым лишь при условии, что оно обеспечивает безопасность граждан, охрану и защиту их прав и законных интересов, эффективное восстановление в правах»¹⁹.

Конституция гарантирует постоянную правовую защиту, а значит, нужны такие средства и формы реализации конституционных норм, которые бы исключали возможность их неисполнения. Дело в том, что о правах человека можно говорить сколько угодно, но это несколько не повлияет на реальную жизнь, если они не находят четкого юридического воплощения в строгих юридических формулах, которые «автоматически» обеспечивают определенный результат, чтобы никакой чиновник не мог помешать его наступлению.

Граждане должны быть уверены в незыблемости конституционных ценностей. Отсюда вытекает задача: необходимо создать такой механизм реализации конституционных ценностей, который бы работал «автоматически».

Формула: «права человека – обязанности государства – меры защиты, гарантий и ответственности» – должна опираться на конституционное мировоззрение граждан и обеспечивать в конечном счете достижение общего блага.

Максимальное использование потенциала Конституции является условием прогрессивного стабильного развития общества. Президент РФ как гарант Конституции обязан использовать все возможности своего высокого статуса для этого. Но реальность такова, что только тогда, когда власть и общество живут по Конституции, они могут добиться успеха.

Таким образом, реализация Конституции РФ становится не только важнейшей задачей государства, но и обязательным и необходимым условием его устойчивого и прогрессивного развития. Задача науки в этом процессе – разработать новые конструкции и предложить новые инструменты, обеспечивающие наиболее полное и последовательное воплощение конституционных ценностей в повседневной жизни общества.

Почему наши судьи непосредственно не применяют Конституцию? Не умеют или боятся? Конституционный Суд РФ, признавая норму закона неконституционной, обеспечивает верховенство Конституции, поскольку она прекращает свое действие с момента принятия соответствующего решения. При этом решения других судов, принятые на основании неконституционной нормы закона, Конституционный Суд сам отменить не вправе. Необходимо обращение заинтересованной стороны, тогда как в других странах (например в Германии) это возможно.

При конструировании правовых норм, направленных на реализацию конституционных целей, законодатель должен иметь четкую стратегию, ясно представлять перспективы действия новых норм, прогнозировать различные варианты развития всей правовой системы. Антикоррупционная, общественная и «антибюрократическая» (оценка регулирующего воздействия) экспертиза появились как ответ на соответствующие вызовы. Являясь обязательным элементом правовой экспертизы, это не только способ борьбы с коррупцией и бюрократизмом, но и эффективный инструмент повышения качества нормативных правовых актов. При их проведении обязательно учитывается ряд общих требований (свобода доступа к информации о разработке и принятии документа, соблюдение иерархии нормативных актов, соблюдение установленного порядка подготовки и приня-

¹⁹ Конституция Российской Федерации в решениях Конституционного Суда России / под ред. Л.В. Лазарева. М., 2005. С. 13.

тия документа и т.д.), что позволяет обеспечить более высокий уровень качества нормативных актов и совершенствовать правовое регулирование в целом. Важнейшей задачей является формирование принципиально иной культуры разработки правовых актов. И развитие различных видов экспертиз способствует данному процессу. В этой связи интересен опыт Канады, где организация правотворческого процесса является уникальной и заслуживает пристального изучения. Самым первым и обязательным элементом процесса разработки законопроекта в Канаде является оценка его основных положений на соответствие Хартии прав и свобод, являющейся составной частью канадской конституции. Каждый участник законотворческого процесса заполняет специальную таблицу, в которой отмечает свое мнение по вопросам законопроекта. Если есть несоответствие Хартии, все другие позиции таблицы могут не заполняться, пока не снимутся конституционные противоречия²⁰. Таким образом формируется и утверждается конституционная традиция создания «правовых» законов. Обращение к конституционным актам является необходимым условием «эмоциональной настройки» на конституционный порядок.

Необходим конституционный мониторинг²¹, который позволяет выявить не только недостатки существующей правовой системы, ошибки законодателя, но и раскрыть те «резервы» Конституции, которые являются ориентиром социально-экономического и политического развития государства. Необходимо полноценно вовлечь в осуществление мониторинга активных людей, готовых поделиться своим актуальным опытом реализации правовых норм. При этом особенно важно, что такая деятельность может быть способом «выпуска пара» общественных активистов в конструктивном русле. Для этого предлагается функционирование механизма, позволяющего каждому, увидевшему, что с законодательством что-то не так, зафиксировать это в определенной системе или написать оператору системы для введения информации.

²⁰ Законотворчество в Канаде / отв. ред. С.В. Кабышев. М., 2006.

²¹ Вопрос о мониторинге конституционных процессов, поиске критериев оценки, своего рода конституционных стандартов и углов отклонения от них, в очень скором будущем может и должен быть включен в текущую политическую повестку дня. По сути, речь идет о разработке нового направления анализа – «конституциометрии» // http://20let.ilpp.ru/?page_id=2 (последнее посещение – 1 октября 2013 г.).

Решение задачи предполагает наличие следующих элементов: обнаружение конституционной проблемы (коллизия норм, пробелов регулирования, фактическая неприменимость или искаженность в применении нормы и т.д.); фиксация правовой проблемы в определенной технологической форме (условно говоря, «учетной карточке правовой проблемы») с признанием тем самым вероятного наличия проблемы и необходимости ее решения. При этом возможность фиксации конституционных проблем должна быть предоставлена всем заинтересованным лицам. Данный подход не исключает осуществления специальных мероприятий по мониторингу, но именно легкая фиксация проблемы, как только ее увидит любой, столкнувшийся с ней, – залог успешного мониторинга. После этого осуществляется анализ правовой проблемы и выработка подхода к ее решению. В основном такую работу должны осуществлять федеральные органы исполнительной власти по предметной подведомственности при координации Министерства юстиции, но возможность участия в выработке подходов к решению выявленной правовой проблемы должна быть предоставлена всем заинтересованным «конституционным активистам» в рамках работы на портале народного мониторинга правоприменения.

Политические институты должны отвечать современным вызовам. Социально-экономическое состояние государства является показателем эффективности работы должностных лиц всех рангов. На фоне обнищания значительной части общества иначе следует рассматривать и содержание институтов политической системы.

В качестве одной из конструкций предлагается конструкция конституционного режима, которая могла бы охватить весь юридический инструментарий, направленный на комплексное регулирование в соответствующей области в целях последовательной и полной реализации конституционных ценностей. Категория конституционного режима не была предметом глубоких исследований. Это, в свою очередь, позволяет по-новому рассмотреть проблемы реализации конституционных установлений, предложить механизмы их оптимизации.

Конституционный режим, по нашему мнению, представляет собой совокупность необходимых и достаточных элементов, определяющих:

- а) цели, задачи и функции соответствующего института;

- б) особенности правового статуса субъектов;
- в) инструменты (виды гарантий, мер ответственности, защиты и т.п.);
- г) этапы достижения целей правового регулирования, включающие создание соответствующего социально-психологического климата и др.

При конструировании правовых норм, направленных на реализацию конституционных интересов, законодатель должен иметь четкую стратегию, ясно представлять перспективы действия новых норм, прогнозировать различные варианты развития всей правовой системы.

Конституционный режим – 1) это конституционное управление, которое опреде-

ляет порядок реализации конституционных ценностей; 2) воплощение конституционной стратегии в ответственности законодателя, в интересах стабильности всего общества; 3) установление и поддержание такого конституционного правопорядка, который бы обеспечивал реальный конституционализм.

Государство несет ответственность за реализацию Конституции РФ, оно призвано не только поддерживать правопорядок, но и активно формировать социальный и экономический порядок в соответствии с современными реалиями. Реализация Конституции должна стать юридической обязанностью государства с четкими характеристиками оценки эффективности их деятельности.

Библиография:

1. Авакьян С.А. Гарантированное народовластие. Десять причин для конституционных реформ в России // Независимая газета. – 2012. – 16 октяб.
2. Институты конституционного права. – М., 2011.
3. Бондарь Н.С. Конституция – ценностно-правовая основа разрешения социальных противоречий (в контексте практики Конституционного Суда Российской Федерации) // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. – № 2 (63).
4. Бьюкенен Дж. М. Сочинения. Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы. Нобелевские лауреаты по экономике. Т. 1. – М., 1997.
5. Витрук Н.В. Верность Конституции. – М., 2008.
6. Григорьев Л.М. Приватизация как явление 1990-х // Отечественные записки. – 2005. – № 1.
7. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. – М., 2008.
8. Лазарев Л.В. Конституция Российской Федерации в решениях Конституционного Суда России. – М., 2005.
9. Нарышкин С.Е. Радикальные призывы пересмотреть Конституцию – больше шаги популистского характера // Парламентская газета. – 2012. – 5 декаб.
10. Фарбер И.Е. К вопросу об объективном в праве // Правоведение. – 1971. – № 5.
11. Экштайн К. Основные права и свободы. По российской Конституции и Европейской конвенции. – М., 2004.
12. Hirschl Ran. Towards Juristocracy: The Origins and Consequences of the New Constitutionalism. – Cambridge; Harvard, 2007.
13. Sajó A. Constitutional Sentiments. – New Haven; London, 2011.

References:

1. Avak'yan S.A. Garantirovannoe narodovlastie. Desyat' prichin dlya konstitutsionnykh reform v Rossii // Nezavisimaya gazeta. – 2012. – 16 oktyab.
2. Instituty konstitutsionnogo prava. – M., 2011.
3. Bondar' N.S. Konstitutsiya – tsennostno-pravovaya osnova razresheniya sotsial'nykh protivorechii (v kontekste praktiki Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii) // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. – 2008. – № 2 (63).
4. B'yukenen Dzh. M. Sochineniya. Konstitutsiya ekonomicheskoi politiki. Raschet soglasiya. Granitsy svobody. Nobelevskie laureaty po ekonomike. T. 1. Fond ekonomicheskoi initsiativy. – M., 1997.
5. Vitruk N.V. Vernost' Konstitutsii. – M., 2008.
6. Grigor'ev L.M. Privatizatsiya kak yavlenie 1990-kh // Otechestvennye zapiski. – 2005. – № 1.
7. Zor'kin V.D. Rossiya i Konstitutsiya v KhKhl veke. – M., 2008.
8. Lazarev L.V. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossii. – M., 2005.

9. Naryshkin S.E. Radikal'nye prizvyvy peresmotret' Konstitutsiyu – bol'she shagi populistskogo kharaktera // Parlamentskaya gazeta. – 2012. – 5 dekab.
10. Farber I.E. K voprosu ob ob"ektivnom v prave // Pravovedenie. – 1971. – № 5.
11. Ekshtain K. Osnovnye prava i svobody. Po rossiiskoi Konstitutsii i Evropeiskoi Konventsii. – M., 2004.
12. Hirschl Ran. Towards Juristocracy: The Origins and Consequences of the New Constitutionalism. – Cambridge; Harvard, 2007.
13. Sajó A. Constitutional Sentiments. – New Haven; London, 2011.

Материал поступил в редакцию 18 октября 2013 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

В.А. Лаптев*

СИСТЕМА ИСТОЧНИКОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

Аннотация. Изучение системы источников предпринимательского права позволяет определить место отрасли права в системе права, а также проанализировать нормы, регулирующие предпринимательство и экономику в целом. Для этого автором предлагается разделять три исторических периода и дается их краткая характеристика: досоветский, советский и современный (постсоветский). Под системой источников предпринимательского права он предлагает понимать совокупность форм предпринимательского права (элементов системы), согласованных и связанных между собой единством предмета правового регулирования – экономической деятельности. Выделяются признаки системы: структурированность, соподчиненность, согласованность, относимость, взаимосвязь и единство. Система источников предпринимательского права разделяется на международную и внутреннюю части национального права. Отмечается тенденция гармонизации российского предпринимательского права с международным правом, на что среди прочих оказывает влияние участие России в ВТО, ЕврАзЭС, Таможенном союзе. Предлагается деление источников предпринимательского права по территориальности на международный, федеральный, региональный, местный и локальный территориальные уровни. Отмечается зависимость современного права и экономики.

Ключевые слова: предпринимательское право; отрасль предпринимательского права; система предпринимательского права; источники предпринимательского права; формы предпринимательского права; система источников права; классификация источников права; форма права; систематизация предпринимательского права; кодификация.

DOI: 10.7256/1729-5920.0.0.9816

Источники предпринимательского права объединены в правовую систему. Система форм предпринимательского права является внешним его выражением (проявлением) структуры, состава и соотношения элементов структуры.

Для рассмотрения системы источников следует определить предмет отрасли права,

нормы которой регулируют соответствующие отношения. Разграничение отраслей права по виду общественных отношений, выступающих предметом соответствующей отрасли, имеет глубокое «рациональное зерно». В частности, Д.А. Керимов говорит: «Автономность различных общественных отношений, их обособленность и относительно самосто-

© Лаптев Василий Андреевич

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина

[laptev.va@gmail.com]

123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Данная статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы
«Государственное регулирование экономической деятельности в условиях членства России в ВТО,
Евразийском экономическом сообществе и Таможенном союзе»

ятельное существование предполагает и соответствующую относительно изолированную область правовых общностей. Такого рода правовые общности в юридической науке называют отраслями права: гражданское, хозяйственное... Каждая отрасль права имеет свои специфические черты и характерные признаки, заданные теми общественными отношениями, на почве которых они возникли и которые отражают и регулируют»¹. Автор подчеркивает единство правовой системы, деление ее на «относительно самостоятельные» отрасли права, характеризующиеся предметным критерием и методом правового регулирования, специфическими принципами и своеобразным механизмом регулирования. Исходя из этого, напрашивается вывод, что отрасль права – это «объективно сложившаяся внутри единой правовой системы в виде ее обособленной части группа правовых норм, регулирующих качественно однородные общественные отношения на основе определенных принципов и специфических методов и таким образом приобретающая относительную самостоятельность, устойчивость и автономность функционирования»².

Такой подход полностью оправдан и позволяет полагать, что одним из определяющих факторов для утверждения самостоятельности соответствующей отрасли права является система источников отрасли права. В рассматриваемом случае это предпринимательские и иные экономические отношения, в том числе конкурентные, банковские, страховые, корпоративные, инвестиционные и иные, регулируемые источниками предпринимательского права.

С.С. Алексеев разделяет систему права на профилирующие отрасли (гражданское, уголовное, административное, гражданское процессуальное, уголовно-процессуальное, административно-процессуальное право), специальные отрасли (трудовое, земельное, финансовое право, право социального обеспечения, семейное и исправительно-трудовое право) и комплексные отрасли (хозяйственное, сельскохозяйственное, природоохранительное, экономическое, торговое, морское право и право прокурорского надзора). Комплексные отрасли права определял как соединение в них разнородных институтов профилирующих и специальных отраслей³.

С данным выводом трудно согласиться. Во-первых, не видно четкого разграничения отраслей российского права (регулирующих соответствующий уникальный круг правоотношений); во-вторых, содержание предложенного деления, в частности выделения комплексных отраслей права («экономическое», «хозяйственное», «сельскохозяйственное» и «торговое»), методологически ошибочно. По своей сути они являются тождественными отраслями права, регулирующими профессиональную экономическую деятельность хозяйствующих субъектов.

В зависимости от типологии правопонимания естественное и позитивное право не имеют одинакового подхода к вопросу об их системе в целом и системе их источников. Так, М.Н. Марченко отмечает, что «естественное право по своей природе и характеру, в отличие от позитивного права, – это в своей основе никак не объективированное и формально не организованное право. Составляющие его содержание, принципы, требования, идеи и другие им подобные естественно-правовые компоненты отнюдь не выступают в каком бы то ни было упорядоченном, систематизированном, формально организованном виде»⁴. Автор пытается подчеркнуть, что естественное право формируется органическим (естественным) путем и берет свое начало из нравственных и духовных устоев. Естественное право возникло до формирования государственности, в рамках чего иногда приходят к выводу о различной природе права и закона. Используя данную позицию, например А.Ю. Гарашко, говорит, что нужно рассматривать систему источников права только с позиции позитивного права⁵.

Типология естественного правопонимания существует; ранее она, между прочим, сыграла большую роль в развитии права. Утверждение тезиса, что система права может определяться только позитивизмом, в конечном счете может привести в тупик, поскольку получается, что в естественной типологии правопонимания системы источников нет вообще.

Однако любая «система», в том числе естественного и позитивного права, имеет свои «границы», которые определяют ее содержание и позволяют отграничить от элементов других систем. Если система не имеет своей структуры, то мы не сможем опреде-

¹ Керимов Д.А. Избранные произведения. В 3 т. М., 2007. Т. 2. С. 82.

² Там же. С. 83–84.

³ Алексеев С.С. Государство и право. М., 1994. С. 91–93.

⁴ Марченко М.Н. Источники права. М., 2011. С. 91.

⁵ Гарашко А.Ю. Проблема единой системы источников права // История государства и права. 2012. № 21. С. 23–25.

лить и проанализировать все элементы данной системы. В такой ситуации можем прийти к ошибочному выводу об отсутствии системы вообще и в частности системы «естественного права», что не является верным.

По мнению В.В. Лаптева, источники отрасли предпринимательского права содержат и общие нормы (равные права участников отношений, гарантии защиты прав собственности), а также специфические, присущие исключительно отрасли предпринимательского права (внутрихозяйственное регулирование, корпоративные нормы). Данный вывод обусловлен единством правовой системы. Дополнительным аргументом В.В. Лаптев приводит параллель с принципами отраслей права, которые могут быть общими для нескольких отраслей права, но могут быть и специфичными для одной из них⁶.

Любая «система» как сложная категория формируется историческим путем, выстраивается логическими связями между ее звеньями. Система источников предпринимательского права в различные периоды ее формирования качественно отличалась.

Система – множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определенную целостность, единство⁷. Иными словами, система – совокупность элементов, определенным образом связанных между собой и образующих некую целостность⁸.

Система источников отрасли права существует объективно. Вся система источников российского права, система каждой отрасли права, в том числе и предпринимательского (хозяйственного) права, обладает системной иерархией.

Систематизация⁹ позволяет упорядочить существующий массив источников права. Мы можем критиковать существующую систему источников права, рассуждать о ее недостатках, проблемах юридической техники, иерархии и соподчиненности норм права, однако система во всех смыслах существует. Говоря о «систематизации» норм права, под ней следует понимать действия, направленные на развитие норм конкретной отрасли права,

ее подотраслей и институтов, а также эффективное построение иерархии норм права как регулятора соответствующих общественных отношений (например кодификация норм).

Последнее время с учетом разнообразия существующих норм права законодательные органы власти и юридическая общественность оправданно говорят о целесообразности систематизации источников права в форме кодификации¹⁰.

Предпринимательское право образует систему источников, регулирующих предмет отрасли – предпринимательство и экономику в целом.

К вопросу об иерархичности системы права также существуют различные подходы. Так, М.Н. Марченко говорит, что иерархия форм естественного права, по сути, представляет собой иерархию форм позитивного права, поскольку иерархии норм естественного права не существует¹¹. По его утверждению, естественные права приобретают иерархические черты только после их воплощения в нормах позитивного права. При таком подходе «иерархию» норм права предлагается определить как структуру соподчиненных норм права, построенную в зависимости от их юридической силы и регулируемую общественные отношения. В этом случае речь идет о регуляторе. Вряд ли кто-то будет отрицать, даже с позиции естественного типа правопонимания, что право – это регулятор общественных отношений. Вместе с этим стоит согласиться, что более наглядно следует рассматривать формы (источники) позитивного права.

Система источников предпринимательского права представляет собой совокупность форм предпринимательского права (элементов системы), согласованных и связанных между собой единством предмета правового регулирования – экономической деятельности. Системе свойственны структурированность, соподчиненность, согласованность, относимость, взаимосвязь и единство.

Следует разделить категории «система источников предпринимательского права» и «система предпринимательского права», последняя из которых является родовым понятием и включает в себя принципы и нормы

⁶ Лаптев В.В. Предмет и система хозяйственного права. М., 1969. С. 142.

⁷ Большой Российский энциклопедический словарь. М., 2003. С. 1437.

⁸ Краткий словарь по философии. М., 1979. С. 287.

⁹ Керимов Д.А. Кодификация и законодательная техника. М., 1962. С. 26; Теория государства и права / под ред. Н.Г. Александрова. М., 1968. С. 474.

¹⁰ Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922 – 2006). М., 2010; Дойников И.В. Современный этап кодификации гражданского и предпринимательского законодательства: итоги и проблемы // Российский судья. 2009. № 5; Кодификация российского частного права / под ред. Д.А. Медведева. М., 2008; и др.

¹¹ Марченко М.Н. Источники права. С. 98.

предпринимательского права, его строение, подразделение на подотрасли и институты. Категория «система права» значительно шире категории «система источников права».

Система отрасли предпринимательского права создает предпосылки для формирования системы ее источников.

Вопрос о структуре системы источников предпринимательского права России неизбежно связан с признанием соответствующей формы права источником отрасли предпринимательского права. Не каждая форма права, в частности юридическая доктрина, признается источником российского предпринимательского права, а следовательно, не является звеном целостной структуры источников предпринимательского права.

Принадлежность к соответствующей правовой семье (правовой системе) предопределяет структуру системы источников права и может включать в себя, например в романо-германской правовой семье, нормативный правовой акт; в англо-саксонской правовой семье – судебный прецедент; в мусульманской правовой семье – Коран и правовую доктрину. Другими словами, источники свойственны соответствующей правовой семье.

Правда, в последнее время многими учеными по сравнительному правоведению отмечается уникальность и особенность различных правовых систем, в том числе и российской (советской), ошибочность ее отнесения к континентальной (романо-германской) правовой семье. Компаративный подход позволяет увидеть отличительные особенности правовой системы каждого государства, системы источников права. Используя метод заимствования и адаптации соответствующих источников права, страны применительно к одинаковым на первый взгляд источникам права вырабатывают отличные признаки и порядок их применения (действия). В этом нет ничего ошибочного, и именно это является развитием и эволюционированием в подходе к соответствующим правовым категориям – к источникам права (Раймонд Леже¹²).

На формирование системы источников права влияет политический режим в стране, задачи государства на соответствующем этапе, географические и климатические особенности территории, отношение государства к религии, а также другие факторы. Система источников права во многом зависит от ти-

пологии правопонимания. Так, с позиции позитивистского правопонимания, длительное время свойственной советской правовой науке, система источников любой отрасли права образовывалась нормативными правовыми актами. И.В. Дойников, рассматривая понятие и виды источников хозяйственного права, говорит о системе нормативных правовых актов, а «другие» источники права (обычаи, судебный прецедент) им упоминаются отдельно как регуляторы предпринимательско-правовых отношений¹³. Постепенно правовая доктрина стала отходить от данной аксиомы. Стали исследоваться иные регуляторы общественных отношений. С развитием международных торговых связей в советском периоде Россия была вынуждена считаться с нормами международного права и международных договоров, которые подвергались тщательному научному анализу¹⁴.

«Система источников предпринимательского права» и «система источников правового регулирования предпринимательства» – категории нетождественные, последняя из которых уже и обозначает лишь систему тех источников, которые определяют правило поведения участников экономических отношений, в то время как «система источников предпринимательского права» включает в себя не только конкретные нормы поведения участников, но и устанавливает предпосылки («почву»), формы и условия для начала осуществления предпринимательской деятельности. Для исследования системы источников необходимо проанализировать систему конкретных их форм как целостного механизма правового регулирования экономики.

В Древней Руси система источников торгового права включала в себя обычаи, международные договоры Руси с греками и немцами, законы (например Судебник 1549 г.), церковные уставы и каноническое право (Закон судный людям, Мерило праведное, Правосудие митрополичье, Ряд и суд и др.)¹⁵. Г.Ф. Шершеневич, рассматривая источники дореволюционного торгового права конца XIX века – начала XX века, отмечал, что системе источников торгового права образуют

¹³ Дойников И.В. Хозяйственное (предпринимательское) право. Методические указания по изучению курса: учебное пособие для вузов. М., 2003. С. 21–24.

¹⁴ Правовые вопросы внешней торговли СССР с европейскими странами народной демократии / под ред. Д.М. Генкина. М., 1955.

¹⁵ Исаев М.А. История Российского государства и права. М., 2012.

¹² Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход / пер. с фр. М., 2009. С. 233.

законы (Устав торговый, Устав о векселях, Устав судопроизводства торгового, Устав о промышленности, Свод законов гражданских, Общий устав Российских железных дорог, местные законы центральной России и др.) и обычаи (торговые обычаи)¹⁶.

Хозяйственное советское право, как отмечалось, характеризовалось позитивистским подходом, при котором систему источников права образовывали законы. В.С. Поздняков в качестве основных источников права регулирования внешнеторговых отношений в СССР выделял нормативные правовые акты, торговые международные соглашения и торговые обычаи. Затем, В.С. Поздняков делал важную оговорку: как источник права торговые обычаи применяются лишь те, которые санкционированы государством, а «торговые обыкновения» не являются источником права, поскольку не обладают нормативными свойствами. Также обращалось внимание на особую роль указаний Государственного арбитража при Совете министров СССР, которые обязательны для применения и имеют нормативное значение¹⁷.

Современные источники предпринимательского права формируют целостность системы отрасли предпринимательского права исходя из предмета регулирования. Термин «предпринимательское право» был предопределен предметом регулирования – предпринимательской (хозяйственной) и иной экономической деятельностью. Обозначение во многом тождественных по своей сути схожих правоотношений влекло за собой использование терминов: «ремесленническое», «торговое», «хозяйственное», «коммерческое», «предпринимательское» и «экономическое» право. Во всех случаях регулируется профессиональная экономическая деятельность, результаты которой направлены на удовлетворение потребностей государства, общества и отдельных лиц (коллективных и индивидуальных).

Организационное единство системы источников права, регулирующих предпринимательскую деятельность, влияет на практическую плоскость реализации норм предпринимательского права. С.Н. Шишкин обращает внимание на то, что «отсутствие системного единства в регулировании горизонтальных и вертикальных предпринимательских отношений отражается в судеб-

ных решениях и практике контролирующих органов»¹⁸. Между прочим, противоречие в толковании законодательства Высшим Арбитражным Судом РФ и Верховным Судом РФ вынудило их объединение¹⁹.

Систему источников предпринимательского права можно разделить на международную и внутреннюю части национального права. Иерархичность международной и внутренней составляющей российской правовой системы обусловливается признанием верховенства норм международных договоров (ст. 15 Конституции РФ).

Ошибочным будет предположить, что международная и внутренняя части правовой системы России отдельные. Во-первых, их единство формирует целостность системы источников предпринимательского права. Во-вторых, содержание норм международного и внутреннего права в их системном толковании и включение в состав механизма правового регулирования экономики влияют друг на друга. Можно утверждать, что российская правовая система «подстраивается» под международный режим правового регулирования (правопорядок), составляющий часть российской правовой системы, но и международная часть правовой системы (в частности международные договоры) должна «соблюдать» внутренние интересы и правопорядок России. Так, международные договоры, противоречащие интересам России, не проходят ратификацию либо принимаются с оговорками.

Исследуя природу источников международного права, известный ученый-правовед М. Вольф отмечает, что международную часть правовой системы страны следует рассматривать как составную часть национального права. Изначально международное право, в том числе международное частное право, зародилось как сверхнациональное право, а впоследствии его нормы вошли в национальное право. По мнению М. Вольфа, «введение в действие этих норм (международных конвенций. – *Авт.*) законодательными органами заинтересованных государств превращало их в национальное право этих государств»²⁰. Ана-

¹⁶ Шершеневич Г.Ф. Торговое право. Т. I: Введение. Торговые деятели. СПб., 1908. С. 68–82.

¹⁷ Правовое регулирование внешней торговли СССР / под общ. ред. Д.М. Генкина. М., 1961. С. 8–17.

¹⁸ Шишкин С.Н. Государственное регулирование экономики: предпринимательско-правовой аспект. М., 2007. С. 19.

¹⁹ Клеандров М.И. Объединение Верховного и Высшего Арбитражного Судов Российской Федерации и конфигурация судейского сообщества // Журнал российского права. 2013. № 9. С. 52–60.

²⁰ Вольф М. Международное частное право / пер. с англ. С.М. Рапопорт; под ред. Л.А. Лунца. М., 1948. С. 27.

логичной позиции придерживается М.Н. Марченко, утверждая, что международные договоры являются источником международного права и национального права²¹. Автор разделяет нормы международного и нормы внутригосударственного права как самостоятельных частей национальной системы права, а также подчеркивает влияние международной части права на формирование внутригосударственной и наоборот²².

М.М. Богуславский справедливо говорит, что международное право (публичное и частное) служит единой цели – «созданию правовых условий развития международного сотрудничества в различных областях»²³. Так, основной целью Всемирной торговой организации (ВТО), Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) и Таможенного союза выступает создание единых условий международной торговли между странами-участницами.

Интересно, что согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ только международные договоры обладают преимуществом перед законами. Возникает вопрос: почему общепризнанные принципы и нормы международного права не обладают приоритетом над законами? Ответ, скорее всего, связан с содержанием данной правовой категории. Согласно п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ»²⁴ под общепризнанными принципами международного права признаются основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом (принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств). Под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного. Таким образом, для правоприменительных органов использование оценочных категорий в своей работе недопустимо, поэтому законодатель закрепил приоритет только международных договоров над законами. Такая позиция так-

же прослеживается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия»²⁵ (п. 5).

Наблюдая за ходом развития норм об экономической деятельности и международной торговле на современном этапе, можно заметить тенденции гармонизации права. Между прочим, сближение международных норм права с внутригосударственными нормами выступило условием вступления России в ВТО.

Как справедливо отмечает Г.К. Дмитриева, гармонизацию следует отличать от унификации, последняя из которых предполагает единообразие регулирования отношений между частными субъектами различных государств – членов ВТО. Применительно к регулированию внешнеэкономической деятельности унификации нет²⁶. Гармонизация, по мнению М. Вольфа, обеспечивает принцип справедливости при установлении правовых режимов, а унификация – недостижимая цель, пока существуют суверенные государства²⁷. Унификация права также невозможна ввиду существования различных правовых семей, использующих свои традиции и принципы права, которые могут быть неприемлемы для ряда государств.

Влияние участия России в ВТО, ЕврАзЭС, Таможенном союзе на источники предпринимательского права очевидно. В этой связи можно говорить о гармонизации, точнее, о сближении норм российского предпринимательского права с международным правом.

О.Е. Кутафин разделял систему источников конституционного права в зависимости от их территориальности действия на федеральные, федерально-региональные, региональные и местные²⁸; это полезно использовать для отправной точки применительно к специальным отраслям права. По территориальности источников предпринимательского права систему можно разделить на международный, федеральный, региональный, местный и локальный территориальные уровни. Некоторые формы предпринимательского права могут действовать на федерально-региональном, межрегиональном и иных смежных уровнях.

²⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1.

²⁶ Дмитриева Г.К. Сближение частного права различных государств в условиях глобализации: международно-правовые механизмы // Lex Russica. 2012. № 4.

²⁷ Вольф М. Указ. соч. С. 30–32.

²⁸ Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 170.

²¹ Марченко М.Н. Источники права. С. 318.

²² Там же. С. 330–345.

²³ Богуславский М.М. Международное частное право. М., 2010. С. 24.

²⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.

Содержание и структура системы источников предпринимательского права во многом зависит от методов регулирования экономической деятельности как важнейших составных системы хозяйственного права. Предложенные и обоснованные В.В. Лаптевым метод подчинения, согласования и рекомендаций²⁹ позволяют разделять нормы форм предпринимательского права на соответствующие три группы. При этом надо исходить из сочетания (балансе) частноправовых и публично-правовых элементов правового регулирования предпринимательства. В практической плоскости это выглядит следующим образом. Например, императив: в силу ст. 15 Федерального закона от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³⁰ деятельность по проведению энергетического обследования вправе осуществлять только лица, являющиеся членами саморегулируемых организаций в области энергетического обследования. Диспозитив: согласно ст. 32¹ Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»³¹ акционеры могут заключить акционерное соглашение – договор об осуществлении прав, удостоверенных акциями, и (или) об особенностях осуществления прав на акции. Рекомендация: ст. 5 Федерального закона от 4 мая 1999 г. № 95-ФЗ «О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации»³² рекомендовано законодательным (представительным) органам субъектов РФ и органам местного самоуправления принять соответствующие нормативные правовые акты, предусматривающие предоставление льгот по уплате налогов и сборов в бюджеты субъектов РФ и местные бюджеты в связи с оказанием Российской Федерации безвозмездной помощи (содействия).

²⁹ Лаптев В.В. Предмет и система хозяйственного права. М., 1969. С. 68–69.

³⁰ СЗ РФ. 2009. № 48. Ст. 5711.

³¹ СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1; 2013. № 30 (ч. I). Ст. 4084.

³² СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2221,

Именно баланс сочетания частнопубличных начал регулирования экономики позволяет утверждать о существовании единственного хозяйственного правопорядка, которому подчинены участники предпринимательских отношений. Развивая тезис уникальности науки хозяйственного (предпринимательского) права, Г.Л. Знаменский даже подчеркивал, что хозяйственному праву присущ единый метод хозяйственного права – интегрированное из всех методов равное подчинение всех субъектов хозяйствования общественному хозяйственному порядку, который, в свою очередь, представляет собой господствующий в обществе уклад материального производства, основанный на положениях конституции, нормах права, моральных принципов, деловых правил и обычаях, одобренных высшей законодательной властью в стратегических экономических решениях, обеспечивающий гармонизацию частных и публичных интересов, создающий партнерские и добропорядочные взаимоотношения в хозяйствовании³³. Несмотря на то, что данный подход к толкованию метода хозяйственного права, скорее всего, является его принципом, он весьма интересен, поскольку подчеркивает единую систему хозяйственного правопорядка, созданного путем объединения всех источников правового регулирования предпринимательства в единое целое – в систему.

При условном делении отрасли предпринимательского права на общую и специальную части источники предпринимательского права аналогично можно разделить на две группы. Общая часть системы посвящена основам и организационно-правовым формам предпринимательства, требованиям к субъектам, предмету деятельности, правовому режиму имущества хозяйствующих субъектов, основам государственного регулирования предпринимательства, лицензированию, квотированию, расчетам в предпринимательской деятельности и т.д. Нормы особенной части системы источников регулируют конкретный сектор экономики: банковский, строительный, страховой, энергетический, нефтегазовый, инвестиционный, агропромышленный, инновационный, транспортный, внешнеэкономический, аудиторский и др.

Юридическая сила каждой формы предпринимательского права, закрепляющая конкретные нормы права, выстраивает соподчиненную логическую структуру, в которой каж-

³³ Хозяйственное право / под ред. В.К. Мамутова. Киев, 2002. С. 31.

дый источник права должен соответствовать «вышестоящему» в порядке иерархии акту.

Множество современных форм предпринимательского права: общепризнанные принципы и нормы международного права, нормативный правовой акт (законы и подзаконные акты), нормативный правовой договор (международный договор, административный договор, коллективный договор и соглашение), юридический прецедент (судебный или административный), правовой обычай, локальные нормативные (в том числе корпоративные) акты и иные формы предпринимательского

права – формируют единый предпринимательский правопорядок.

Экономический правопорядок устанавливает возможные правила поведения участников, определяет предпринимательскую правосубъектность, порядок реализации предпринимательских прав, степень и характер государственного регулирования предпринимательства. Представляется, что система источников предпринимательского права определяет правовые условия развития и функционирования экономики страны, что подчеркивает зависимость категорий «экономика» и «право».

Библиография:

1. Богуславский М.М. Международное частное право. – М., 2010.
2. Вольф М. Международное частное право / пер. с англ. С.М. Рапопорт; под ред. Л.А. Лунца. – М., 1948.
3. Гарашко А.Ю. Проблема единой системы источников права // История государства и права. – 2012. – № 21.
4. Дмитриева Г.К. Сближение частного права различных государств в условиях глобализации: международно-правовые механизмы // Lex Russica. – 2012. – № 4.
5. Дойников И.В. Современный этап кодификации гражданского и предпринимательского законодательства: итоги и проблемы // Российский судья. – 2009. – № 5.
6. Дойников И.В. Хозяйственное (предпринимательское) право: Методические указания по изучению курса. – М., 2003.
7. Исаев М.А. История Российского государства и права. – М., 2012.
8. Керимов Д.А. Избранные произведения. В 3 т. Т. 2. – М., 2007.
9. Керимов Д.А. Кодификация и законодательная техника. – М., 1962.
10. Клеандров М.И. Объединение Верховного и Высшего Арбитражного Судов Российской Федерации и конфигурация судейского сообщества // Журнал российского права. – 2013. – № 9.
11. Кодификация российского частного права / под ред. Д.А. Медведева. – М., 2008.
12. Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. – М., 2001.
13. Лаптев В.В. Предмет и система хозяйственного права. – М., 1969.
14. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход / пер. с фр. – М., 2009.
15. Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). – М., 2010.
16. Марченко М.Н. Источники права. – М., 2011.
17. Правовое регулирование внешней торговли СССР / общ.ред. Д.М. Генкина. – М., 1961.
18. Правовые вопросы внешней торговли СССР с европейскими странами народной демократии / под ред. Д.М. Генкина. – М., 1955.
19. Теория государства и права / под ред. Н.Г. Александрова. – М., 1968.
20. Хозяйственное право / под ред. В.К. Мамутова. – Киев, 2002.
21. Шершеневич Г.Ф. Торговое право. Т. I. Введение. Торговые деятели. – СПб., 1908.
22. Шишкин С.Н. Государственное регулирование экономики: предпринимательно-правовой аспект. – М., 2007.
23. Гуляихин В.Н. Диалектика естественного и позитивного права как источник общественно-правового прогресса // NB: Вопросы права и политики. – 2013. – № 3.
24. Мартынов А.В. Современное право и публичное управление: проблемы методологии и соотношения // NB: Экономика, тренды и управление. – 2013. – № 4.

References:

1. Boguslavskii M.M. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. – M., 2010.
2. Vol'f M. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo / per. s angl. S.M. Rapoport; pod red. L.A. Luntsa. – M., 1948.

3. Garashko A.Yu. Problema edinoi sistemy istochnikov prava // Istoriya gosudarstva i prava. – 2012. – № 21.
4. Dmitrieva G.K. Sblizhenie chastnogo prava razlichnykh gosudarstv v usloviyakh globalizatsii: mezhdunarodno-pravovye mekhanizmy // Lex Russica. – 2012. – № 4.
5. Doinikov I.V. Sovremenniy etap kodifikatsii grazhdanskogo i predprinimatel'skogo zakonodatel'stva: itogi i problemy // Rossiiskii sud'ya. – 2009. – № 5.
6. Doinikov I.V. Khozyaistvennoe (predprinimatel'skoe) pravo. Metodicheskie ukazaniya po izucheniyu kursa. – M., 2003.
7. Isaev M.A. Istoriya Rossiiskogo gosudarstva i prava. – M., 2012.
8. Kerimov D.A. Izbrannye proizvedeniya. V 3 t. T. 2. – M., 2007.
9. Kerimov D.A. Kodifikatsiya i zakonodatel'naya tekhnika. – M., 1962.
10. Kleandrov M.I. Ob'edinenie Verkhovnogo i Vysshego Arbitrazhnogo Sudov Rossiiskoi Federatsii i konfiguratsiya sudeiskogo soobshchestva // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2013. – № 9.
11. Kodifikatsiya rossiiskogo chastnogo prava / pod red. D.A. Medvedeva. – M., 2008.
12. Kutafin O.E. Predmet konstitutsionnogo prava. – M., 2001.
13. Laptev V.V. Predmet i sistema khozyaistvennogo prava. – M., 1969.
14. Lezhe R. Velikie pravovye sistemy sovremennosti: sravnitel'no-pravovoi podkhod/ Raimon Lezhe; per. s fr. – M., 2009.
15. Makovskii A.L. O kodifikatsii grazhdanskogo prava (1922–2006). – M., 2010.
16. Marchenko M.N. Istochniki prava. – M., 2011.
17. Pravovoe regulirovanie vneshnei torgovli SSSR / obshch.red. D.M. Genkina. – M., 1961.
18. Pravovye voprosy vneshnei torgovli SSSR s evropeiskimi stranami narodnoi demokratii. Pod red. D.M. Genkina. M.: Vneshtorgizdat, 1955.
19. Teoriya gosudarstva i prava / pod red. N.G. Aleksandrova. – M., 1968.
20. Khozyaistvennoe pravo: Uchebnyk / pod red. V.K. Mamutova. – Kiev, 2002.
21. Shershenevich G.F. Torgovoe pravo. Tom I. Vvedenie. Torgovye deyateli. Izd.chetvertoe. – SPb., 1908.
22. Shishkin S.N. Gosudarstvennoe regulirovanie ekonomiki: predprinimatel'sko-pravovoi aspect. – M., 2007.
23. Gulyaikhin V.N. Dialektika estestvennogo i pozitivnogo prava kak istochnik obshchestvenno-pravovogo progressa // NB: Voprosy prava i politiki. – 2013. – № 3.
24. Martynov A.V. Sovremennoe pravo i publichnoe upravlenie: problemy metodologii i sootnosheniya // NB: Ekonomika, trendy i upravlenie. – 2013. – № 4.

Материал поступил в редакцию 6 октября 2013 г.

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е.Е. Уксуова*

ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ О БАНКРОТСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация: Законодательство, главным образом, гражданское (арбитражное) процессуальное законодательство в историческом развитии, регулирующие отношения, возникающие в связи с несостоятельностью (банкротством), неотъемлемой и составной частью которых является гражданское судопроизводство; современное состояние процессуального регулирования судопроизводства по делам о банкротстве, содержание и специальный характер гражданского процессуального регулирования судопроизводства по делам о банкротстве, его процессуальная дифференциация с учетом категорий должников и процедур банкротства; судебные акты высших судов (Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ); положения цивилистической и процессуальной доктрины, в том числе относительно сферы несостоятельности (банкротства). Общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение и аналогия), методы частнонаучного познания (формально-логический, историко-правовой, формально-юридический, системный, сравнительно-правовой). Часть 2. Специфика процессуальной сферы несостоятельности (банкротства): современные законодательные и правоприменительные подходы. Рассматривается становление на современном этапе специального процессуального регулирования судопроизводства по делам о банкротстве по процессуальным кодексам и законам о банкротстве; выявляется и отмечается процессуальная специфика порядка судопроизводства по делам о банкротстве, задаваемая категориями должников и процедур банкротства, влияние иных материально-правовых факторов на процессуальную форму защиты по делам о банкротстве; особое внимание уделяется характеристике практики высших судов (КС РФ, ВАС РФ, ВС РФ), ее влиянию на гражданское судопроизводство, процессуальную сферу правового регулирования как проявлению общей тенденции; вы-

© Уксуова Елена Евгеньевна

* Кандидат юридических наук, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), автор спецкурса «Порядок судопроизводства по делам о банкротстве» магистерской программы «Материальное право и судебная форма защиты по гражданским делам»

[euksusova@mail.ru]

123995 Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Статья подготовлена в рамках Программы стратегического развития Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), проект НИР № 2.2.1.2. «Теоретические и практические проблемы соотношения материального права и судебной формы защиты по гражданским делам», руководителем которого является автор. Информационно-правовая поддержка СПС «КонсультантПлюс».

являются и рассматриваются общие правовые основания для усиления в настоящее время регулирующего воздействия судебных актов высших судов, для расширения пределов судебного правотворчества, изменения его содержания и форм, включая анализ процессуальных новелл ГПК РФ и АПК РФ, связанных с проверочными производствами, будучи общим основанием для проявления применительно к процессуальной сфере несостоятельности (банкротства).

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, гражданское процессуальное право, несостоятельность (банкротство), процессуальные нормы, дела о банкротстве, правовая позиция, судебное правотворчество, высший суд, специализация процесса, специальное процессуальное регулирование.

DOI: 10.7256/1729-5920.0.0.10499

Часть 2

Специфика процессуальной сферы несостоятельности (банкротства): законодательные и правоприменительные подходы¹

6. Современный период развития российского законодательства о банкротстве, включая сферу судопроизводства в арбитражных судах, ознаменован принятием Закона РФ от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий»² (далее – Закон о банкротстве 1992 г.). Вслед за ним в 1998 г. последовал другой Федеральный закон – от 08.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»³ (далее – Закон о банкротстве 1998 г.). И наконец, в декабре 2002 г. вступил в силу третий, ныне действующий Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве 2002 г.).

Принятие третьего закона о банкротстве всего лишь за 10 лет с момента возрождения института несостоятельности в России, как справедливо отмечают юристы, вероятно, явилось абсолютным мировым рекордом «скорострельности» в этой сложной сфере правового регулирования⁴, что вряд ли следует расценивать в качестве позитивного фактора в отечественной законотворческой практике.

В этот период аналогичный рекорд установлен и в связанной с вопросами банкротства сфере судопроизводства в арбитражных судах: со времени их создания в 1992 г. были приняты три кодифицированных федераль-

ных закона о судопроизводстве по гражданским делам – Арбитражные процессуальные кодексы РФ 1992 г., 1995 г., 2002 г. Весьма примечательно, что АПК РФ 1992 г. был принят раньше Закона о банкротстве 1992 г. АПК РФ 1995 г. был подготовлен с учетом лишь Закона о банкротстве 1992 г. и, соответственно, впоследствии действовал без учета положений второго Закона о банкротстве 1998 г. АПК РФ 2002 г. был принят до Закона о банкротстве 2002 г., т.е. на базе Закона о банкротстве 1998 г. Поэтому на уровне законодательного регулирования по схеме: кодифицированный процессуальный регламент и федеральный закон о банкротстве, который включает специальные правила судопроизводства, отсутствовала их правовая синхронизация, что приводило к неоправданным перегибам в законодательной практике. Согласованность нормативных правовых актов, призванная обеспечить полноту и определенность процессуального регулирования судопроизводства, особо значима для тех категорий гражданских дел, в отношении которых законодатель предусматривает специальные нормы как в кодексе, так и в иных федеральных законах – для исключения коллизии между ними.

В развитие положений Закона о банкротстве 1998 г. был принят Федеральный закон от 25.02.1999 № 40-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций»⁵ (далее – Закон о несостоятельности кредитных организаций), в который позднее были внесены существенные изменения и дополнения (2004, 2012 гг.). Производство по делам о несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций, прежде всего банков, имеет свою специфику. Этот закон включает специальные правила судопроизводства, касающиеся банкротства кредитных организаций, дополняющие и изменяющие положения общего Закона о банкротстве 2002 г. Такие правила имеют приоритет по отношению к нормам Закона о

¹ Первая часть статьи опубликована: Lex Russica. 2014. № 2.

² Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 1. Ст. 6.

³ СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 222.

⁴ См.: Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» / под ред. В.В. Витрянского; предисл. В.В. Витрянского. М., 2003 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ СЗ РФ. 1999. № 9. Ст. 1097.

банкротстве 2002 г. (ст. 50.1 Закона о несостоятельности кредитных организаций).

Специальное процессуальное регулирование банкротства банков предусматривалось и Федеральным законом от 08.07.1999 № 144-ФЗ «О реструктуризации кредитных организаций»⁶. Его принятие было продиктовано потребностью реструктуризации банков в РФ, оказавшихся в тяжелом финансовом положении в результате системного финансового кризиса 1998 г. Впервые в практике банкротства банков осуществление функций ликвидатора и конкурсного управляющего законом было возложено на корпоративного ликвидатора, каковым назначалась государственная корпорация «Агентство по реструктуризации кредитных организаций» (АРКО)⁷. Ныне, согласно п. 5 ст. 180 Закона о банкротстве 2002 г., полномочия ликвидатора не только банков⁸, но и иных финансовых организаций, а также полномочия конкурсного управляющего при их несостоятельности (банкротстве) в случаях и в порядке, которые предусмотрены федеральным законом, исполняет государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов» (АСВ)⁹.

К сожалению, и в последующем сохранились тенденции ускоренного изменения правового регулирования банкротства. Закон о банкротстве 2002 г. вновь дополнялся нововведениями, которые касаются в том числе правил судопроизводства по делам о банкротстве в связи с принятием ряда федеральных законов¹⁰.

⁶ СЗ РФ. 1999. № 28. Ст. 3477.

⁷ Автор настоящей работы, будучи одним из руководителей юридической службы корпорации, принимала непосредственное участие в правовом сопровождении судебных производств с участием банков.

⁸ Уксова Е.Е. Особенности правового статуса участников системы страхования вкладов // Банковское право. 2005. № 1 ; Она же. Комментарий (постатейный) к Федеральному закону «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации». М. : ТИАРА, 2005. С. 25–31.

⁹ Федеральный закон от 23.07.2013 № 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков». Ст. 16, п. 1, пп. «в» // СЗ РФ. 2013. № 30 (ч. 1). Ст. 4084.

¹⁰ Например: Федеральный закон от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)”» // СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 4 ; Федеральный закон от 30.12.2008 № 306-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием порядка обращения взыскания на заложенное

Анализ законодательных актов с учетом новелл, привнесенных за последние пять лет в Закон о банкротстве 2002 г., дает основание в целом констатировать расширение и большую детализацию (за счет специальных процессуальных норм) процессуального регулирования судопроизводства по делам о банкротстве, дальнейшую его дифференциацию в зависимости от категорий должников и процедур банкротства. Наблюдается как значительное изменение общего специального процессуального регулирования судопроизводства по делу о банкротстве, так и введение новых специальных процессуальных норм частного характера, касающихся судопроизводства в отношении новых отдельных категорий должников – финансовых организаций: клиринговых организаций, товарных и валютных бирж, кредитных потребительских кооперативов, а также застройщиков. В общем виде изменения затронули многие процессуальные вопросы, как то: специальная компетенция суда по делу о банкротстве (конкурсного суда) в связи с новыми мини-процессами в рамках конкурсного производства, возбуждение судопроизводства по делу о банкротстве, состав суда и участников процесса, обжалование судебных постановлений и др. Явно просматривается увеличение объема судопроизводства по делам о банкротстве по предмету рассмотрения, концентрация мини-процессов в рамках укрупняющегося конкурсного производства при их разнородности, расширение правовых возможностей конкурсного суда и участников процесса, увеличение состава последних.

Бесспорно, столь интенсивное обновление законодательства значительно осложняет его правоприменение, одним из основных условий определенности и единообразия ко-

имущество» // СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 14 ; Федеральный закон от 28.04.2009 № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 18 (1 ч.). Ст. 2153 ; Федеральный закон от 22.04.2010 № 65-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об организации страхового дела в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 17. Ст. 1988 ; Федеральный закон от 12.07.2011 № 210-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и статьи 17 и 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в части установления особенностей банкротства застройщиков, привлекавших денежные средства участников строительства» // СЗ РФ. 2011. № 29. Ст. 4301 ; Федеральный закон от 28.07.2012 № 144-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 31. Ст. 4333.

торого является устойчивость законодательства. Вместе с тем нельзя не видеть и возрастающей по мере развития рыночных отношений потребности в поиске более совершенных инструментов правового регулирования.

Рассмотрим предметно на законах о банкротстве и процессуальных кодексах становление современного специального процессуального регулирования судопроизводства по делам о банкротстве.

6.1. Начало современному специальному законодательному регулированию сферы судопроизводства положил Закон о банкротстве 1992 г.

Несостоятельность (банкротство) предприятия считается имеющей место после признания факта несостоятельности арбитражным судом или после официального объявления о ней должником при его добровольной ликвидации, гласила его ст. 2. Статья 3 «Подведомственность дел о несостоятельности (банкротстве)» предусматривала не только подведомственность таких дел арбитражным судам субъектов РФ, но и их подсудность. Дела о несостоятельности (банкротстве) предприятия подлежали рассмотрению высшим арбитражным судом республики в составе Российской Федерации, краевым, областным, городским арбитражным судом, арбитражным судом автономной области, автономного округа по месту нахождения предприятия-должника, указанному в его учредительных документах. Таким образом, Закон о банкротстве 1992 г. к компетенции созданных арбитражных судов относил новую категорию гражданских дел, не обозначенную принятым ранее АПК РФ 1992 г., который был первым базовым кодифицированным законом, определявшим процессуальную форму судопроизводства и рассмотрения арбитражными судами отнесенных к их ведению гражданских дел.

Наряду с иными специальными процессуальными нормами Закон о банкротстве 1992 г. в разделе II «Рассмотрение дела о несостоятельности (банкротстве) предприятия в арбитражном суде» содержал также отдельные специальные правила судопроизводства и рассмотрения арбитражными судами дел о несостоятельности (банкротстве). Таковыми являлись процессуальные нормы, определявшие коллегиальный состав суда, особенности возбуждения производства (субъекты, условия), извещения и рассмотрения дел о несостоятельности предприятий. Специальные установления также предусматривали особенности судопроизводства по делам о несостоятельности банков. Около 1/5 от об-

щего количества статей Закона о банкротстве 1992 г. были посвящены особенностям судопроизводства именно по таким делам.

Действовавший в тот период АПК РФ 1992 г. не предусматривал каких-либо специальных правил судопроизводства по делам о несостоятельности (банкротстве) предприятий. Однако это отнюдь не давало законодателю оснований для включения в специальный комплексный Закон о банкротстве 1992 г. положения о том, что «рассмотрение дел о несостоятельности (банкротстве) предприятий производится арбитражным судом в порядке, установленном настоящим Законом, а по вопросам, не урегулированным настоящим Законом, – в соответствии с Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации» (п. 2 ст. 3). Более того, исходя из общих позиций законодательного регулирования судопроизводства, данная формула определения процедуры судопроизводства по делам о банкротстве была еще и некорректной по содержанию. Порядок рассматриваемых арбитражными судами дел о банкротстве не мог не определяться исключительно базовым кодифицированным процессуальным законом – действовавшим тогда АПК РФ 1992 г., ибо Кодекс устанавливал принципы и общую организацию процесса, в том числе общие правила судопроизводства. Закон о банкротстве 1992 г. применительно к судопроизводству по делам о банкротстве включал лишь специальные процессуальные нормы, правила судопроизводства, изъятия и дополнения процессуального регулирования судопроизводства по делам о несостоятельности с учетом природы дел, установленных данным законом, которые были таковыми по отношению к базовому кодифицированному процессуальному регламенту судопроизводства в арбитражных судах.

В АПК РФ 1992 г. через год после его принятия были внесены специальные дополнения относительно лишь дел о банкротстве предприятий¹¹. Устанавливалось, что «доарбитражное урегулирование отношений по делам о несостоятельности (банкротстве) предприятий производится в случаях и порядке, предусмотренных Законом Российской Федерации «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» (ст. 2). В статьях 66 и

¹¹ Закон РФ от 07.07.1993 № 5334-1 «О внесении изменений и дополнений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации и Законы Российской Федерации «Об арбитражном суде», «О государственной пошлине» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1236.

69 АПК РФ 1992 г. было предусмотрено, что заявление о признании предприятий несостоятельными (банкротами) оплачивается государственной пошлиной и ее размер составляет 50 установленных законом минимальных размеров месячной оплаты труда.

Таким образом, АПК РФ 1992 г. впервые включил специальные процессуальные нормы, касающиеся судопроизводства по новой категории гражданских дел – о несостоятельности (банкротстве) предприятий. Наличие таких специальных правил лишь свидетельствовало о том, что на уровне законодательного регулирования производство по делам о несостоятельности (банкротстве) является неотъемлемой составляющей судопроизводства в арбитражных судах. Такое производство с учетом природы дел о банкротстве отличается особенностями специального материально-правового и процессуально-правового регулирования, определенных в том числе Законом о банкротстве 1992 г.

6.2. В дальнейшем более развернутое специальное процессуальное регулирование сферы банкротства развивалось на уровне АПК РФ и специальных законов о банкротстве. В отличие от Закона о банкротстве 1992 г. (ст. 3), в АПК РФ 1995 г. общая формула порядка судопроизводства по таким делам обрела иное, более корректное отражение. Статья 143 «Рассмотрение дел о несостоятельности (банкротстве) организаций и граждан» главы 19 АПК РФ 1995 г. определяла, что «дела о несостоятельности (банкротстве) организаций и граждан рассматриваются арбитражным судом по правилам, предусмотренным настоящим Кодексом, с особенностями, установленными законом о несостоятельности (банкротстве)». Иные главы АПК РФ 1995 (гл. 2–4, 11) включили специальные нормы, определяющие специфику судопроизводства по таким делам. Среди них были нормы о коллегиальном рассмотрении дел (ст. 14), о подведомственности таких дел арбитражным судам (ст. 22), о подсудности по месту нахождения должника (ст. 28), о составе лиц, участвующих в деле (ст. 32), о государственной пошлине (ст. 66).

Таким образом, правила АПК 1995 г. стали гораздо разнообразнее по содержанию. Регламентирование порядка рассмотрения арбитражным судом дел о несостоятельности (банкротстве) организаций и граждан было выделено законодателем как производство, имеющее особенности, в главе 19 АПК РФ 1995 г. наряду с делами об установлении фактов, имеющих юридическое значение.

6.3. АПК РФ 2002 г. сохранил общее специальное правовое регулирование. В отличие от АПК РФ 1995 г., в действующем порядке судопроизводства по делам о банкротстве получил законодательное обособление: глава 28 «Рассмотрение дел о несостоятельности (банкротстве)» предусматривает расширенное законодательное регламентирование судопроизводства.

В других главах АПК РФ 2002 г. – 1-й, 2-й, 4-й, 5-й – также предусмотрены специальные нормы для производства по делам о несостоятельности (банкротстве), однако законодателью, к сожалению, не удалось избежать дублирования отдельных положений. Часть 1 ст. 223 АПК РФ включила общую формулу порядка судопроизводства по делам о несостоятельности: «Дела о несостоятельности (банкротстве) рассматриваются арбитражным судом по правилам, предусмотренным настоящим Кодексом, с особенностями, установленными федеральными законами, регулирующими вопросы несостоятельности (банкротства)».

АПК РФ 2002 г. унаследовал от своего предшественника нормы, связанные с коллегиальным составом суда (п. 3 ч. 2 ст. 17), с подведомственностью (п. 1 ч. 1 ст. 33) и территориальной подсудностью (ч. 4 ст. 38), составом лиц, участвующих в деле (ст. 40). Кроме того, он был дополнен нормами, устанавливающими общие положения о субъектах права на обращение в суд с заявлением о признании должника банкротом (ст. 224), о порядке обжалования определений (ч. 3 ст. 223), о примирительных процедурах по делам о банкротстве (ст. 225).

Специальные правила о коллегиальном составе суда по делам о банкротстве изменились в связи с внесенными в АПК РФ в 2011 г. изменениями¹². Законодатель отказался от рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве) коллегией судей, что предусматривалось законом со времени изначального отнесения рассмотрения данных дел к ведению арбитражных судов. Новые положения о единоличном рассмотрении дела применяются арбитражными судами при рассмотрении дел о банкротстве, производство по которым возбуждено после 16 августа 2011 г. Этот отказ, видимо, диктуется «встраиванием» специ-

¹² Федеральный закон от 12.07.2011 № 210-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и статьи 17 и 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в части установления особенностей банкротства застройщиков, привлекавших денежные средства участников строительства» // СЗ РФ. 2011. № 29. Ст. 4301.

альных установлений о составе суда по отдельным категориям дел, каковыми являются дела о банкротстве, в общие законодательные нововведения в правовом регулировании арбитражного процесса последних лет. Такие установления расширили границы процессуальной активности суда первой инстанции: по мотивированному заявлению судьи при принятии решения председателем судебного состава предусматривается возможность рассмотрения любого гражданского дела в первой инстанции коллегиальным составом судей (п. 5 ч. 2 ст. 17 АПК)¹³. В делах о банкротстве более гибкое решение вопроса о составе суда при снятии императивного установления о его коллегиальности несомненно снижает нагрузку на судей, что весьма актуально для арбитражных судов, и одновременно не исключает возможности инициирования судьей рассмотрения дела и коллегией судей, поскольку необходимость в такой коллегии процессуальные нормы определяют лишь общим признаком, а именно особой сложностью дела, что всегда можно обосновать особой спецификой рассматриваемой категории дел.

Наличие таких специальных правил в действующем АПК РФ свидетельствует о том, что с позиций законодательного регулирования производство по делам о несостоятельности (банкротстве) является составной частью современной системы арбитражного процесса, оно органично связано с общими правилами судопроизводства, направлено на достижение общих задач судопроизводства в арбитражных судах и гражданского судопроизводства в целом. При этом, будучи специализированным производством, оно отражает допустимую процессуальную специализацию с учетом природы дел, предмета судебной защиты и особенностей материально-правового и процессуально-правового регулирования, определенных главным образом законами о банкротстве.

6.4. АПК РФ, закрепляя общее специальное регулирование порядка судопроизводства в арбитражных судах по делам о несостоятельности (банкротстве), предусматривает наличие особенностей судопроизводства, определяемых законами о банкротстве (гл. 28).

Закон о банкротстве 2002 г. прежде всего устанавливает основной массив специаль-

ных норм (правил) такого судопроизводства. В рамках специального правового регулирования судопроизводства этот закон занимает центральное место, его процессуальными нормами задается процессуальная специфика судопроизводства. Специальные процессуальные правила для дел рассматриваемой категории в большинстве своем касаются производства в суде первой инстанции – главной и обязательной стадии судопроизводства.

Законами о банкротстве процессуальная специфика судопроизводства, с нашей точки зрения, определяется с учетом двух факторов материально-правового характера. Во-первых, в зависимости от категории должника¹⁴, в отношении которого ставится вопрос о банкротстве, возбуждается производство по делу о банкротстве, в зависимости от его статуса, определяемого Законом о банкротстве 2002 г. исключительно в целях применения данного закона с учетом общегражданского положения должника. Во-вторых, в зависимости от применяемой процедуры банкротства. Превалирующий характер сохраняется за первым фактором, который предопределяет допустимость применения той или иной процедуры банкротства в рамках судопроизводства по делу о банкротстве.

При имеющемся специальном процессуальном регулировании наличие такой специализации по Закону о банкротстве 2002 г., на наш взгляд, позволяет, во-первых, различать правовой режим специализированного судопроизводства по делам о банкротстве в зависимости от категории должника и выделять две разновидности: общий и особые порядки судопроизводства (в отношении определенной категории должника). Во-вторых, по сфере действия разграничивать специальные процессуальные нормы общего и частного характера, которыми определяется специализированное производство.

Общий специализированный порядок судопроизводства касается всех тех должников,

¹³ См.: Уксусова Е.Е. К вопросу о составе арбитражного суда первой инстанции // Совершенствование судебной и несудебной форм защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц : сб. науч. ст. / отв. ред. Е.Е. Уксусова. М. : Издат. центр Ун-та имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2013. С. 29–42.

¹⁴ Речь идет о юридических лицах или гражданах. Среди юридических лиц Закон о банкротстве 2002 г. особо выделяет отдельные категории должников, статус которых определяется для целей применения данного закона: градообразующие, сельскохозяйственные, финансовые организации, стратегические предприятия и организации, а также субъекты естественных монополий, застройщики (гл. IX). Обособленно выделяются ликвидируемые должники – юридические лица и отсутствующие должники – как юридические лица, так и граждане (гл. XI). Что касается граждан, то законодатель разграничивает, кроме того, банкротство индивидуального предпринимателя и крестьянского (фермерского) хозяйства (§ 2, 3 гл. X).

которых Закон о банкротстве 2002 г. особо не выделяет среди юридических лиц и граждан. В настоящее время это юридические лица, кроме выделяемых законом отдельных категорий юридических лиц. К таким должникам применяются закрепленные Законом о банкротстве 2002 г. общие специальные правила судопроизводства (гл. III) и частные специальные правила судопроизводства в отношении процедур банкротства (гл. IV–VIII).

Особые же специализированные порядки судопроизводства применимы к особо выделяемым категориям должников. Эти порядки отличаются также наличием, наряду с общими специальными правилами судопроизводства, частных специальных правил в отношении таких должников (гл. IX–XI Закона о банкротстве 2002 г.) и, соответственно, процедур банкротства, предусмотренных как Законом о банкротстве 2002 г. (гл. IV–VIII), так и Законом о несостоятельности кредитных организаций. При этом приоритетное значение сохраняется за частными специальными правилами судопроизводства, которыми изменяется сфера действия общих специальных норм, соотносимых, в свою очередь, с общими процессуальными нормами Процессуального кодекса.

Данное различие позволяет выявить и раскрыть процессуальную специфику судопроизводства по делам о несостоятельности (банкротстве) в целом и в отношении отдельных категорий должников по таким делам в частности, а также обеспечить правильное толкование и применение судами общих и специальных норм права. Предлагаемое разграничение необходимо проводить и для того, чтобы в качестве особых порядков рассматривать две упрощенные процедуры банкротства таких категорий должников, как ликвидируемые или отсутствующие.

Поэтому с учетом приоритета специальных процессуальных правил, закрепленных в законах о банкротстве, АПК РФ применяется в части, не предусмотренной специальным процессуальным регулированием – Законом о банкротстве 2002 г. и Законом о несостоятельности кредитных организаций. В рассматриваемом контексте это относимо и к ГПК РФ. Такое применение норм АПК РФ не является субсидиарным.

Закон о банкротстве 2002 г. применяется в части, не урегулированной Законом о несостоятельности кредитных организаций, касательно особо выделяемых законом (отдельных) категорий должников и применяемых судом процедур банкротства.

В свою очередь, общие специальные правила судопроизводства по делам о банкротстве, закрепленные в гл. III Закона о банкротстве 2002 г., применяются, если иные частные специальные процессуальные правила не установлены другими главами данного Закона, в том числе касающимися судопроизводства отдельных категорий должников и применяемых процедур банкротства, или Законом о несостоятельности кредитных организаций.

Возможная коллизия специальных процессуальных норм должна преодолеваться исключительно в рамках соответствующего им уровня (общего или частного) путем применения специальных норм, принятых позднее, если иное не установлено законом.

Законодательный формат производства по делам о несостоятельности (банкротстве) в качестве специализированного судопроизводства в рамках неисковых порядков судопроизводства в арбитражных судах подчеркивается и существованием специальной нормы АПК РФ, предусматривающей оставление заявления без рассмотрения, если заявлено требование, которое в соответствии с федеральным законом должно быть рассмотрено в деле о банкротстве (п. 4 ст. 148). Подобное законодательное установление является свидетельством закрепленного процессуального приоритета порядка судопроизводства по делу о банкротстве, которое отличается консолидированным и коллективным характером. В силу Закона о банкротстве 2002 г. исключительно в рамках такого судопроизводства подлежат рассмотрению требования, правовые вопросы, споры с участием должника, в отношении которого оно возбуждено.

7. Характеристика сферы несостоятельности, ее процессуальной составляющей была бы неполной без практики Конституционного Суда РФ. Закономерно, что практика Конституционного Суда РФ играет важную роль в становлении и совершенствовании законодательства о банкротстве и специального процессуального регулирования судопроизводства по делам о банкротстве, равно как и в применении норм законодательства о банкротстве и процессуального законодательства в соответствии с выявленным конституционно-правовым смыслом.

За период действия современного законодательства о банкротстве Конституционный Суд РФ принял немало решений, которыми определяется целевая направленность национального правового регулирования несостоятельности, выявляется специфика действия его институтов и реализации норм, которые

находятся в тесной взаимосвязи с процессуальным законодательством.

Остановимся на отдельных решениях высшего судебного органа конституционного судопроизводства преимущественно в контексте процессуально-правового регулирования.

В постановлении КС РФ от 12.03.2001 № 4-П предметом конституционной проверки явились нормативные положения, связанные с возможностью обжалования определений, выносимых арбитражным судом в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) по Закону о банкротстве 1998 г. Конституционный Суд признал неконституционным п. 3 ст. 55 Закона о банкротстве 1998 г. в части, устанавливающей правило о том, что не могут быть обжалованы определения арбитражного суда, предусмотренные в п. 4 ст. 46, п. 1 ст. 55, п. 4 ст. 63 и п. 5 ст. 75 названного закона. Напомним, что ими исключалась судебная проверка по жалобам на определения арбитражного суда, вынесенные по результатам рассмотрения разногласий между кредиторами и должниками, кредиторами и арбитражными управляющими, хотя бы еще одной судебной инстанцией с целью исправления возможной судебной ошибки. Была также признана не соответствующей Конституции РФ статья 56 Закона о банкротстве 1998 г., поскольку она позволяла вводить на стадии возбуждения производства по делу о банкротстве наблюдение на основании заявления о признании должника банкротом без предоставления должнику возможности своевременно заявить свои возражения и не предусматривала права должника обжаловать определение о принятии заявления о признании должника банкротом, которым в отношении него вводится наблюдение.

Рассматриваемое постановление КС РФ № 4-П определяло, что особый правовой режим имущественных требований, предъявляемых к должнику на период рассмотрения арбитражным судом дела о банкротстве, не исключает прав кредиторов на судебную защиту своих законных интересов как в арбитражных судах, так и в судах общей юрисдикции.

Конституционный Суд РФ, что весьма значимо, указал: до внесения федеральным законодателем необходимых изменений и дополнений в законодательство арбитражным судам и иным правоприменительным органам надлежит для обеспечения права на судебную защиту по делам о несостоятельности (банкротстве) применять непосредственно ст. 46 Конституции РФ в ее истолковании, данном Конституционным Судом РФ. Речь

шла о том, что арбитражные суды, согласно постановлению КС РФ от 03.02.1998 № 5-П¹⁵, вправе по заявлениям заинтересованных лиц воспользоваться процедурами апелляционного пересмотра судебных актов, пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам в связи с обнаруженной судебной ошибкой либо пересмотра в порядке надзора определений, препятствующих движению дела.

Данное постановление несомненно способствовало формированию более эффективной судебной практики и послужило развитию специального процессуального регулирования, связанного с законодательным закреплением возможности обжалования определений суда с учетом их природы и правовых последствий, принятие которых предусмотрено Законом о банкротстве, как процессуальной гарантии судебной защиты прав участников судопроизводства по делу о банкротстве. Оно не утрачивает своей общей идеологической направленности на сохранение при всей специфике сферы несостоятельности базовых подходов в процессуальном регулировании судопроизводства по делам о банкротстве.

В определении от 24.02.2011 № 165-О-О Конституционный Суд РФ проанализировал нормативное содержание п. 4 ст. 149 Закона о банкротстве 2002 г., конституционность которого оспаривалась в истолковании, данном в п. 48 постановления Пленума ВАС РФ от 15.12.2004 № 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»». Постановлением Пленума ВАС РФ № 29, в частности, разъясняется, что арбитражный суд рассматривает разногласия, заявления, ходатайства и жалобы в деле о банкротстве до внесения записи о ликвидации должника в Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ); с момента внесения такой записи на основании доказательств о ликвидации должника, поступивших от конкурсного управляющего либо регистрирующего органа, арбитражный суд выносит определение о прекращении производства по рассмотрению всех разногласий, заявлений, ходатайств и жалоб. По мнению заявителя, данные положения нарушают его право на судебную защиту, гарантированное ст. 46

¹⁵ Постановление КС РФ от 03.02.1998 № 5-П «По делу о проверке конституционности статей 180, 181, пункта 3 части 1 статьи 187 и статьи 192 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Конституции РФ, поскольку предусматривают прекращение производства по жалобам на незаконные действия арбитражного управляющего. Определением арбитражного суда кассационной инстанции производство было прекращено в связи с обжалованием заявителем действий конкурсного управляющего должника – юридического лица. Прекращая производство по кассационной жалобе, суд исходил из того, что в ЕГРЮЛ внесена запись о ликвидации должника.

Конституционный Суд РФ, принимая во внимание специфику правового регулирования несостоятельности, отметил, что положения закона, обеспечивающие определенность сроков проведения конкурсного производства как завершающей процедуры, после которой должник ликвидируется, не могут рассматриваться как нарушающие право заявителя на судебную защиту.

Высший суд особо подчеркнул, что гарантируемое Конституцией РФ право каждого на судебную защиту его прав и свобод (ч. 1 ст. 46) не предполагает возможности по собственному усмотрению выбирать способ и процедуру судебного оспаривания, так как они определяются федеральными законами, на что неоднократно указывалось в решениях Конституционного Суда.

В целом анализ решений Конституционного Суда РФ свидетельствует об их влиянии на развитие рассматриваемой области правового регулирования, в том числе и сферы гражданского судопроизводства по делам о несостоятельности. Судебная практика демонстрирует, что принятые Конституционным Судом решения направлены на расширение объема процессуальных гарантий защиты в рамках судопроизводства, на предоставление более широких процессуальных возможностей защиты участникам производства по делам о несостоятельности в целях более высокой степени судебной защиты, исходя из содержания и специфики реализации права на судебную защиту по делам о банкротстве.

8. Современную систему правового регулирования, включая рассматриваемую сферу несостоятельности (банкротства), сложно себе представить и без судебной практики Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, учитывая прежде всего место и назначение высшего суда в национальной правовой и судебной системе, а также возрастание в целом роли суда в общественной жизни, а именно роли его правоприменительной деятельности по защите прав и законных интересов. Судебные акты пленумов и президиумов

этих судов получили нормативное значение: все чаще акты, принимаемые, в частности, Пленумом ВС РФ в форме постановлений по возникающим в судебной практике вопросам применения норм права в целях обеспечения единообразных подходов к их разрешению, включают положения регулирующего воздействия. В научном юридическом обороте признается, что такого рода постановления в результате нормативного толкования ими закона содержат интерпретационные нормы, так называемые нормы в нормах, которые предписывают, как понимать и применять другие правовые нормы. Нормативным толкованием оно рассматривается в силу того, что носит общий характер¹⁶. В этой связи подобные установления закономерно именуются и судебными правоположениями.

Более весомое юридическое значение за актами высших судов признают новеллы последних лет в процессуальных кодексах (ГПК РФ, АПК РФ), диктуемые целями обеспечения единообразия в толковании и применении судами норм права. Одним из правовых средств обеспечения единообразия подходов к разрешению возникающих в судебной практике вопросов сферы гражданской судебной юрисдикции является определение или изменение высшим судом практики применения правовой нормы, выраженное в акте как пленума, так и президиума, за чем в настоящее время признается характер *правовой позиции* (*ratio decidendi*)¹⁷. Такой акт высшего суда, в котором сформулирована правовая позиция высшего суда относительно толкования приведенных в нем правовых норм, может служить основанием для пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений нижестоящих судов по правилам гл. 42 ГПК РФ¹⁸ и гл. 37 АПК РФ¹⁹ (см. п. 8.4, 8.5 данной работы).

¹⁶ Общая теория государства и права. Академический курс в 3 томах / отв. ред. М.Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. С. 780–781 (гл. XXXII, автор А.Ф. Черданцев).

¹⁷ Постановление Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 № 52 «О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам». П. 11 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Федеральный закон от 09.12.2010 № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6611.

¹⁹ Федеральный закон от 23.12.2010 № 379-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 52 (ч. 1). Ст. 6994.

Сегодня практика высших судов ассоциируется с формированием ими правовых позиций, которым должны следовать суды и участники процесса. Так, на официальном сайте Высшего Арбитражного Суда РФ открыт новый раздел «Правовые позиции Президиума ВАС РФ». В нем ежемесячно размещаются обзоры постановлений Президиума ВАС РФ, опубликованных на сайте в предшествующем месяце, с кратким описанием правовой позиции высшей судебной инстанции. Подобную форму информационного обеспечения можно только приветствовать; было бы целесообразно сохранить ее и на сайте нового высшего судебного органа. Более того, в связи с предстоящим объединением высших судов есть основания не только для сохранения, но и для признания за его актами особого характера и значения. Согласно новому статусу Верховный Суд РФ будет высшим судебным органом по гражданским делам, делам по разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным как судам общей юрисдикции, так и арбитражным судам. Он будет образован в соответствии с федеральным конституционным законом и призван осуществлять в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за деятельностью указанных судов и давать разъяснения по вопросам судебной практики²⁰.

Регулирующим воздействием таких актов охвачены разнообразные сферы правового регулирования, включая гражданское судопроизводство.

В теоретическом плане новая юридическая категория «правовая позиция», привнесенная в отечественный научный обиход судебной практикой Конституционного Суда РФ²¹, открывает юридической науке новые возможности для исследования судебной практики высших судов как источника права.

В литературе все чаще встречается мнение об отнесении упомянутых актов высших судов к источникам современного российского права. Их действие носит общий характер, они обязательны не только для судов, но и

для неопределенного круга адресатов, включая прежде всего лиц, участвующих в процессе. В равной мере это касается сферы несостоятельности (банкротства).

8.1. Тенденция усиления регулирующей роли судебной практики высших судов, на наш взгляд, является отражением уровня развития современной отечественной правовой системы и общей проблемы влияния правосудия на развитие права, что имеет место и в других странах. Так, представитель немецкой правовой школы профессор Ян Шапп, ссылаясь на ст. 20 Основного Закона Германии (в соответствии с которой правосудие связано не только законом как таковым, но и правом вообще), отмечает допустимость выхода суда за рамки дословного смысла закона. Он признает, что в этом случае судья должен обосновать свое решение, исходя из правовых идей и сути правовой системы в целом. В противоположность правоприменению закона, осуществляемому в рамках дословного смысла закона, поиск судьей «соответствующего праву решения» рассматривается как «дальнейшее развитие права». Я. Шапп отмечает также, что проблема развития права судьями приобрела особый вес вследствие отставания законодательства от потребностей социального развития. В качестве одного из примеров он указывает на судебную практику Федерального Суда по рассмотрению трудовых споров: беря на себя функцию законодателя, она в ряде случаев представляет собой не законоприменение, а развитие трудового права, восполняющего отсутствие соответствующего законодательного регулирования, что, правда, по признанию автора, санкционируется Федеральным Конституционным Судом²².

На аналогичную ситуацию в российской и французской правовых системах обращал внимание профессор А.А. Алексеев, выступая 12 мая 2000 г. на Ученом совете Парижского университета в связи с присуждением ему почетной степени доктора *honoris causa*. Он говорил о принципиальном значении правосудия, которое, как свидетельствует опыт передовых демократических стран, в том числе Франции, приобретает «все большую правосозидающую роль в развитии демократического права, которое как раз и способно воплотить либеральный настрой, соединенный с юридическими ценностями, в живом праве, в практической жизни». Среди положительных моментов, характерных для демократии, А.А. Алексеев выделил «ре-

²⁰ Законопроект № 352924-6 «Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации», внесенный Президентом РФ в Государственную Думу РФ, одобрен 27 ноября 2013 г. // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ О правовых позициях Конституционного Суда РФ как форме судейского правотворчества см.: Общая теория государства и права. С. 495–506 (гл. XIV, автор М.Н. Марченко).

²² Шапп Я. Основы гражданского права Германии: учебник. М.: БЕК, 1996. С. 19–23.

жим верховенства права во всех случаях, предполагающий строгую правозаконность – императивную общеобязательность действующего права» как обязательное условие для усиления правосозидательной деятельности суда. Отмечалось, что «это необходимость при самой широкой (свободной) деятельности суда иметь все же в этой деятельности необходимые гарантии и в первую очередь – опору в законе, его принципах, раскрываемых путем толкования и аналогии». Выражая веру в оптимистические перспективы развития юридической системы России, ученый признавал долгое, устойчивое изменение в понимании права и законности. По его мнению, оно удивительным образом переключается с опытом Франции в части воззрений в науке, развития судебной практики, использования как законодательной опоры кодекса (Гражданский кодекс Франции 1804 г. и действующий ГК РФ), «когда суды в своей правосозидательной деятельности часто использовали пробелы в тексте, общие и текстуально неопределенные законодательные положения, т.е. то, что порой рассматривается в качестве “всего лишь” недостатков законодательной техники». В качестве примера такого рода практики в России А.А. Алексеев привел положения о недействительности договора в связи с превышением полномочий одной из сторон при его подписании, выработанные ВАС РФ как истолкование положения ст. 10 ГК РФ, «а также злоупотребление правом в иных формах». По мнению ученого, именно такое текстуально неопределенное положение позволяло суду развивать прецедентное регулирование этого важного участка социальной жизни общества²³.

В контексте развития отечественной правовой системы нельзя не разделить широкого мировоззренческого понимания российским ученым роли и перспектив развития правосудия, необходимости его осуществления в режиме верховенства права, когда его гарантиями выступают закон, принципы права. Несомненно и значение суда при отправлении правосудия, в нашем случае – по гражданским делам, как соиздателя в развитии права, его влияние на изменение понимания права и законности. Принцип законности обязывает суд в рамках правоприменительной деятельности, рассматривая конкретное дело, оценивать законность подлежащего применению нормативного акта, на основании которого дело разрешается по существу, вне зависимости от доводов заинтересованных лиц (ст. 11 ГПК РФ, ст. 13 АПК РФ).

²³ Алексеев А.А. Линия права. М.: Статут, 2006. С. 180–183.

Поскольку Конституция имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории России (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ), Верховный Суд РФ ориентирует суды общей юрисдикции на то, что при рассмотрении дел им следует оценивать содержание закона или иного нормативного акта, регулирующего рассматриваемые судом правоотношения, с точки зрения их соответствия Конституции и во всех необходимых случаях применять Конституцию РФ в качестве акта прямого действия²⁴.

Во всех необходимых случаях суд должен руководствоваться Конституцией РФ как актом прямого действия, исходя из конституционных целей, принципов национального права, основополагающих конституционных основ правосудия. Это обусловлено верховенством Конституции РФ, которое в отношении всех остальных правовых актов в национальной системе права является общепризнанным постулатом²⁵.

Обращает на себя внимание также признание ученым особой роли высшего суда в развитии прецедентного регулирования общих и текстуально неопределенных законодательных положений, правда, на примере норм материального права. Хотя в реалиях сегодняшнего развития судебной практики такая роль не в меньшей степени затрагивает и сферу гражданского судопроизводства, имея порой более широкие пределы регулирующего воздействия²⁶. Действительно, в сфере гражданской юрисдикции по мере расширения судебного правоприменения усили-

²⁴ Постановление Пленума ВС РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия». П. 2 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ Конституция, закон, подзаконный акт. М.: Юридическая литература, 1994. С. 31 (§ 2 гл. II, автор Б.А. Страшун).

²⁶ Например, в то время, как правовое регулирование апелляции по ГПК РФ (действующее с 1 января 2012 г.) исключает во всех случаях такое полномочие, как возможность направления судом апелляционной инстанции дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции, Верховный Суд РФ в определенных ситуациях допускает это (п. 37 и 38 постановления Пленума ВС РФ от 19.06.2012 № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции»). Об оценке автором подобной правовой позиции высшего суда см. в докладе автора в качестве национального эксперта Совета Европы совместного проекта РФ, ЕС и СЕ «Введение апелляционного порядка пересмотра судебных решений в Российской Федерации»: Уксуова Е.Е. Рассмотрение гражданских дел судами апелляционной инстанции: порядок, пределы, полномочия // Судья. 2012. № 12. С. 52–53.

ваются роль высшего суда в развитии права («судебном восполнении»). Традиционные разъяснения суда призваны служить обеспечению единообразия в судебном толковании и применении норм права и, как следствие, расширению пределов судебного правотворчества. Вместе с тем такая роль высшего суда в современных условиях приобретает иные формы выражения, изменяется содержание и увеличиваются объемы регулирующего воздействия, основанием чего служит также процессуальное регулирование судопроизводства по гражданским делам.

8.2. Обратимся к отдельным аспектам указанной многогранной тенденции применительно к гражданскому судопроизводству, которые задаются основной рассматриваемой проблематикой. Они в полной мере относятся как к материально-правовой, так и к процессуально-правовой составляющей сферы несостоятельности.

В общем виде складывается следующая картина. Весьма показательно уже то, что в настоящее время лишь постановлений Пленума ВАС РФ и информационных писем Президиума ВАС РФ по вопросам о банкротстве насчитывается более трех десятков. Одним из таких актов является постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве». Оно самое объемное (включает 56 пунктов) из всех когда-либо принятых высшим судебным органом постановлений, касающихся исключительно судопроизводства в арбитражных судах по конкретной категории гражданских дел.

В других актах Высшего Арбитражного Суда РФ также затрагивается немало вопросов о толковании и применении процессуальных норм по делам о банкротстве. Только в 2013 г. приняты пять постановлений Пленума ВАС РФ, например постановление от 30.07.2013 № 59 «О несении изменений и дополнений в постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»».

Неоспоримо, что такое количество судебных актов свидетельствует о внимании высшего судебного органа к правовому регулированию несостоятельности в целом и к сфере судопроизводства в арбитражных судах по делам о банкротстве в частности. Объяснимо это сложной и объемной сферой регулирования, отличающейся особой спецификой судопроизводства по делам о банкротстве, которое, по нашему мнению, является консолидированным и коллективным (групповым), принципиально отличающимся от иных гражданских дел, и продиктовано общими целями обеспечения единообразных подходов к разрешению немалого количества возникающих в судебной практике вопросов, касающихся рассмотрения таких дел. При этом, как отмечалось ранее, нельзя также сбрасывать со счетов весьма динамично развивающееся законодательство о несостоятельности (банкротстве). Отдельные разъяснения приняты и Верховным Судом РФ. Они представлены в форме ответов, утвержденных его Президиумом.

Кроме того, значительным количеством актов отличается практика Президиума ВАС РФ по конкретным делам о несостоятельности. Вынесенные в порядке надзора постановления включают правовую позицию относительно истолкования процессуальных норм, положенных в основание данных постановлений (см. п. 8.9 настоящей работы).

Совершенно очевидно задается широкое влияние высшего суда на развитие и становление судебной практики по делам о банкротстве. Судебные акты высшего суда с учетом их содержания способны оказывать регулирующее воздействие на сферу гражданского судопроизводства по делам о банкротстве.

Прежде чем перейти к судебной практике по делам о банкротстве, главным образом связанной с процессуальной сферой правового регулирования, необходимо обозначить общий подход к пониманию и оценке принимаемых высшим судом такого рода судебных актов.

8.3. Конституцией РФ за Верховным Судом РФ и Высшим Арбитражным Судом РФ признается возможность дачи разъяснений по вопросам судебной практики (ст. 126, 127). Правда, на уровне конституционных федеральных законов обязательный характер предусматривается лишь для постановлений Пленума ВАС РФ (речь идет о Федеральных конституционных законах от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции» (ст. 8–10, 14–20), от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (ст. 13)).

АПК РФ, в отличие от ГПК РФ, прямо устанавливает, что мотивировочная часть судебного решения может содержать ссылки на постановления Пленума ВАС РФ по вопросам судебной практики, постановления Президиума ВАС РФ (ч. 3 ст. 170). Кодексами устанавливается обязательность указаний Президиума ВАС РФ о толковании закона для суда, вновь рассматривающего дело

(ч. 4 ст. 391.12 ГПК РФ, ч. 3 ст. 305 АПК РФ). Правда, текстуально пределы таких указаний по АПК РФ определены шире. Практика нижестоящих судов подтверждает следование таким разъяснениям, ибо их обязательность определяется прежде всего риском отмены вынесенных ими постановлений по правовым основаниям, когда в их основание были положены нормы права в истолковании, расходящемся с высшим судом.

Вместе с тем заметно отсутствие необходимой синхронизации законодательного регулирования при равном правовом статусе высших судов. Это можно объяснить различными факторами, среди которых и игнорирование законодателем унификации правовых положений там, где она объективно имеет право на существование.

Неоправданное различие в законодательном регулировании прослеживается и в рамках новелл последних лет на уровне процессуальных кодексов относительно проверочных производств. В частности, это относится к производству по пересмотру вступивших в законную силу судебных постановлений по вновь открывшимся и новым обстоятельствам, в отношении которого изменения в кодексах принимались практически одновременно (декабрь 2010 г.). Различие проявляется, например, в основаниях такого производства. Одно из оснований связано именно с рассматриваемыми актами высших судов, в то же время в предлагаемой редакции в кодексах необоснованно содержательно допускается различная их трактовка (ч. 4 п. 5 ст. 392 ГПК РФ, ч. 3 п. 5 ст. 311 АПК РФ). Абстрагируясь от деталей, законодатель ныне в любом случае акт высшего суда – постановление пленума или президиума, которым определена (изменена) практика применения правовой нормы, – относит к «новым обстоятельствам». Такой акт служит основанием для пересмотра вступившего в законную силу судебного акта по правилам гл. 42 ГПК РФ и гл. 37 АПК РФ. Принятие высшим судом акта по процессуальным кодексам – это новое обстоятельство. Вместе с тем оно относится к правовой, а не фактической стороне дела, хотя и может быть с ней связано, в силу которого судебное постановление может быть пересмотрено и отменено ввиду дефекта его правового основания. Такое «новое обстоятельство» для пересмотра связано с регулирующим воздействием актов высших судов, с формой и содержанием такого воздействия, с реформированными проверочными производствами по ГПК РФ и АПК РФ.

Разграничим в самом общем виде акты высших судов лишь только с той целью, чтобы выделить новые законодательные и правоприменительные подходы.

8.4. Практика показывает, что акты высших судов в настоящее время весьма многообразны. Среди них можно различать акты общего и индивидуального характера. Традиционными актами общего характера являются постановления пленума, информационные письма президиума (касается Высшего Арбитражного Суда РФ), ответы, утверждаемые президиумами высших судов, по отдельным вопросам судебной практики (чаще всего это практикуется Верховным Судом РФ).

Конституционный Суд РФ в постановлении от 21.01.2010 № 1-П, оценивая правомочие ВАС РФ давать разъяснения по вопросам судебной практики, признал его одним из элементов конституционного механизма охраны единства и непротиворечивости российской правовой системы, который основан на предписаниях ст. 15 (ч. 1), 17–19 и 120 Конституции РФ и реализация которого в процессуальном регулировании обеспечивается установленной законом возможностью отмены судебных актов, в том числе в случае их расхождения с актами высшего суда в системе арбитражных судов РФ, дающими разъяснения по вопросам судебной практики. Осуществление им этого правомочия, по признанию Конституционного Суда РФ, объективно не может не основываться на вырабатываемых им правовых позициях, содержащих толкование разъясняемых положений законодательства. Отрицание права Высшего Арбитражного Суда РФ давать на основе обобщения судебной практики абстрактное толкование применяемых арбитражными судами норм и формировать соответствующие правовые позиции, по мнению Конституционного Суда РФ, означало бы умаление его конституционных функций и предназначения суда в системе арбитражных судов.

Представляется, что данное истолкование можно отнести и к разъяснениям вновь формируемого единого высшего суда, возможность дачи которых по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения за ним сохраняется. Поэтому с учетом конституционных функций, предназначения, полномочий нового Верховного Суда РФ²⁷

²⁷ В Государственную Думу РФ внесен законопроект № 390470-6 «О Верховном Суде Российской Федерации». URL: [http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/6493791DA6E05A9A43257C2A005D0A52/\\$FILE/390470-6.PDF?OpenElement](http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/6493791DA6E05A9A43257C2A005D0A52/$FILE/390470-6.PDF?OpenElement) (дата обращения: 22.11.2013).

конституционное истолкование такого полномочия высшего суда в качестве элемента конституционного механизма охраны единства и непротиворечивости российской правовой системы не утратит своего значения и будет актуальным в новых условиях.

Действительно, в такого рода актах в порядке абстрактного толкования норм права высшим судом находят выражение правовые позиции относительно истолкования отдельных норм права. Очевидно, что такие судебные акты не являются результатом применения права судом в том смысле, в котором оно традиционно связано с правоприменительной деятельностью юрисдикционного органа, в нашем случае – суда по конкретному делу. В рассматриваемой ситуации они не являются судебными постановлениями по ГПК РФ (ст. 13) и АПК РФ (ст. 15). Ибо подобным применением права оно должно быть определено «в соответствии с понятием осуществления права как действия нормы в определенном конкретном случае, в котором абстрактные признаки нормы раскрываются в индивидуальном, богатом и разнообразном объективном жизненном проявлении, представляющем собой правоотношение». О таком применении права судом речь может идти касательно иных актов высших судов, актов индивидуального характера, судебных актов по конкретным делам, которыми являются постановления, вынесенные президиумом высшего суда в связи с проверкой обжалуемых судебных постановлений нижестоящих судов в порядке надзора. Такие акты в настоящее время имеют новое назначение по процессуальному закону. Согласно процессуальным новеллам наряду с постановлением пленума таким постановлением президиума определяется или изменяется практика применения нормы как материального, так и процессуального права. Более того, выраженной в таком акте правовой позиции может быть придана обратная сила. В этом случае постановление служит основанием для пересмотра судебных постановлений нижестоящих судов в силу п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ и п. 5 ч. 3 ст. 311 АПК РФ. В любом варианте сформулированную в постановлении пленума или президиума правовую позицию высшего суда следует учитывать нижестоящему суду при рассмотрении аналогичных дел, в том числе в апелляционном и кассационном порядке. Такой правовой позицией связаны и участники процесса. Таким образом, постановление пленума или президиума высшего суда с выраженной в нем правовой позицией носит общий и общеобязательный характер.

В этой связи высшим судом в одном случае безотносительно к конкретному делу в порядке абстрактного толкования формулируется правовая позиция касательно определения практики применения правовых норм судами в результате обобщения судебной практики, в другом – в связи с рассмотрением конкретного дела в порядке надзора при казуальном толковании судом норм права. В отличие от судебных актов общего характера, постановление президиума высшего суда, принятое по результатам проверки судебных постановлений в порядке надзора по конкретному делу, является правоприменительным индивидуальным актом, который по общему правилу, приобретая законную силу, имеет субъективные и объективные пределы действия. Однако в том случае, когда в таком судебном акте выражена правовая позиция высшего суда, судебный акт имеет иное, отличное от индивидуального акта значение, расширяющее пределы его действия на неопределенный круг субъектов. Выраженная в нем правовая позиция высшего суда, многократная возможность и необходимость применения которой установлена для других аналогичных дел со схожими обстоятельствами и неограниченного круга лиц, придает такому правоприменительному акту – постановлению президиума высшего суда – общий и общеобязательный по своей природе характер.

Таким образом, постановлению президиума высшего суда, вынесенному в порядке надзора, согласно процессуальному кодексу придан особый характер: такой акт способен оказывать регулирующее воздействие на сферы общественной жизни, включая судопроизводство.

8.5. Вынесенные в порядке надзора по конкретным гражданским делам постановления президиума высшего суда в рассмотренном контексте ныне занимают самостоятельное место среди судебных актов, которыми определяется (изменяется) практика применения судами тех или иных норм права, положений материального и процессуального законодательства. В таких постановлениях могут находить выражение правовые позиции высших судов, исключительно которыми в системе судов общей юрисдикции²⁸ или арбитражных судов осуществляется проверка судебных постановлений в порядке надзора.

²⁸ С 1 января 2012 г. в соответствии с изменениями в ГПК РФ, внесенными Федеральным законом от 09.12.2010 № 353-ФЗ.

Осуществляемая высшими судами проверка судебных постановлений в порядке надзора имеет целью обеспечение единообразия в применении права, что вытекает из п. 3 ст. 391.9 ГПК РФ и п. 1 ч. 1 ст. 304 АПК РФ. Этими процессуальными нормами установлено, что в порядке надзора судебные постановления подлежат отмене или изменению, если они нарушают «единообразие в толковании и применении... норм права».

Принимаемые президиумом высшего суда в порядке надзора постановления, содержащие выводы относительно определяемой им практики применения норм права (положений законодательства), при выражении так называемой правовой позиции, имеют весомое юридическое значение. Выходя за рамки конкретных дел, по которым они приняты, такие постановления оказывают влияние, во-первых, на пересмотр вынесенных ранее по аналогичным делам судебных постановлений, вступивших в законную силу, по новым обстоятельствам (п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, п. 5 ч. 3 ст. 311 АПК РФ), во-вторых, на формирование будущей судебной практики в целях единообразного применения судами тех норм права, по которым дано толкование в постановлении президиума. Иными словами, такое влияние постановлений президиума высшего суда на формирование судебной практики может носить ретроспективный или перспективный характер.

Место и роль высшего суда в качестве надзорной инстанции и назначение надзорного производства в качестве экстраординарного способа²⁹ обжалования и проверки вступивших в законную силу судебных постановлений выступают определяющими факторами для признания за постановлениями президиума высшего суда по конкретным делам столь принципиального характера. Однако представляется, что приоритетным направлением деятельности высшей судебной надзорной инстанции должен стать перспективный характер влияния ее постановлений на формирование судебной практики.

Значимость таких постановлений обязывает высший суд каждый раз демонстриро-

вать особую взвешенность при их принятии. Они призваны выступать неким правовым стандартом, которым определяется должное применение права. Практика должна быть организована таким образом, чтобы формируемые правовые позиции касались действительно сложных, важных и принципиальных вопросов правоприменения, ввиду наличия в проверяемых в порядке надзора актах серьезных дефектов правоприменения, устранение которых необходимо не только для конкретных дел, но и для исключения и недопущения судебных ошибок в будущем, иными словами – для формирования судебной практики, главным образом на перспективу.

Действие же правовых позиций высшего суда, влекущих пересмотр вынесенных ранее по аналогичным делам судебных постановлений, вступивших в законную силу, по новым обстоятельствам, должно быть ограничено исключительными случаями – в связи с признанием высшим судом лишь предельно избирательного подхода к подобным процессуальным средствам пересмотра. Такой правильный законодательный подход, в отличие от ГПК РФ, уже заложен в АПК РФ. Оговорка в законе о том, что «если... содержится указание на возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных актов в силу данного обстоятельства» (п. 5 ч. 3 ст. 311 АПК РФ) является тому подтверждением, что несомненно более предпочтительно (см. п. 8.7 настоящей работы), ибо действие таких процессуальных средств «выравнивания» судебной практики, обращенного в прошлое, а не в будущее, не может быть оправдано лишь необходимостью обеспечения единообразного применения судами норм права. Такое «выравнивание» судебной практики в общегосударственном масштабе вряд ли может быть оправдано только защитой публичного интереса государства в обеспечении единообразного применения федерального закона, которому суд подчинен в силу базовых конституционных установлений, и тем самым в поддержании законности и правопорядка в целом. Нельзя, конечно, отрицать наличия и действия таких средств. Однако, учитывая, что спор прошел уже путь правосудия и исчерпал возможности ординарной проверки правильности судебного постановления, возбуждение деятельности в порядке рассматриваемого исключительно проверочного производства (по новым и вновь открывшимся обстоятельствам) может быть поставлено в зависимость исключительно от существенности допущенных нарушений закона и права, основополагающих его

²⁹ Таким надзор расценивается Высшим Арбитражным Судом РФ. См. определения ВАС РФ от 24.11.2011 № ВАС-12135/11, от 23.04.2012 № ВАС-4266/12. Заметим, что положения о производстве в порядке надзора в ГПК РФ получили определенную унификацию с АПК РФ, в том числе в части оснований для проверки судебных постановлений, в соответствии с Федеральным законом от 09.12.2010 № 353-ФЗ, предопределяющие рассмотрение надзора по ГПК РФ также в качестве экстраординарного производства.

положений, связанных по существу с отказом в судебной защите прав и законных интересов, с недействительностью судебного постановления и процесса в целом.

В противном же случае такое «выравнивание» подрывает определенность не только процессуальных, но и материальных отношений, спорность которых была снята вступившим в законную силу судебным решением (постановлением). Таким правовым потенциалом в качестве «новых обстоятельств» в рамках исключительного проверочного производства неоправданно нарушается определенность общего нормального хода развития процесса, определяемого сбалансированностью между правом на справедливое судебное разбирательство, которое не исключает возможности исправления ошибок по вопросам факта и права посредством обычного проверочного производства, и правовой определенностью принятого судебного постановления (*res judicata*).

Крен на достижение единообразия в толковании и применении норм отечественного права посредством пересмотра вступивших в законную силу судебных актов по «новым обстоятельствам» на основании судебных актов высшего суда, по сути по вопросам права, таит в себе опасность подрыва правовой определенности судебных постановлений, вступивших в законную силу. Наличие таких положений и их действие в широком объеме трудно оценить однозначно³⁰. Такая ситуация представляется еще более неопределенной, если правовая позиция «с обратной силой» была выражена в постановлении пленума высшего суда³¹.

Существование и применение процессуальных институтов, служащих «выравниванию» высшим судом судебной практики применения права, известны и иным правовым порядкам. Так, французское гражданское процессуальное законодательство предусматривает механизм, именуемый во французской доктрине процесса «платонической» кассацией. Исторически так сложилось, что Кассационный суд Франции никогда не рассматривал-

ся ни наукой, ни процессуальным законодательством Франции в качестве суда третьей инстанции. Ему всегда отводилась особая роль органа, призванного контролировать правильное и единообразное применение законодательства всеми судами, в том числе судами гражданской юрисдикции. Существование данного процессуального механизма напрямую связано с приоритетным характером такой функции в деятельности суда кассационной инстанции, как охрана законности и публичного правопорядка. Суть «платонической» кассации, как отмечается в литературе, заключается «в возможности Генерального прокурора при Кассационном суде Франции самостоятельно обжаловать в суд кассационной инстанции вступившее в законную силу судебное постановление в случае, если, по его мнению, данное судебное постановление было принято с нарушением закона. По итогам рассмотрения жалобы прокурора Кассационный суд Франции может отменить обжалуемое судебное постановление, однако оно будет иметь силу и продолжать действовать в отношении сторон спора. Принятое новое постановление будет носить общеобязательный характер в качестве источника, содержащего правовую позицию по соответствующей категории правовых вопросов. Таким образом, посредством рассмотренного процессуального механизма обеспечивается защита законности на будущее без вмешательства в интересы частных лиц»³².

Отмеченные элементы французского процессуального механизма «выравнивания» судебной практики в целях охраны законности и правопорядка свидетельствуют о более тонком и взвешенном законодательном подходе к обеспечению единства в судебном правоприменении. Он ограничен по субъектам, пределам и направленности действия, ибо применяется по заявлению только Генерального прокурора, без вмешательства в конкретный спор, и действие постановления высшего суда направлено на будущее.

Представляется, что пересмотр по рассматриваемым «новым обстоятельствам» отечественный законодатель неоправданно расширил, что не согласуется с природой самого института пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам, носящего исключительный характер, поскольку он

³⁰ Blazheev V. Uksusova E. Prozessuale Probleme im Wirtschaftsgerichtsverfahren // Kieler Ostrechts-Notizen. 2012. № 1–2. S. 75–82.

³¹ Постановление Пленума ВАС РФ от 02.07.2013 № 56 «О внесении дополнения в постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 “О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”». П. 2 // СПС «КонсультантПлюс».

³² Дзагурова М.Д. Экстраординарные способы обжалования по гражданскому процессуальному законодательству Франции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 12–13.

влияет на судьбу уже вступивших в законную силу судебных постановлений, в определенной мере подтачивая их правовую определенность, подрывая систему правовых связей, стабильность правового оборота. Применение подобного рода основания, кроме того, способно перегружать судебную систему и тем самым снижать качество ее работы. При этом, как отмечалось выше, принятие акта высшим судом как «новое обстоятельство» относимо к правовой стороне дела, в силу которого судебное постановление может быть пересмотрено и отменено ввиду дефекта его правового основания. Кроме того, широкий доступ инициирования пересмотра по заявлению не только всех участвующих в деле лиц, но и не участвовавших³³ может создавать неоправданные юридические риски для лиц, в отношении которых пересматриваемое постановление породило материально-правовые последствия. Признание подобного правового риска в указанном случае, по сути, не исключается высшими судами, ведь один из них к основаниям, препятствующим пересмотру, в частности относит «недопустимость ухудшения положения лица, привлекаемого или привлеченного к публично-правовой ответственности»³⁴, а другой указывает, что пересмотр постановлений в указанном случае допускается, «если в результате нового толкования правовых норм не ухудшается положение подчиненной (слабой) стороны в публичном правоотношении»³⁵. Однако богатое проявление правовых связей в рамках судебного правоприменения вряд ли может быть ограничено лишь приведенной ситуацией, которая связана с публично-правовой ответственностью. Следовательно, при сохранении такого процессуального средства потребность выявления иных ситуаций не утрачивается. С более общих позиций для единообразного правоприменения необходимо понимание неких сущностных параметров таких случаев (как материально-правового, так и процессуального характера), наличие которых должно служить препятствием для

пересмотра. Например, может ли к таким случаям быть отнесено исполнение полностью или в части судебного постановления, принятого до определения высшим судом практики применения норм права в истолковании, расходящемся с исполненным постановлением?

Позволим себе признать, что процессуальными кодексами заложены процессуальные средства «выравнивания» судебной практики, призванного обеспечить единообразное применение судами норм права. Для их настройки, неоспоримо, требуется время. Судебное применение позволит не только оценить эффективность, но и выявить пути и способы их совершенствования. С учетом изложенного, в то же время уже сегодня демонстрируется неоправданно широкий правовой потенциал для применения подобных закрепленных в праве процессуальных средств (например, по субъектам, пределам и направленности действия), особенно когда их действие обращено в прошлое (носит ретроспективный характер). Обоснованно ограничить действие последних до внесения законодательных изменений, как представляется, способна практика нового высшего суда, что в конечном счете диктуется целями определенности осуществленной судебной защиты, обеспечения прочности и предсказуемости даже не столько судебной практики, сколько стабильности российской правовой системы в целом.

8.6. Нельзя не заметить, что рассматриваемое основание для пересмотра и отмены вынесенных ранее судебных постановлений, по которым рассмотрение дела должно быть основано на выработанной высшим судом правовой позиции, родилось в недрах арбитражной судебной практики. Она нашла отражение в постановлении Пленума ВАС РФ от 14.02.2008 № 14, пунктом 5.1 которого дополнялось его же постановление от 12.03.2007 № 17, посвященное практике применения арбитражными судами процессуальных норм при пересмотре вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам. Согласно содержащемуся в нем разъяснению, судебный акт, оспариваемый заявителем в порядке надзора и основанный на положениях законодательства, практика применения которых после его принятия определена высшим судом в постановлении пленума или президиума, в том числе принятом по результатам рассмотрения другого дела в порядке надзора, может быть пересмотрен по вновь открывшимся обстоятельствам в соответствии с п. 1 ст. 311 АПК РФ; установив данные обстоятельства при рассмотре-

³³ Арбитражный процессуальный кодекс РФ. Ст. 42; постановление Пленума ВС РФ от 11.12.2012 № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений». П. 2 // СПС «Консультант-Плюс».

³⁴ Постановление Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 № 52. П. 11.

³⁵ Постановление Пленума ВС РФ от 11.12.2012 № 31. П. 11.

нии заявления о пересмотре судебного акта в порядке надзора, коллегиальный состав судей ВАС РФ, в соответствии с ч. 8 ст. 299 АПК РФ, выносит определение об отказе в передаче дела в Президиум ВАС РФ, в котором указывает на возможность пересмотра оспариваемого судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам; срок, предусмотренный ч. 1 ст. 312 АПК РФ, в данном случае начинает течь с момента получения заявителем копии определения об отказе в передаче дела в Президиум ВАС РФ; при обжаловании в апелляционном или кассационном порядке судебного акта, основанного на положениях законодательства, практика применения которых после его принятия определена Высшим Арбитражным Судом РФ, суд апелляционной или кассационной инстанции учитывает правовую позицию Высшего Арбитражного Суда при оценке наличия оснований для изменения или отмены обжалуемого судебного акта.

В данном истолковании взаимосвязанные положения п. 1 ст. 311 и ч. 1 ст. 312 АПК РФ послужили предметом проверки их на соответствие Конституции РФ. Конституционный Суд РФ постановлением от 21.01.2010 № 1-П признал не противоречащими Конституции РФ при соблюдении ряда ограничительных условий данные законоположения, допускающие (в истолковании, данном в п. 5.1 постановления Пленума ВАС РФ от 12.03. 2007 № 17) пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам вступившего в законную силу судебного акта, оспариваемого заявителем в порядке надзора и основанного на положениях законодательства, практика применения которых после принятия оспариваемого судебного акта определена Высшим Арбитражным Судом РФ в постановлениях его Пленума или Президиума, в том числе принятом по результатам рассмотрения другого дела в порядке надзора.

Не вдаваясь в подробности анализа мотивов принятого решения и основных выводов его резолютивной части, следует обратить внимание на то обстоятельство, что Конституционный Суд РФ, по существу, дал конституционную оценку не только положениям процессуального закона, но и их истолкованию высшим судом. В конституционном порядке механизм пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам, сформированный на основании положений АПК РФ в их истолковании Пленумом ВАС РФ, был расценен как широкое толкование положений процессуального закона, продиктованное актуальными потребностями арбитражного судопроизводства. Позволим себе уточнить, что

данное Высшим Арбитражным Судом РФ якобы широкое толкование представляло собой не что иное, как новое процессуальное регулирование отдельных вопросов проверочных производств в арбитражных судах. Сформулированными в его постановлении правовыми позициями под видом толкования процессуальных норм, по сути, устанавливались новые правила судопроизводства, связанные в том числе с перераспределением пределов действия двух пересмотров вступивших в законную силу судебных актов в арбитражных судах: по вновь открывшимся обстоятельствам и в порядке надзора – в пользу расширения первого³⁶.

Между тем в рамках конституционного судопроизводства по данному делу, по существу, была признана допустимость подобной судебной практики высшим судом, на наш взгляд, связанной с изменением («перекраиванием») процессуальных норм права. Это не может не вызвать несогласие. Решающую роль в рамках конституционного механизма охраны единства и непротиворечивости российской правовой системы в целях обеспечения ее прочности и стабильности призван был бы сыграть Конституционный Суд РФ, однако, напротив, оцениваемые им правовые позиции высшего суда были легитимированы собственными правовыми позициями, выраженными в его постановлении. Более того, решение было мотивировано Конституционным Судом РФ следующим образом: «Учитывая, что с момента вступления в силу настоящего постановления положения статей 311 и 312 АПК Российской Федерации в их истолковании Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации, данным в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2008 года № 14, подлежат применению в выявленном Конституционным Судом Российской Федерации конституционно-правовом смысле, Конституционный Суд Российской Федерации в настоящем деле воздерживается от оценки этих

³⁶ В связи с такой постановкой вопроса нельзя не поддержать убедительные основания, изложенные в Особом мнении судьи Конституционного Суда РФ Г.А. Жилина (Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Г.А. Жилина по делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение “Берег”», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод “Микропровод”» и «Научно-производственное предприятие “Респиратор”» // СПС «КонсультантПлюс»).

положений с точки зрения их соответствия установленному Конституцией Российской Федерации разделению властей и разграничению компетенции между федеральными органами государственной власти (пункты 4 и 5 части первой статьи 86 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»)).

Нам остается лишь выразить надежду, что указанное решение Конституционного Суда РФ не послужит в качестве прецедента для развития в этом направлении судебной практики высшего суда в сфере гражданского судопроизводства.

Позже элементы пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам, привнесенные практикой ВАС РФ, как было отмечено, получили закрепление в процессуальных кодексах. С расширением оснований для пересмотра за счет «новых обстоятельств» такое производство получило новое название. По АПК РФ это «производство по пересмотру вступивших в законную силу судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам», в частности, к числу «новых обстоятельств», как уже было отмечено, отнесены акты высшего суда, которыми определена или изменена практика применения правовой нормы.

Для нас в контексте рассматриваемой роли принимаемых высшим судом судебных актов очевидно явное нормативное значение упомянутого постановления Пленума ВАС РФ. Постановление высшего суда в интересующем нас аспекте содержало положения нормативного характера в части полномочий арбитражного суда в качестве проверочной инстанции и оснований для их реализации.

8.7. Рассматриваемые акты Высшего Арбитражного Суда РФ при пересмотре вступившего в законную силу судебного акта нижестоящего суда по правилам гл. 37 АПК РФ служат основанием для их пересмотра. Кодексом к числу «новых обстоятельств» относится «определение либо изменение в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации или в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации практики применения правовой нормы, если в соответствующем акте Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации содержится указание на возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных актов в силу данного обстоятельства» (п. 5 ч. 3 ст. 311 АПК РФ).

Подчеркнем, что согласно Регламенту арбитражных судов была внесена определенность относительно даты, когда прак-

тика применения нормы права, положений законодательства является определенной (п. 61.9). Практика применения законодательства по вопросам, разъяснения по которым содержатся в постановлениях Пленума ВАС РФ и информационных письмах Президиума ВАС РФ, считается определенной со дня размещения на сайте ВАС РФ. Аналогичные правила применяются при размещении в полном объеме постановления Президиума ВАС РФ, вынесенного в порядке надзора, относительно практики применения законодательства, на положениях которого основано данное постановление³⁷. Такого рода установления также заслуживают одобрения для определенности и ясности правового регулирования. В то же время такая форма их закрепления не позволяет излишне перегружать процессуальные кодексы.

Ранее отмечалось, что в арбитраже определение или изменение высшим судом практики применения правовой нормы, выраженное в постановлении пленума или президиума, признается в качестве правовой позиции высшего суда. Известно, что отдельный акт высшего суда не ограничен количеством сформулированных в нем правовых позиций, более того, на практике обратная сила может быть придана одной из них, если в соответствующем акте на это прямо указано.

В этой связи значимы формальные параметры правовой позиции, порожденной актом высшего суда, для того чтобы содержащий такую позицию акт мог выступать в качестве нового обстоятельства для пересмотра иных судебных постановлений (п. 5 ч. 3 ст. 311 АПК РФ).

Применительно к рассматриваемому основанию речь идет именно о правовой позиции высшего суда, порожденной его актом, которая, во-первых, связана с суждением (выводом) высшего суда относительно толкования правовой нормы, определяющим или изменяющим практику ее применения арбитражными судами. Такая практика определяется высшим судом после принятия судебных постановлений, подлежащих пересмотру на основании п. 5 ч. 3 ст. 311 АПК РФ. Во-вторых, правовая позиция выражена либо пленумом (вне связи с конкретным делом) при абстрактном толковании применяемых арбитражными судами норм по результатам обобщения судебной практики (постановление пленума),

³⁷ Регламент арбитражных судов. Утв. постановлением Пленума ВАС РФ от 05.06.1996 № 7. П. 61.9 // СПС «КонсультантПлюс».

либо президиумом по конкретному делу в связи с проверкой им в порядке надзора обжалуемого судебного постановления в рамках применения норм права при их казуальном толковании (постановление президиума). Наконец, правовая позиция отражена в таком акте, как постановление пленума или президиума (в правовом его основании). При этом в акте обязательно содержится специальная оговорка о придании обратной силы правовой позиции, т.е. об обязательном характере содержащегося толкования правовых норм, а именно о возможности пересмотра судебных постановлений по аналогичным делам в силу п. 5 ч. 3 ст. 311 АПК РФ³⁸. Постановлением Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 № 52 формулировки таких указаний формализованы в зависимости от судебного акта, принятие которого порождает возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений. Такая формализация значима для нижестоящих судебных инстанций. В частности, при придании обратной силы правовой позиции, сформулированной в постановлении Президиума ВАС РФ, в постановлении должно содержаться такое указание: «Вступившие в законную силу судебные акты арбитражных судов по делам со схожими фактическими обстоятельствами, принятые на основании

нормы права в истолковании, расходящемся с содержащимся в настоящем постановлении толкованием, могут быть пересмотрены на основании пункта 5 части 3 статьи 311 АПК РФ, если для этого нет других препятствий».

В упомянутом постановлении Пленума ВАС РФ указывается на то, что в постановлении Пленума или Президиума ВАС РФ может быть определен круг судебных актов, на которые распространяется действие названной оговорки. В случае если круг таких актов не определен, остается открытым вопрос о том, какие судебные акты подлежат пересмотру в свете правовой позиции, изложенной высшим судом? Ограничены ли они по аналогичным делам сходными оспариваемыми судебными актами в порядке надзора или такими актами выступают все вступившие в законную силу судебные акты, правовым основанием которых являются нормы права, которым высшим судом дано иное отличное им истолкование?

Рассмотрение поднятых вопросов при разграничении судебных актов высших судов становится очевидным при изучении конкретных примеров сложившейся в последние годы судебной практики толкования и применения процессуальных норм сферы несостоятельности (банкротства).

Библиография:

1. Алексеев А.А. Линия права. – М., 2006.
2. Blazheev V. Uksusova E. Prozessuale Probleme im Wirtschaftsgerichtsverfahren // Kieler Ostrechts-Notizen. – 2012. – № 1–2.
3. Гурвич М.А. Судебное решение. Теоретические проблемы. – М., 1976.
4. Дзагурова М.Д. Экстраординарные способы обжалования по гражданскому процессуальному законодательству Франции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011.
5. Конституция, закон, подзаконный акт. – М., 1994.
6. Общая теория государства и права. Академический курс в 3 томах / отв. ред. М.Н. Марченко. – М., 2007.
7. Уксусова Е.Е. Рассмотрение гражданских дел судами апелляционной инстанции: порядок, пределы, полномочия // Судья. – 2012. – № 12.
8. Уксусова Е.Е. К вопросу о составе арбитражного суда первой инстанции // Совершенствование судебной и несудебной форм защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц / отв. ред. Е.Е. Уксусова. – М., 2013.
9. Шапп Я. Основы гражданского права Германии. – М., 1996.

References:

1. Alekseev A.A. Liniya prava. – M., 2006.
2. Blazheev V. Uksusova E. Prozessuale Probleme im Wirtschaftsgerichtsverfahren // Kieler Ostrechts-Notizen. – 2012. – № 1–2.
3. Gurvich M.A. Sudebnoe reshenie. Teoreticheskie problemy. – M., 1976.

³⁸ Постановление Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 № 52. П. 11.

4. Dzagurova M.D. Ekstraordinarnye sposoby obzhalovaniya po grazhdanskomu protsessual'nomu zakonodatel'stvu Frantsii : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – M., 2011.
5. Konstitutsiya, zakon, podzakonnyi akt. – M., 1994.
6. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskii kurs v 3 tomakh / otv. red. M.N. Marchenko. – M., 200.
7. Uksusova E.E. Rassmotrenie grazhdanskikh del sudami apellyatsionnoi instantsii: poryadok, predely, polnomochiya // Sud'ya. – 2012. – № 12.
8. Uksusova E.E. K voprosu o sostave arbitrazhnogo suda pervoi instantsii // Sovershenstvovanie sudebnoi i nesudebnoi form zashchity prav i zakonnykh interesov grazhdan i yuridicheskikh lits / otv. red. E.E. Uksusova. – M., 2013.
9. Shapp Ya. Osnovy grazhdanskogo prava Germanii. – M., 1996.

Материал поступил в редакцию 15 декабря 2013 г.

И.И. Черных*

СУДЕБНОЕ РЕШЕНИЕ ПО ДЕЛАМ О РАССМОТРЕНИИ СПОРОВ О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

Аннотация. Статья может быть использована для подготовки магистров по программе «Судебное рассмотрение семейных дел». На примере категории семейных споров, связанных с воспитанием детей, в ней наглядно показано, как следует анализировать судебные решения. В статье рассматриваются общие положения норм, устанавливающих требования, предъявляемые к каждой из частей судебного решения, обращено внимание на особенности судебного акта по изучаемым делам, приводятся примеры судебной практики, затрагиваются некоторые теоретические и правоприменительные проблемы, например связанные с определением субъектного состава участников семейных споров. Высказано мнение о необходимости рассматривать ребенка как самостоятельного участника гражданского процесса, обращается внимание на особенности формирования предмета доказывания по данным делам, подчеркивается особая роль суда при выполнении этой задачи. Законность и обоснованность судебного решения во многом определяется именно правильностью определения значимых для дела фактов. Много внимания уделено особенностям резолютивной части судебного решения по делам, связанным со спорами о детях.

Ключевые слова: воспитание детей, место жительства ребенка, участие органов опеки, судебное решение, обеспечительные меры, требования к решению, семейные споры, процессуальное положение ребенка, части судебного решения, участники семейного спора.

DOI: 10.7256/1729-5920.0.0.9609

В настоящее время на государственном уровне привлекается серьезное внимание к проблемам семьи в России. Уменьшение роли института семьи, базовых семейных ценностей – одновременно и причина и следствие деформации нравственных устоев общества, снижение рождаемости, кризисных ситуаций в развитии культуры и экономики. Семья – важный союзник государства в деле преодоления этих коренных проблем. Государственная политика в отношении семьи закреплена на законодательном уровне, находит отражение в Конституции РФ, в Семейном кодексе РФ, некоторых других нормативных правовых актах. Важным направлением реализации семейной государственной политики является деятельность судебных органов, осуществляемая в связи с рассмотрением и разрешением семейно-правовых споров.

Споры о воспитании детей относятся к числу сложнейших категорий судебных дел.

Это, в частности, споры об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей (п. 3 ст. 65 СК РФ); об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка (п. 2 ст. 66 СК РФ); об устранении препятствий к общению с ребенком его близких родственников (п. 3 ст. 67 СК РФ); о лишении родительских прав (п. 1 ст. 70 СК РФ); о восстановлении в родительских правах (п. 2 ст. 72 СК РФ); об ограничении родительских прав (п. 1 ст. 73 СК РФ); об отмене ограничения родительских прав (ст. 76 СК РФ). Судебная деятельность по рассмотрению и разрешению таких дел объединена общим признаком – нацеленностью на защиту интересов ребенка. Судебное решение как акт, являющийся итогом всей судебной деятельности по разрешению семейно-правового конфликта, имеет огромное юридическое и социальное значение. С ним, как с юридиче-

© Черных Ирина Ильинична

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) [ch6363@yandex.ru]

123995, Россия, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

ским фактом, связано дальнейшее поведение родителей в отношении ребенка.

Разрешая спор о ребенке, суд защищает законные интересы всех участников семейных отношений, связанных с воспитанием детей, характеризующихся равенством прав родителей, учит правильно строить такие отношения, соблюдать права и точно исполнять обязанности по воспитанию. Сущность судебного решения по спорам о детях тесно связана, с одной стороны, с охраной прав ребенка, а с другой – обусловлена воспитательной функцией суда.

Судебное решение, вынесенное по данным делам, должно отвечать всем требованиям, предъявляемым к решению суда как важнейшему акту правосудия, – быть законным, обоснованным, полным и определенным. Кроме того, оно должно быть целесообразным и справедливым. Особенности судебного решения по рассматриваемым делам проявляются прежде всего в специфике содержания его основных частей.

Как и всякое решение по гражданскому делу, оно состоит из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей.

Вводная часть дает возможность проанализировать правильность определения судом состава лиц, имеющих заинтересованность в исходе дела, и их процессуального положения. Особую трудность суды испытывают при определении состава сторон. Это обусловлено сложностью конструкции правового отношения между родителями и ребенком, являющегося трехсторонним. Спор между родителями так или иначе затрагивает интересы ребенка вне зависимости от того, кто инициировал судебное рассмотрение спора. В научной литературе по вопросу об определении правового положения ребенка в семейно-правовых спорах отсутствует единство взглядов. Можно отметить несколько этапов в развитии научной мысли по этому поводу. Первоначально уникальность семейно-правовых связей, не вписывающихся в линейную структуру правоотношений по типу «право одного лица корреспондирует обязанности другого», потребовала аргументированного опровержения попытки представить ребенка в качестве объекта спорного семейного правоотношения¹. На следующем этапе потребо-

валось обосновать вывод, что ребенок является субъектом гражданских процессуальных отношений несмотря на фактическое, как правило, его отсутствие в судебном разбирательстве. Разумеется, вопрос о составе сторон в каждом конкретном деле должен решаться в зависимости от подлежащей применению нормы материального права и правильного определения конкретного защищаемого субъективного права или охраняемого законом интереса. В настоящее время вопрос о процессуальном положении ребенка в делах по спорам о детях может решаться следующим образом: в случаях, прямо указанных в законе, родитель (иное лицо, считающее нарушенным свое право на воспитание ребенка) обращается в суд от своего имени, обосновывая необходимость защиты своего (а не ребенка) права. Это, например, иск об определении места жительства ребенка (ст. 65 СК РФ), об определении порядка участия в воспитании отдельно проживающего родителя (ст. 66 СК РФ), о возврате ребенка, удерживаемого на незаконном основании, родителям, попечителям, приемным родителям (ст. 68, 150 СК РФ) и др. В таких случаях законодатель исходит из необходимости защиты прав определенных субъектов на воспитание ребенка, основанных на законе или установленных судебным решением.

Вместе с тем родительское правоотношение – сложный комплекс, включающий не только права, но и обязанности надлежащим образом осуществлять воспитание ребенка. В этой связи закон предоставляет некоторым субъектам право ставить вопрос о содержательном соответствии действий родителя нормативному понятию надлежащего воспитания.

Прежде всего к таким субъектам относится сам ребенок. По достижении 14-летнего возраста он вправе самостоятельно обращаться в суд с иском к своим родителям, попечителям, усыновителям, ссылаясь на нарушение указанными лицами его прав и охраняемых законом интересов, на ненадлежащее воспитание.

В юридической литературе отмечается, что несмотря на закрепление в законе права ребенка на защиту от неправомерных действий родителей как в порядке гражданского, так и уголовного судопроизводства (возможность обращаться в суд с делами частного обвинения (причинение легкого вреда здоро-

¹ Критика теории множественности правовых объектов, согласно которой объектом прав могут выступать явления внутреннего мира человека, сам человек, построена с учетом правовой природы, сущности и содержания родительских прав (Иоффе О.С. Советское гражданское право. М., 1967. С. 196; Его же. Гражданское

право: избранные труды. М., 2000. С. 581; Кечекьян С.Ф. Правоотношение в социалистическом обществе. М., 1958. С. 157).

вью, нанесение побоев), иски о возмещении материального или морального вреда, иски о лишении или ограничении своих родителей в родительских правах и т.д.), отмеченная проблема имеет скорее теоретическое, чем практическое значение. В современных условиях ребенок вряд ли может самостоятельно, без помощи взрослых реализовать свое право на судебную защиту². Поэтому обращение в суд в защиту интересов ребенка-истца в подобных случаях осуществляет его законный представитель, если сам не оказался в положении ответчика по данному делу.

Весьма распространена практика обращения в суд в защиту прав и интересов ребенка прокурора, органов опеки и попечительства, иных органов и организаций, на которые возложена функция по защите прав детей на основании ст. 45, 46 ГПК РФ. Важно в таких случаях помимо указания на то лицо, по иску которого возбуждено дело, во вводной части судебного решения указать в качестве истца ребенка, в защиту прав и интересов которого предъявлен иск.

Во вводной части решения суда отражается участие в деле представителя органа опеки и попечительства с указанием, кто выполняет их функции и занимаемое должностное положение, а также прокурора, если он участвует в деле для дачи заключения. При рассмотрении судом споров о воспитании детей зачастую привлекается специалист. Обобщив практику рассмотрения дел данной категории, Верховный Суд РФ отмечает, что в данном процессуальном качестве судом могут быть привлечены: инспекторы по делам несовершеннолетних; специалисты органов управления образованием; специалисты по охране прав детства; педагоги (классные руководители); педагоги-психологи; социальные педагоги; врачи – психологи-диагносты, психиатры и врачи иных специальностей. Сведения об участии специалиста в деле также должны найти отражение во вводной части судебного решения.

В описательной части решения обстоятельства дела указываются в том виде, как их излагают стороны, как им представляется тот или иной факт, должны быть изложены доводы, которые приводит истец в обоснование своего иска и чем подкрепляет свои возражения ответчик, не признавая иска.

Следует отметить, что в судебных спорах о воспитании детей нередко имеет место

предъявление встречного иска. Особенно часто данный инструмент используется в споре родителей об определении места жительства ребенка. В этой части решения излагаются доводы ответчика в обоснование встречного иска, а также позиция истца по первоначальному иску относительно встречного иска. При изложении описательной части решения указывается также на обстоятельства, которые содержались в объяснениях других участников процесса, представителя органа опеки и попечительства, а также мнение ребенка в случае его опроса.

Четкое изложение обстоятельств дела всеми участвующими в деле лицами и правильное, в то же время краткое фиксирование их в описательной части решения крайне важно для формирования логичного, законного и справедливого варианта его разрешения. Предмет доказывания по спорам о воспитании детей, как и по большинству семейных дел вообще, семейное законодательство формулирует в гипотезах норм с относительной определенностью. Суду приходится самостоятельно определять юридическую значимость указанных сторонами фактов.

Существенное значение имеет последовательное и полное изложение мотивировочной части решения. Руководствуясь требованиями ст. 198 ГПК РФ, можно для удобства анализа выделить условно фактическое и правовое обоснование выводов суда.

Реализация требования закона к фактическому обоснованию может быть осуществлена при полно и правильно изложенных выводах об установленных фактических обстоятельствах дела и обусловлена нормой материального права, подлежащей применению по конкретному делу. В частности, требуется квалифицировать спорное правоотношение, существующее между сторонами, определить его содержание, указать, чье конкретно право нарушено либо существует угроза нарушения этого права и в чем она выражена, какое действие или бездействие приводит к нарушению права. Вместе с тем, как отмечалось, гипотеза некоторых норм семейного права носит относительно-определенный характер, и суд должен сам установить, какие фактические обстоятельства могут иметь юридическое значение для разрешения правового конфликта. Можно проследить, как изменилось содержание норм семейного права с точки зрения определенности в КоБС РСФСР и СК РФ. Например КоБС был весьма лаконичен в формулировках норм, устанавливающих основания для ограничения или лишения родительских прав

² Цымбал Е.И. Жестокое обращение с детьми: причины, проявления, последствия. М., 2007.

(ст. 56, 59), нацеливая суд при разрешении подобных споров или споров об определении места жительства ребенка с одним из родителей, об определении участия в воспитании ребенка на решение главных вопросов: мешает ли поведение родителя нормальному воспитанию ребенка и оказывает ли на него вредное влияние? СК РФ учел сложности формирования предмета доказывания по делам, связанным со спорами о детях, значительно более подробно раскрыв фактический состав в норме. Примером может служить ч. 3 ст. 65 СК РФ. Так, определяя место жительства ребенка при раздельном проживании родителей, суд должен сделать выводы о следующих обстоятельствах: привязанность ребенка к каждому из родителей, братьям и сестрам, возраст ребенка, нравственные и иные личные качества родителей, отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком, возможность создания ребенку условий для воспитания и развития (род деятельности, режим работы родителей, материальное и семейное положение родителей и др.).

Еще одним важным условием реализации требования фактической обоснованности мотивировочной части решения является доказанность фактов, которые суд посчитал установленными. Это означает, что здесь должны быть указаны все доказательства, исследованные судом, а также отражены результаты оценки каждого из них. Следует отметить, что активность суда при разрешении споров о воспитании детей должна достигать максимальных пределов, установленных законом. Вместе с тем судебная практика знает примеры неэффективного поведения суда, занявшего активную позицию в установлении обстоятельств дела.

Так, С. обратился в суд к Н. с иском о передаче ему сына 7-и лет на воспитание. В подтверждение требования указал, что после расторжения брака он продолжал постоянно заботиться о сыне, проживавшем с матерью, участвовать в его воспитании, оказывать материальную помощь. В выходные дни ребенок находился у него дома. Два года подряд летом он с сыном выезжал на отдых на побережье Черного моря. Год назад Н. вступила в религиозную организацию «Свидетели Иеговы». После этого у него с ответчицей стали возникать разногласия по поводу воспитания ребенка, поскольку она стала активно его привлекать к вероучению, водить на собрания, препятствовать общению с ним. По мнению С., передача ребенка ему на воспитание отвечает интересам последнего, так как действия Н. травми-

руют его психику, ухудшают здоровье, лишают детских радостей и счастья.

Рассматривая данное дело, суд придал юридическое значение участию матери ребенка в деятельности религиозной организации, учел ее поведение, активно пропагандирующей данную организацию, не работающей, все свободное время отдающей своему увлечению, пришел к выводу о негативном влиянии на воспитание сына. В подтверждение этого суд сослался, в частности, на экспертное заключение, подготовленное специалистами религиоведческой группы Института развития личности Российской академии, из которых следует, что организация «Свидетели Иеговы» подпадает под определение деструктивного культа (тоталитарная секта), деятельность которой представляет серьезную опасность для общества.

В определении Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала: то обстоятельство, что Н. является членом религиозного объединения «Религиозная община «Свидетели Иеговы»», само по себе не могло быть основанием к передаче сына на воспитание отцу. У суда не было оснований запрашивать заключение эксперта о целях и сущности указанного объединения. Предметом доказывания по настоящему делу не могли быть сущность религии «Свидетелей Иеговы» и религиозные убеждения ответчицы. Суду следовало тщательно проверить доводы С. о том, что Н. оказывает вредное влияние на сына, наносит ему физический и психический вред, в результате чего, по мнению С., мальчик стал замкнутым, испуганным, стал часто болеть, эпизодически посещать детский сад, лишен детских радостей и счастья³.

В другом деле с отчасти сходными обстоятельствами суд не предпринял действий, достаточных для правильного разрешения семейно-правового спора. Речь идет о деле, получившем известность как «Исмаилова против России», рассмотренного в Европейском суде по правам человека. Суть дела заключается в следующем: заявительница и ее муж являлись мусульманами, но не осуществляли религиозные обряды на практике. В браке родились мальчик и девочка (1993 и 1997 гг.). Будучи расстроенной различными сложностями во взаимоотношениях с мужем, который был моряком и часто отсутствовал дома, поскольку находился в плавании, в июне 1999 г.

³ Определение ВС РФ по делу № 4-В99-103 от 22 июля 1999 г. // http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big1/verhsud_big_4199.htm

заявительница начала общаться с представителями организации «Свидетели Иеговы». В июне 2000 г. растущая напряженность в отношениях между супругами в связи с религиозными интересами заявительницы привела к тому, что заявительница покинула супружеский дом вместе с детьми и стала жить у родителей. В декабре 2000 г. она прошла обряд посвящения в члены организации «Свидетели Иеговы». По-видимому, в период с июня 2000 по июль 2001 гг. имели место весьма редкие контакты между отцом и детьми. В связи с тем, что муж заявительницы систематически не предоставлял ей денежные средства для воспитания детей, в начале 2001 г. она обратилась в суд, требуя взыскания алиментов. 26 апреля 2001 г. суд обязал мужа выплачивать денежные средства на содержание детей. 1 июля 2001 г. дети поехали навестить своих бабушку и дедушку по отцовской линии; 26 августа 2001 г. последние отказались вернуть детей. Заявительница утверждает, что с того времени она не имеет возможности регулярно встречаться с ними.

Заявительница обжаловала решения судов РФ, присудивших ее бывшему мужу право опеки над двумя детьми. Она заявляла, что эти решения нарушили ее право на уважение семейной жизни и свободу религии, были обусловлены дискриминационными мотивами (различная конфессиональная принадлежность супругов). По данному делу не было проведено ни одной экспертизы.

В связи с этим следует отметить, что суды Российской Федерации не приняли во внимание возраст детей, в частности возраст четырехлетней дочери, сильно привязанной к матери, которую нельзя было забирать от нее, если только не имелись убедительные доказательства, подтверждающие причинение (возможность причинения) тяжкого вреда ребенку. Кроме того, при вынесении решений суды Российской Федерации не сбалансировали должным образом интересы обоих родителей. Например, суды не сослались ни на одно обстоятельство, которое бы свидетельствовало, что мать детей в целом была неспособна заниматься их воспитанием: ни разу не заявлялась жалоба, в которой бы оспаривались родительские и воспитательские навыки заявительницы (которая была профессиональной учительницей), ставился бы вопрос о том, была ли она любящей и заботливой матерью, способной воспитывать своих детей, либо утверждалось, что заявительница пренебрегала детьми. Кроме того, суды Российской Федерации не исследовали

то обстоятельство, что отец детей являлся моряком и отсутствовал дома по полгода, до развода, с июня 2000 г. по июль 2001 г., не оказывал финансовой помощи для воспитания детей, в связи с чем 26 апреля 2001 г. суд был вынужден обязать выплачивать указанное денежное содержание⁴.

Таким образом, суд в данном деле не только неполно исследовал обстоятельства дела, определенные законодательством Российской Федерации, но и пренебрег возможностью сформировать полноценную доказательственную базу, например, проявив инициативу в проведении экспертизы, получить ответы на вопросы, касающиеся психического состояния детей и их матери.

Правовая обоснованность мотивировочной части судебного решения требует аргументированного выбора судом подлежащей применению нормы материального права, анализа ее соотношения со спорным правоотношением и правильное толкование нормы применительно к рассматриваемому делу. Очень важно в делах по спорам о воспитании детей избежать формального подхода к ситуации. В этой связи уместно сослаться в качестве примера на дело гражданки Ф., по обращению которой Конституционный Суд РФ осуществлял проверку ст. 144 СК РФ на соответствие Конституции РФ.

Гражданка Ф., 1978 г. рождения, была удочерена отчимом с присвоением его фамилии и отчества. В 2007 г. Ф. обратилась в суд общей юрисдикции с заявлением об отмене удочерения, в котором в обоснование своих требований ссылалась на ст. 141 СК РФ, допускающую отмену усыновления в случаях жестокого обращения усыновителя с усыновленным, и на приговор суда, которым ее отчим был осужден за совершение в отношении нее преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 117 УК РСФСР (изнасилование несовершеннолетней), к пяти годам лишения свободы. Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, Ф. было отказано в удовлетворении исковых требований, так как положения ст. 144 СК РФ не позволяют удовлетворить требования достигшей совершеннолетия истицы без согласия усыновителя.

Не добившись отмены судебного решения в вышестоящих судебных инстанциях,

⁴ Постановление ЕСПЧ от 29.11.2007 по делу «Исмаилова против Российской Федерации» // http://european-court.ru/uploads/ECHR_Ismailova_v_Russia_29_11_2007.pdf

Ф. обратилась в Конституционный Суд РФ с требованием признать ст. 141 СК РФ не соответствующей ст. 2, 15, 23 и 60 Конституции РФ. Закрепленное данной статьей условие отмены усыновления при наличии законных оснований по достижении ребенком совершеннолетия влечет недопустимое в правовом государстве ограничение конституционных прав усыновленного, в отношении которого усыновителем совершено преступление.

Конституционный Суд РФ согласился с доводами Ф., отметив, что при регулировании общественных отношений федеральный законодатель связан конституционным принципом соразмерности и вытекающими из него требованиями адекватности и пропорциональности используемых правовых средств; в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, он не может осуществлять такое регулирование, которое посягало бы на само существо того или иного права и приводило бы к утрате его реального содержания; даже имея цель воспрепятствовать злоупотреблению правом, он должен использовать не чрезмерные, а только необходимые и обусловленные конституционно признаваемыми целями таких ограничений меры⁵.

Именно такого подхода следует придерживаться судам при рассмотрении и разрешении споров о детях.

При рассмотрении дел по спорам о воспитании детей судам следует учитывать постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей»⁶; весьма полезным является также обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 20 июля 2011 г.⁷

Особые требования предъявляются к содержанию резолютивной части решения ввиду ее чрезвычайной значимости. Кроме указания на то, что суд решил по делу и в пользу кого вынесено решение, в резолютивной части должно содержаться четкое наименование сторон, между которыми идет спор: фамилии, имена и отчества сторон, год и место рождения, адрес, место работы. Это особенно важно в тех случаях, когда стороны живут в разных местах.

Не менее важно указать фамилию, имя, отчество и год рождения, а также место нахождения ребенка на тот момент, когда было вынесено решение и в конечном счете, кому он передается или у кого он оставляется. Если иск был предъявлен в отношении не одного ребенка, а нескольких детей, то указывается, что именно суд решил в отношении каждого из них. Это чрезвычайно важно в тех случаях, когда иск удовлетворен только частично и по-разному решена судьба каждого ребенка. В случае отказа в иске формулировка должна быть не менее точной. Так, должно содержаться указание, кому и в отношении какого ребенка отказано в иске и по какому требованию.

Содержание резолютивной части решения суда зависит от характера и содержания требования, изложенного в исковом заявлении, и в первую очередь от того, какой конкретно спор о праве на воспитание ребенка рассматривается судом. Кроме того, оно диктуется и обстоятельствами дела, которые установил суд в процессе рассмотрения дела. Так, в резолютивной части решения по требованию относительно места проживания ребенка при раздельном проживании говорится, у кого из родителей будет проживать ребенок. В обзоре практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 20 июля 2011 г., обращалось внимание на следующее. Суды по данной категории дел в резолютивной части не всегда формулируют обязанность родителя, с которым ребенок проживает, передать его другому родителю в случае, если такое требование прямо не указано в исковом заявлении, чтобы не допускать выход за пределы заявленных требований. Президиум полагает, что в резолютивной части решения следует указывать и на обязанность родителя передать ребенка тому родителю, с которым определено место жительства ребенка. Это направлено на своевременную защиту прав несовершеннолетних детей и позволяет избежать неясности в исполнении решения суда.

За пределы требований суд должен выйти в целях защиты интересов детей не только в случае предъявления иска по спору о воспитании ребенка. Так, при расторжении брака суд предпринимает действия, которые необходимы для рассмотрения вопроса о том, с кем из родителей остаются дети, даже если в иске такое требование не заявлено. Об этом должно быть указано в резолютивной части решения суда по первоначально предъявленному иску о расторжении брака. Другими словами,

⁵ Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 3.

⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 7.

⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

если спор о воспитании ребенка не носит самостоятельного характера, то в резолюции решения в необходимых случаях указывается на право и обязанность родителя, проживающего отдельно от ребенка, участвовать в его воспитании после расторжения брака.

Очень важно, даже «перевыполняя» требование определенности судебного решения, в резолюции четко указать, кто именно будет выполнять обязанности по воспитанию ребенка в делах о лишении родительских прав или их ограничении. Как правило, суды ограничиваются указанием в резолютивной части судебного решения лишь на то, что родители (один из родителей) лишены родительских прав и с них взысканы алименты. Вопрос о передаче ребенка на попечение органам опеки и попечительства судами не решается, хотя ребенок в этот момент находится, например, в больнице, специализированном реабилитационном центре, приюте.

В резолютивной части судебного решения по рассматриваемым делам, помимо вывода относительно заявленных требований, суд вправе сделать указания по некоторым вопросам, связанным с реализацией решения. Например, согласно ст. 71 СК РФ, решить вопрос о дальнейшем совместном проживании ребенка и родителей (одного из них), лишенных родительских прав.

На страницах юридической печати и в обзорах судебной практики неоднократно отмечалась необходимость предоставления суду права принимать обеспечительные меры по делам, связанным со спорами о детях, поскольку имеются случаи укрытия ребенка одним из родителей, передача его иным лицам, возбуждения у ребенка враждебных чувств к другому родителю и т.д.⁸ Данная проблема частично урегулирована ч. 6.1. ст. 152 ГПК РФ. Она предусматривает право суда решить вопрос о месте жительства ребенка и (или) о порядке осуществления родительских прав на период до вступления в законную силу судебного решения при наличии обстоятельств, свидетельствующих об изменении фактического места жительства детей на период до вступления в законную силу соответствующего судебного решения, если это соответствует интересам детей. Данная мера не в полной мере является обеспечительной, но позволяет предотвратить риск ненадлежащего исполнения судебного решения и учесть интересы

ребенка⁹. В случае применения подобных мер при рассмотрении дела по существу, суд должен отразить это в резолюции судебного решения.

Суды иногда берут на себя бремя урегулирования неправовых вопросов. Эта деятельность суда по спорам о детях очень важна, ее следует оценивать положительно. Зачастую неприязненные отношения родителей из-за распада их брака серьезно вредят психике ребенка. Некоторые суды, например в резолютивной части решения, излагают выводы о необходимости корректного отношения родителей ребенка друг к другу, о препятствовании общению ребенка с отдельно проживающим родителем.

При анализе судебной практики также возникал вопрос о том, есть ли необходимость в судебном решении формулировать предупреждение родителям о последствиях неисполнения судебного решения. Некоторые суды полагали, что такое предупреждение носит не правовой, а воспитательный характер. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 мая 1998 г. № 10 (п. 8) разъяснил, что, определив порядок участия отдельно проживающего родителя в воспитании ребенка, суд должен предупреждать другого родителя о возможных последствиях невыполнения решения суда. К сожалению, в постановлении не говорится, должно ли это предупреждение содержаться в резолютивной части судебного решения. На наш взгляд, целесообразно формулировать его устно и заносить в протокол судебного заседания.

Очень важны некоторые организационные действия суда после вынесения решения. Прежде всего суд должен проинформировать о вынесенном решении субъектов, от действий которых зависит формирование юридически стабильной ситуации в жизни ребенка. Так, в ряде случаев он направляет выписку из решения в орган записи актов гражданского состояния по месту государственной регистрации рождения ребенка. Такую обязанность предусматривает ст. 70 СК РФ. Кроме того, судам следует выяснять, является ли лицо, в отношении которого ставится вопрос о лишении родительских прав, получателем пособий, пенсий и других выплат на ребенка и, соответственно, направить копию решения о лишении родительских прав в органы, производящие выплаты.

⁸ Ракина Л.Н. Обеспечительные меры по судебным спорам о детях // Арбитражный и гражданский процесс. М., 2010. № 2. С. 18–21.

⁹ Л.Н. Ракина высказала небезосновательные опасения о том, что данная мера способна нанести немалый урон психике ребенка // Там же.

В заключение отметим, что решение суда по делу, связанному со спором о воспитании ребенка, имеет важнейшее социальное значение, поэтому крайне важно суду строжайшим образом соблюдать закон, при этом не допускать безличного, формального отношения к конфликту, направив усилия главным образом на соблюдение интересов ребенка.

Библиография:

1. Иоффе О.С. Советское гражданское право. – М., 1967.
2. Иоффе О.С. Гражданское право: избранные труды. – М., 2000.
3. Кечекийан С.Ф. Правоотношение в социалистическом обществе. – М., 1958.
4. Ракитина Л.Н. Обеспечительные меры по судебным спорам о детях // Арбитражный и гражданский процесс. – 2010. – № 2.
5. Цымбал Е. И. Жестокое обращение с детьми: причины, проявления, последствия. – М., 2007.

References:

1. Ioffe O.S. Sovetskoe grazhdanskoe pravo. – M., 1967.
2. Ioffe O.S. Grazhdanskoe pravo. izbrannye trudy. – M., 2000.
3. Kechek'yan S.F. Pravootnoshenie v sotsialisticheskom obshchestve. – M., 1958.
4. Rakitina L.N. Obespechitel'nye mery po sudebnym sporam o detyakh // Arbitrajnii i grajdanskiy process. – 2010. – № 2.
5. Tsybal E. I. Zhestokoe obrashchenie s det'mi: prichiny, proyavleniya, posledstviya. – M., 2007.

Материал поступил в редакцию 15 декабря 2013 г.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

Е.К. Волконская*

РЕЦИДИВ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Проанализированы изменения в соотношении первичной и повторной преступности в стране за последние десять лет. Выявлены и рассмотрены тенденции увеличения удельного веса повторной преступности в ее структуре, а также снижения удельного веса лиц, ранее судимых, в структуре лиц, ранее совершивших преступления. Обосновано положение о возрастании латентности насильственных преступлений. Охарактеризованы взаимосвязи рецидива насильственных преступлений с маргинальной, профессиональной, организованной (в том числе этноорганизованной) преступностью, преступностью в сфере экономической деятельности, преступностью несовершеннолетних, «уличной» и пенитенциарной преступностью. Рассмотрены иные негативные социальные процессы, на фоне которых распространяется рецидив насильственных преступлений: проникновение элементов криминальной субкультуры в общественные отношения правопослушных граждан, обособленность общественности от процесса борьбы с преступностью, коррупция в органах власти, незаконный оборот оружия, военные конфликты, незаконная миграция, национальная и религиозная нетерпимость, криминальное насилие (в том числе латентное) в местах лишения свободы в отношении осужденных.

Ключевые слова: рецидив насильственных преступлений; повторная преступность; лицо, ранее судимое; пенитенциарная преступность; криминализация общества; латентность; криминальная субкультура; насильственное преступление; криминальные процессы; убийство.

DOI: 10.7256/1729-5920.2013.10.9586

Криминальное насилие не существует само по себе. Ему всегда необходима социальная база в виде пороков общества. Отсюда рецидив насильственных преступлений находится во взаимосвязи с негативными социальными и уголовно наказуемыми процессами, происходящими в стране.

Современные тенденции преступности, фиксируемые официальной статистикой, показывают, что в течение последних восьми лет происходит устойчивое изменение соотношения первичной и повторной преступности в сторону увеличения второй. Если в 2006 г. из оконченных расследованием пре-

ступлений 29,8% были совершены лицами, ранее совершавшими преступления, в 2007 г. – 30,1%, в 2008 г. – 30,4%, в 2009 г. – 32,2%, то в 2010 г. – 37,1%, в 2011 г. – 40,7%, в 2012 г. – 46,6%, в январе-июле 2013 г. – 48,3%¹. Соответственно, в структуре лиц, совершивших преступления, растет удельный вес лиц, ра-

¹ С 2003 по 2005 гг. этот показатель в среднем составлял 28,6% (см.: Данные ГИАЦ МВД РФ о состоянии преступности в России за январь-декабрь 2003 г., 2004 г., 2005 г. // URL:// <http://mvd.ru/upload/site1/import/f0a65b9851.pdf>; <http://mvd.ru/upload/site1/import/f3884f4b79.pdf>; <http://mvd.ru/upload/site1/import/277d8f0b81.pdf> (дата обращения – 01.08.2013).

© Волконская Екатерина Константиновна

* Кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации
[volkonskayaek@mail.ru]

117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

нее совершавших преступления, в том числе ранее судимых (их доля среди лиц, ранее совершавших преступления, последние восемь лет в среднем составляет 75%) (см. табл.).

Таблица

Динамика удельного веса повторных преступлений и лиц, их совершивших, на территории Российской Федерации за 2006 – январь-июль 2013 гг.²

Год	Удельный вес от расследованных преступлений, %		Удельный вес от общего числа выявленных лиц, совершивших преступления, %	
	совершенных лицами, ранее совершавшими преступления	совершенных лицами, ранее судимыми	лиц, ранее совершавших преступления	лиц, ранее судимых
2006	29,8	-*	28,8	23,2 (80,6) **
2007	30,1	-	29,1	23,2 (79,8)
2008	30,4	-	30,0	23,8 (79,4)
2009	32,2	-	32,0	23,9 (74,6)
2010	37,1	-	35,8	26,5 (74,0)
2011	40,7	-	38,6	28,7 (74,4)
2012	46,6	34,6	44,7	32,2 (72,3)
январь-июль 2013	48,3	33,9	46,8	32,0 (68,5)

* Сведения отсутствуют в учетах ГИАЦ МВД РФ о состоянии преступности.

** Удельный вес в общем числе лиц, ранее совершавших преступления.

Одной из характерных черт рецидивной преступности является порождение ею первичной преступности. Как указывает Ю.М. Антонян, «рецидивная преступность, культивируя криминальные традиции и обычаи, создает питательную среду для первичной»³. Соответственно, росту рецидивной преступности закономерна корреляция роста первичной преступности. Кроме того,

² Данные ГИАЦ МВД РФ о состоянии преступности в России за 2006–2012 гг., январь-июль 2013 г. // URL:// <http://mvd.ru/upload/site1/import/3a24d8c626.pdf>; <http://mvd.ru/upload/site1/import/655665d1fb.pdf>; <http://mvd.ru/upload/site1/import/f30be32d4e.pdf>; <http://mvd.ru/upload/site1/import/65aff0dd0.pdf>; <http://mvd.ru/upload/site1/import/0e6b1bf0d3.pdf>; <http://mvd.ru/upload/site1/import/c47a38e0d6.pdf>; http://mvd.ru/upload/site1/document_file/vIXMMRlab8.pdf; http://mvd.ru/upload/site1/document_file/Fb203aAeN1.pdf (дата обращения – 01.08.2013).

³ Многократный рецидив преступлений / под ред. Ю.М. Антоняна. Рязань, 2009. С. 21.

она является резервом рецидивной, а значит, рост последней непосредственно обусловлен ростом первичной. Не случайно уровень первой на протяжении более чем последнего века удерживался на одном уровне – 25–30%⁴. Однако в 2012 г. он составил значительно больше – 34,6% (удельный вес преступлений, совершенных лицами, ранее судимыми, от числа расследованных преступлений; доля преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления (т.е. включая лиц, освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям), составила 46,6%).

Исходя из этого, современные официальные данные о существенном снижении уровня первичной преступности представляются сомнительными. Они, во-первых, свидетельствуют о возрастающей латентности первичных преступлений; во-вторых, о снижении качества работы правоохранительных органов по расследованию преступлений, совершенных лицами, ранее не привлекавшимися к уголовной ответственности, а значит, сведений о личности которых в информационных базах данных правоохранительных органов нет. Как показал опрос сотрудников правоохранительных органов, последних устраивает данная тенденция: 52% опрошенных не испытывают особого опасения из-за высокого уровня рецидивной преступности; 48% – признают его допустимость; 62% – считают, что высокий уровень рецидива способствует концентрации профилактических усилий на известном почти персонально контингенте⁵.

Согласно официальной статистике за последние восемь лет объем регистрируемых в стране преступлений сократился на 40,3% (с 3 855 373 преступлений в 2006 г. до 2 302 168 преступлений в 2012 г.), из них: убийств и покушений на убийство – на 51,7%; умышленных причинений тяжкого вреда здоровью – на 27,9%; изнасилований и покушений на изнасилование – на 49,4%; разбоев – на 68,4%; хулиганств – на 82%. Аналогичные тенденции в отношении краж – сокращение на 40,8%.

Указанная ситуация на фоне отсутствия стойких и глубоких положительных изменений в социально-экономической сфере общественной жизни, усугубления духовно-нравственной сферы, ухудшения психического здоровья населения, незначительных, по

⁴ Многократный рецидив преступлений. С. 9.

⁵ Щербаков С.В. Рецидивная преступность: криминологическая характеристика и проблемы предупреждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 15.

сравнению с масштабами изменений, числа регистрируемых преступлений, колебания в численности населения страны, стабильности уголовного законодательства по указанным шести составам преступлений, недостаточной эффективности деятельности правоохранительных органов по профилактике преступности подтверждают возрастание латентности преступлений.

Несмотря на традиционное рассмотрение насильственных преступлений как наименее латентных, многие из них не фиксируются как преступления. В частности, убийства инсценируются под безвестное исчезновение, естественную смерть и т.д. Семейное насилие зачастую остается скрытым от правоохранительных органов либо последние своевременно не принимают меры по пресечению посягательств. Тем самым допускаются повторные насильственные преступления, зачастую более тяжкие.

Нежелание общественности сотрудничать с правоохранительными органами, в частности отсутствие обращений потерпевших и свидетелей в правоохранительные органы за защитой, может быть продиктовано как нежеланием придавать огласке различные (семейные, интимные) стороны своей жизни, так и стремлением скрыть собственное аморальное или противоправное поведение, а также недоверием россиян к власти (в частности органам внутренних дел и прокуратуры, суду).

О причинах недоверия граждан к полиции можно судить по тем задачам, на которые указали россияне в качестве первоочередных в ходе реформы МВД РФ. Около половины опрошенных (47%) считают, что необходимо искоренить вымогательство и коррупцию в полиции; 43% респондентов указали, что необходимо добиться, чтобы полиция оперативно реагировала на обращения граждан; более четверти опрошенных заявили, что нужно искоренить полицейский произвол и незаконные задержания (30%), а также пытки в полиции (27%)⁶. Следовательно, рецидив насильственных преступлений напрямую связан с криминальными процессами, происходящими в самой структуре власти: незаконным применением насилия, вымогательством, коррупцией.

Повторные насильственные преступления, совершаемые профессиональными пре-

ступниками, наиболее сложно выявить, раскрыть и привлечь к уголовной ответственности виновного, поскольку они тщательно планируются, умело и хладнокровно совершаются, тщательно скрываются.

Важной тенденцией рецидивной преступности является то, что при росте абсолютных показателей численности ранее судимых, вновь совершивших преступления, их доля в совокупности всех лиц, ранее совершавших преступления, снижается. В 2006 г. удельный вес лиц, ранее судимых, в общем числе лиц, ранее совершавших преступления, составлял 80,6%, в последующие годы он с некоторыми колебаниями сокращался и в 2012 г. составил 72,3% (см. табл.). Иными словами, в структуре лиц, повторно совершивших преступления, увеличивается доля тех, которые ранее за совершенные преступления осуждены не были, а освобождались от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. Это указывает на серьезные недостатки в деятельности следователя и дознавателя, а также санкционирующих их процессуальные решения руководителя следственного органа и прокурора, которые на момент расследования первого преступления должным образом не изучили все обстоятельства, характеризующие личность виновного, исходя из этого, недооценили общественную опасность данного лица и освободили от уголовной ответственности. Фактическая безнаказанность (не учитывая возмещения вреда потерпевшему, примирения с ним как условий освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям) в сочетании с первичными причинами, т.е. инициировавшими первое преступление, детерминировала повторное совершение преступления. Согласно уголовному закону, от уголовной ответственности может быть освобождено лицо, впервые совершившее такие насильственные преступления, как умышленное причинение средней тяжести либо легкого вреда здоровью, побои, истязание, угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (и другие преступления небольшой и средней тяжести). Данные преступления носят повторный характер при бытовых конфликтах, нередко перерастая (со стороны нападающего) или провоцируя (со стороны жертвы) более тяжкие насильственные посягательства. Это необходимо учитывать сотрудникам правоохранительных органов при первом обнаружении факта насильственного посягательства и незамедлительном принятии по нему адекватных мер реагирования, а также при решении

⁶ «Индекс доверия полиции»: за два года полиция не снижала доверия граждан (опрос проведен Фондом «Общественный вердикт» при содействии Аналитического центра им. Ю. Левады 01.03.2013) // URL://http://publicverdict.ru/topics/index_d/10921.html (дата обращения – 03.08.2013).

вопроса об освобождении виновного от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям.

Рецидив насильственных преступлений тесно связан с маргинальной преступностью. Маргинальный слой населения объединяет социально-негативных, отчужденных от общественно полезных связей, не имеющих постоянного источника доходов лиц, отличающихся деликвентным поведением и поэтому составляющих «резерв» преступности. Опрос многократно судимых насильственных преступников показал, что 35,9% из них не работали перед последним арестом; 13,4% не имели постоянного места жительства до ареста; 15,6% состояли на учете в психоневрологическом диспансере (5,7% не дали ответа)⁷. Поэтому резервом рецидивных насильственных преступлений справедливо назвать: лиц без определенного места жительства; лиц, не имеющих постоянного места работы, в том числе официально признанных безработными и уклоняющихся от трудоустройства; нелегальных мигрантов; осужденных, находящихся в пенитенциарных учреждениях, допускающих нарушения режима исполнения и отбывания наказания и склонных к совершению преступлений; ранее судимых лиц, освободившихся из мест лишения свободы и не вставших на путь исправления. Нередко это лица, больные хроническим алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, психическими расстройствами. Для них характерна примитивизация потребностей и способов их удовлетворения, искаженная система ценностей и норм поведения, насилие, грубость и произвол во взаимоотношениях друг с другом и, соответственно, иными лицами. Условием, способствующим совершению представителями маргинальной среды насильственных преступлений, является их вооруженность. По данным Н.М. Римашевской, 34% бомжей вооружены холодным оружием, 28% пауперов – огнестрельным⁸. Наиболее часто насильственные преступления являются результатом конфликтных ситуаций внутри маргинальной среды, зачастую происходящих в условиях злоупотребления спиртными напитками. Реже представители маргинального слоя используют криминальное насилие при совершении корыстных преступлений, целью которых является обе-

спечение себя минимально необходимыми средствами к существованию.

Наиболее частым мотивом применения криминального насилия данной категорией рецидивистов служит стремление добыть средства на спиртное любым способом. Кроме этого, рецидивная насильственная преступность тесно связана с профессиональной преступностью. Особую опасность среди профессиональных насильственных преступников представляют наемники – лица, профессиональным занятием которых являются убийства, причинение тяжкого или иного вреда здоровью лицам, участвующим в вооруженном конфликте или в военном действии, уничтожение или разрушение народно-хозяйственного, культурного богатства государств и имущества гражданского населения⁹. В современном мире наемники все больше превращаются в неотъемлемый элемент агрессивной политики¹⁰. Как указывает С.М. Иншаков, в основе наемничества может оказаться одно из следующих побуждений: желание заработать; политические или религиозные убеждения; романтизм; любовь к острым ощущениям; тяга к привычному образу жизни воюющего солдата; маниакальная страсть к насилию¹¹. Сюда же следует отнести тягу к смерти (некрофилию).

Кроме того, в спектр корыстно-насильственных преступлений, совершаемых профессиональными преступниками, входят бандитизм, разбой, грабежи, наемные убийства, похищения людей в целях получения выкупа, продажи в рабство либо специалистам по трансплантации внутренних органов, вымогательство (рэкет), пиратство¹².

Заказные убийства получили широкое распространение не только в сфере бытовых и иных личных конфликтов, но и в области бизнеса, политики, организованной преступности (убивают предпринимателей, банкиров, журналистов, чиновников, депутатов, лидеров уголовной среды и др.). Заказные убийства коммерсантов и предпринимателей, совершаемые с целью завоевания преимуществ в бизнесе и разрешения коммерческих споров, не всегда удается отличить от убийств, совершаемых при разделе сфер влияния между криминальными группировками. Жертвами заказ-

⁹ Короткий Ф.В. Наемничество: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 2.

¹⁰ Короткий Ф.В. Указ. соч. С. 2.

¹¹ Иншаков С.М. Криминология. М., 2000. С. 247.

¹² Там же. С. 249.

⁷ Многократный рецидив преступлений. С. 179.

⁸ Римашевская Н.М. Бедность и маргинализация населения // Социологические исследования. 2004. № 4. С. 40.

ных убийств чаще становятся предприниматели (почти 53%) и лидеры уголовной среды (36%). Небольшая часть заказных убийств, совершаемых в сфере бизнеса, имитируется под несчастный случай, часть жертв числится без вести пропавшими¹³.

Рецидив насильственных преступлений тесно связан с организованной преступностью. Насильственные преступления, имеющие цель извлечения прибыли, совершаются членами организованных преступных объединений и носят организованный характер. С повышением организованности насильственного посягательства повышается его тяжесть. Это подтверждается результатами анализа данных переписи осужденных, отбывающих лишение свободы за преступления против личности, проведенной в 2009 г.: «Чем тяжелее преступление, тем больше участия в его совершении всех соучастников»¹⁴. Следовательно, распространение организованной преступности прямо коррелирует с распространением и утяжелением рецидивной насильственной преступности.

Происходит активное внедрение насильственных рецидивистов в экономическую преступность. В настоящее время можно констатировать существование нового слоя дельцов теневого, криминального бизнеса из числа устойчивых, с уголовным опытом лиц, стремящихся занять наиболее прибыльные сферы такого бизнеса¹⁵. Отсюда изощренные и жестокие способы запугивания и расправ в сфере экономической преступности. Злостный и устойчивый характер преступной активности рецидивистов в сфере экономики определяет повышение тяжести вновь совершаемого насильственного преступления.

Возвращение лиц, ранее судимых за насильственные преступления, в организованную преступность обусловлено желанием получить в короткие сроки «легким путем» хорошую прибыль, что особенно характерно для освободившихся из мест лишения свободы (как в силу устойчивой антиобщественной установки, так и в условиях нетрудоустроен-

ности, отсутствия профессии, жилья, средств к существованию).

Фактический рецидив организованных насильственных преступлений обеспечивается тем, что в большинстве случаев их исполнитель осуждается, а заказчик преступления не устанавливается. Соответственно, этим же заказчиком организуется новое насильственное преступление, но с другим исполнителем.

Источниками доходов организованной преступности и, соответственно, сферами применения насильственных преступлений как способов обеспечения получения этих доходов, признаются торговля оружием, наркобизнес, проституция и т.д. Незаконный оборот оружия одновременно является источником средств совершения насильственных преступлений. Любое преступление (независимо от мотивации), совершенное с использованием оружия, является насильственным. Согласно статистике МВД РФ, число преступлений, совершенных с использованием оружия, на протяжении 2003–2011 гг. устойчиво снижалось: с 26 629 преступлений в 2003 г. до 6 800 – в 2011 г. (на 74,5%) (в 2012 г. возобновился рост данной группы преступлений)¹⁶. Доля преступлений, совершенных с использованием оружия, в структуре всей преступности по состоянию на 2012 г. составила 0,3% (7 541 преступление). Рассматриваемые преступления влекут наиболее тяжкие последствия. Из осужденных к лишению свободы (т.е. наиболее опасных преступников) каждый четвертый совершил преступление с использованием оружия. Негативная тенденция состоит в том, что за 1999–2009 гг. увеличилась доля осужденных, отбывающих лишение свободы за преступления против личности с применением оружия (с 22,8% до 26,6%)¹⁷.

Таким образом, незаконный оборот оружия влияет на распространение и утяжеление насильственных преступлений, в том числе рецидивных. Распространение насильственных преступлений обусловлено тем, что наличие оружия создает условие для принятия решения о совершении преступления (применение оружия облегчает его совершение, придает уверенность преступнику в достижении планируемого результата) или спонтанном его применении. Кроме того, использование оружия в качестве средства самообороны и обороны других лиц повышает вероятность превышения пределов необходимой обороны из-за опас-

¹³ Тимонина И. В. Установление заказного характера убийства и использование моделей при его расследовании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 9.

¹⁴ Голоднюк М.Н., Зубкова В.И. Осужденные, отбывающие лишение свободы за преступления против личности. По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–18 ноября 2009 г. / под ред. В.И. Селиверстова. Вып. 10. М., 2011. С. 51.

¹⁵ Криминология / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2010. С. 951.

¹⁶ Данные ГИАЦ МВД РФ о состоянии преступности в России за январь–декабрь 2003–2012 гг.

¹⁷ Голоднюк М.Н., Зубкова В.И. Указ. соч. С. 53.

ности причинения более тяжкого вреда жизни или здоровью нападавшего, и тем самым совершения насильственного преступления. Применение оружия повышает общественную опасность деяния. Так, наиболее часто оружие используют лица, совершающие тяжкие и особо тяжкие преступления: среди убийц 63,5% совершили преступления с использованием оружия (60,3% убийц его применяли, 3,2% – демонстрировали); среди умышленно причинивших тяжкий вред здоровью – 30,9% (из них 28,2% применяли оружие, 2,7% – демонстрировали). Намного ниже этот показатель по менее тяжким преступлениям, предусмотренным ст. 112–117 УК РФ, – 12% (6,5% с применением оружия и 5,5% – с его демонстрацией)¹⁸.

Уровень рецидива насильственных преступлений напрямую связан с криминальными процессами, происходящими в среде несовершеннолетних. Как известно, чем в более раннем возрасте лицо совершило первое преступление, тем вероятнее рецидив в будущем. На повторное совершение насильственного преступления несовершеннолетним или лицом, достигшим восемнадцати лет, но совершившим первое преступление в несовершеннолетнем возрасте, большое влияние оказывают безнаказанность (условное осуждение или чрезмерно мягкое наказание) и негативное воздействие взрослых¹⁹, в том числе ранее судимых лиц.

На фоне ежегодно отмечаемых криминологами тенденций роста, «омоложения» и ожесточения преступности несовершеннолетних судебная статистика за последние пять лет (с 2008 по 2012 гг.) показывает: 1) снижение в два раза судимости несовершеннолетних (на 55,5%); 2) сокращение в три раза числа несовершеннолетних, осужденных к реальному лишению свободы (на 70%); 3) доминирование условного осуждения к лишению свободы среди всех уголовных мер, назначенных несовершеннолетним преступникам (назначено 43% несовершеннолетних осужденных от общего числа несовершеннолетних осужденных к различным видам наказания)²⁰. На фоне

указанных статистических данных, учитывая небольшие сроки погашения судимости лиц, условно осужденных и осужденных к более мягким видам наказаний, чем лишение свободы, а также меньший срок погашения судимости при досрочном освобождении от отбывания наказания, случаи снятия судимости (характерные для несовершеннолетних), закономерным выглядит регистрируемое судебными органами снижение за последние пять лет на 53,6% преступлений, совершенных несовершеннолетними, имевшими неснятые и непогашенные судимости.

Однако за последние пять лет в несколько раз увеличилось число несовершеннолетних, содержащихся в воспитательных колониях, которые ранее отбывали наказание в воспитательных колониях: в 2008 г. – 391 несовершеннолетний осужденный; в 2009 г. – 267; в 2010 г. – 195; в 2011 г. – 1366; в 2012 г. – 1118²¹. Данные цифры показывают тенденцию роста постпенитенциарного рецидива несовершеннолетних, а также утяжеление совершаемых несовершеннолетними преступлений, поскольку лишение свободы является самым строгим (из предусмотренных для несовершеннолетних) видом наказания. Таким образом, в условиях современной, «снисходительной» по отношению к несовершеннолетним преступникам ювенальной юстиции создается почва для повторного совершения ими насильственных преступлений. Дополнительно к этому вероятность рецидива повышает влияние ранее судимых лиц, число которых стремительно растет.

Насильственные преступления, наиболее часто образующие специальный рецидив, – разбой, грабеж, хулиганство, умышленное причинение разной степени вреда здоровью – часто совершаются в общественных местах (на улицах, площадях, в парках, скверах). По состоянию на 2012 г. как совершенные в общественных местах были зарегистрированы более чем каждое второе хулиганство и грабеж, почти каждый второй разбой, каждое пятое умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование и покушение на изнасилование, а также каждое десятое убийство и покушение на убийство²². Таким

¹⁸ Голоднюк М.Н., Зубкова В.И. Указ. соч. С. 55.

¹⁹ Каждое пятое из групповых преступлений несовершеннолетних совершается с участием взрослых (по состоянию на 2012 г.) // URL: http://mvd.ru/upload/site1/document_file/vIXMMRlab8.pdf (дата обращения – 03.08.2013).

²⁰ Расчеты произведены на основе данных Обзора судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2012 году // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=80&item=1911> (дата обращения – 10.08.2013).

²¹ См.: Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних // URL: <http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20v%20VK/> (дата обращения – 10.08.2013).

²² Расчеты произведены на основе данных ГИАЦ МВД РФ о состоянии преступности в России за 2012 г. // URL: http://mvd.ru/upload/site1/document_file/vIXMMRlab8.pdf (дата обращения – 03.08.2013).

образом, уровень рецидива насильственных преступлений тесно связан с уровнем обеспечения правопорядка в общественных местах.

На уровень преступного насилия, в том числе рецидивного, оказывают влияние военные действия на территории того или иного региона страны, а также на территории другого государства, в которых принимают участие Вооруженные силы РФ. Как справедливо указывает Я.И. Гилинский, войны ведут к «озверению» и «одичанию» народных масс, внедрению в общественное сознание постулата, что «жизнь человеческая не стоит и гроша»²³. Одновременно военные конфликты являются «поставщиком» оружия. Происходит «милитаризация» значительного контингента населения, в том числе развитие латентных военизированных криминальных структур. Более того, действия государственных военизированных формирований нередко перерастают в криминальное насилие, выражающееся в жестоком обращении с военнопленными, насильственных действиях в отношении мирного населения и т.д. Как показали американские исследования, интенсивность агрессивности в обществе прямо пропорциональна его участию в войнах; в обществе, не ведущем войны, уровень насилия в течение десяти лет падает²⁴.

Большую роль в установлении уровня насилия играет государственная власть. В зависимости от преобладания военных (антижизненных, деструктивных) или пацифистских тенденций в политике государства соответственно расширяются или сужаются пределы законности насилия. Так, в генезисе криминального становления современных чеченских организованных преступных формирований, оказывающих сегодня одно из самых значительных влияний на криминальную обстановку в стране²⁵, определяющую роль за последние два десятилетия сыграли деструктивные (военные) тенденции первого главы

(незаконно захватившего власть в 1991 г.) самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия и его последователей. Активный протест общества и политической оппозиции против политики самопровозглашенного главы повлек объявление последним на территории республики режима военного положения и тем самым узаконения выгодных власти безграничных масштабов насилия. Одним из первых его указов было введено право граждан на приобретение и хранение огнестрельного оружия. Эти и последующие военные события, в которых участвовали чеченцы, заложили и закрепили в них высокий уровень враждебности, приоритет насилия (в частности, проявляющийся в сохраняющейся по сегодняшний день традиции кровной мести), диктат и приоритет республиканской власти.

Чеченские организованные формирования специализируются на таких насильственных преступлениях, как вымогательство и заказные убийства; кроме этого, совершают грабежи и разбойные нападения, похищают людей с целью выкупа, обеспечивают «защиту» отдельных таджикских преступных групп. Однако свою преступную деятельность они в основном ведут на территории других субъектов РФ, т.е. производя внутреннюю криминальную миграцию.

Процессы криминальной миграции (внутренней и внешней) играют особую роль в детерминации рецидива насильственных преступлений, поскольку вызывают рост национальной и религиозной напряженности и нетерпимости в обществе. Криминальное насилие этнических групп умело маскируется под борьбу за национальные или религиозные интересы. Насильственными проявлениями этноорганизованной преступности являются похищение людей, совершение террористических актов, создание преступных вооруженных формирований по этническому признаку, распространение наемничества, специализация и профессионализация организованных этнических преступных группировок, участие в межнациональных конфликтах²⁶. По мере своего развития этноорганизованные преступные формирования трансформируются в транснациональные криминальные сообщества.

Рецидив насильственных преступлений взаимосвязан с криминальными процессами, происходящими в исправительных учрежде-

²³ Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. М., 2002. С. 179.

²⁴ Социальная работа по профилактике и преодолению насилия, агрессии в молодежной среде: материалы российско-германского семинара. М., 1996. С. 57.

²⁵ На фоне удерживаемого в Чеченской Республике низкого числа регистрируемых преступлений (в силу контроля над преступностью со стороны главы республики и чеченских кланов, сокрытия части преступлений от учета и т.д.) чеченские организованные преступные формирования вносят большой «вклад» в состоянии преступности в Москве, Московской области, приграничной Республике Дагестан.

²⁶ Собольников В.В. Этноорганизованная преступность: концепт, сущность деструктивности и соотношение с понятиями организованной и миграционной преступности // Академический вестник. 2012. № 1. С. 220.

ниях уголовно-исполнительной системы, т.е. с пенитенциарной преступностью. Преобладающая часть насильственных преступлений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы (в основном в отношении других осужденных, редко – в отношении представителей администрации исправительных учреждений), составляет специальный рецидив. Так, 61,4% осужденных, совершивших насильственные преступления в исправительном учреждении, отбывали наказание за совершение преступлений: против жизни (7,6%), здоровья (37,9 %) и половой свободы и половой неприкосновенности (15,9%)²⁷.

Кроме того, криминальное насилие (зачастую не регистрируемое как преступное), совершаемое в отношении осужденного представителями администрации или другими осужденными, перечеркивает исправительное воздействие лишения свободы на данную личность и, более того, создает криминогенную ситуацию для совершения им насильственного преступления как способа защиты в исправительном учреждении либо закрепляет в нем искаженные (социально-негативные) психологические и нравственные черты, повышающие опасность совершения постпенитенциарного насильственного рецидива.

Библиография:

1. Гишинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. – М., 2002.
2. Голоднюк М.Н., Зубкова В.И. Осужденные, отбывающие лишение свободы за преступления против личности. По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–18 ноября 2009 г. / под ред. В.И. Селиверстова. Вып. 10. – М., 2011.
3. Иншаков С.М. Криминология. – М., 2000.
4. Короткий Ф.В. Наемничество: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2009.
5. Криминология / под общ. ред. А.И. Долговой. – М., 2010.
6. Многократный рецидив преступлений / под ред. Ю.М. Антоняна. – Рязань, 2009.
7. Пенитенциарная криминология / под ред. Ю.М. Антоняна, А.Я. Гришко, А.П. Фильченко. – Рязань, 2009.
8. Римашевская Н.М. Бедность и маргинализация населения // Социологические исследования. – 2004. – № 4.
9. Собольников В.В. Этноорганизованная преступность: концепт, сущность деструктивности и соотношение с понятиями организованной и миграционной преступности // Академический вестник. – 2012. – № 1.
10. Социальная работа по профилактике и преодолению насилия, агрессии в молодежной среде: материалы российско-германского семинара. – М., 1996.
11. Тимонина И. В. Установление заказного характера убийства и использование моделей при его расследовании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2007.
12. Щербаков С. В. Рецидивная преступность: криминологическая характеристика и проблемы предупреждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.

References:

1. Gilinskii Ya.I. Kriminologiya: teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, sotsial'nyi kontrol'. – M., 2002
2. Golodnyuk M.N., Zubkova V.I. Osuzhdennye, otbyvayushchie lishenie svobody za prestupleniya protiv lichnosti. Po materialam spetsial'noi perepisi osuzhdennykh i lits, soderzhashchikhsya pod strazhei, 12–18 noyabrya 2009 g. / pod red. V.I. Seliverstova. Vyp. 10. – M., 2011.
3. Inshakov S.M. Kriminologiya. – M., 2000.
4. Korotkii F.V. Naemnichestvo: ugovovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Ekaterinburg, 2009.
5. Kriminologiya / pod obshch. red. A.I. Dolgovo. – M., 2010.
6. Mnogokratnyi retsidiv prestuplenii / pod red. Yu.M. Antonyana. – Ryazan', 2009.

²⁷ Пенитенциарная криминология / под ред. Ю.М. Антоняна, А.Я. Гришко, А.П. Фильченко. Рязань, 2009. С. 382.

7. Penitentsiarnaya kriminologiya / pod red. Yu.M. Antonyana, A.Ya. Grishko, A.P. Fil'chenko. – Ryazan', 2009.
8. Rimashevskaya N.M. Bednost' i marginalizatsiya naseleniya // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2004. – № 4.
9. Sobol'nikov V.V. Etnoorganizovannaya prestupnost': kontsept, sushchnost' destruktivnosti i sootnoshenie s ponyatiyami organizovannoi i migratsionnoi prestupnosti // Akademicheskii vestnik. – 2012. – № 1.
10. Sotsial'naya rabota po profilaktike i preodoleniyu nasiliya, agressii v molodezhnoi srede: materialy rossiisko-germanskogo seminarara. – M., 1996.
11. Timonina I.V. Ustanovlenie zakaznogo kharaktera ubiistva i ispol'zovanie modelei pri ego rassledovanii: avtoref. Dis. ... kand. Yurid. Nauk. – Saratov, 2007.
12. Shcherbakov S. V. Retsidivnaya prestupnost': kriminologicheskaya kharakteristika i problemy preduprezhdeniya: avtoref. Dis. ... kand. Yurid. Nauk. – M., 2009.

Материал поступил в редакцию 13 сентября 2013 г.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Г.А. Жолобова*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОВАРНЫХ СКЛАДОВ И ЭЛЕВАТОРОВ В РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.

Аннотация. В статье подняты актуальные проблемы организации хлебной торговли. Изучение архивных документов и анализ нормативных правовых актов Российской империи 1881–1913 гг., многие из которых впервые вводятся в научный оборот, позволили автору выявить историческую специфику первого опыта в создании механизма правового регулирования деятельности товарных складов. В работе показан процесс формирования системы норм, регулирующих отношения в сфере товарно-складочной и в первую очередь элеваторной деятельности; представлены мотивы и цели их принятия, особенности и трудности реализации. Неэффективность решения существовавших в этой сфере проблем с помощью рыночных механизмов приводила к поиску путей, ведущих к усилению государственного вмешательства в организацию хлебной торговли.

Ключевые слова: торговля; хлеб; зерно; закон; экспорт; классификация; сортировка; качество; надзор; элеватор; товарный склад; зернохранилище; ссуда; варрант; Государственный банк.

DOI: 10.7256/1729-5920.0.0.10223

В общем торговом балансе России второй половины XIX – начала XX вв. ведущая роль принадлежала торговле хлебом. Именно хлебная торговля имела непреходящее значение как основная отрасль российского экспорта и один из главных источников валютных поступлений для экономики страны со средним уровнем развития, обладающей при этом огромными пространствами и многочисленным крестьянским населением. Однако в 80-х гг. XIX в. под влиянием падения цен на хлеб наша торговля (преимущественно хлебная), а затем и промышленность были поставлены в затруднительное положение. Несмотря на развитие железнодорожной сети, отпуск российского

хлеба за границу заметно упал вследствие возросшего соперничества Северо-Американских Соединенных Штатов. Прекрасно оборудованная элеваторами Америка имела возможность предлагать свой хлеб на европейских рынках по ценам, более выгодным для покупателей, чем цены на русское зерно. По мнению министра финансов Н.Х. Бунге, причина такого положения заключалась не столько в условиях производства хлеба, сколько в отсутствии у нас правильной организации сбыта.

В тот же период из числа мер поддержки торгово-промышленных предприятий вообще и производителей хлеба в особенности Министерство финансов обратило внимание на

© Жолобова Галина Алексеевна

* Кандидат юридических наук, докторант кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

[galina-zholobova@mail.ru]

123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

расширение выдачи ссуд, обеспечиваемых товарами. С 1885 г. выдача ссуд под хлеб в зерне была организована конторами Государственного банка¹. Но трудность реализации этой меры вызывалась отсутствием в России обращения варрантов (т.е. свидетельств, выдаваемых товарными складами о приеме товара на хранение и дающих их владельцам право получить заем под залог указанного в варранте товара²), поскольку у нас не было оборудованных товарных складов.

Амбары и складочные помещения для хранения хлеба, существовавшие еще «в до-железнодорожном периоде», располагались главным образом вдали от железнодорожных станций конца XIX – начала XX вв. (на старых гужевых путях движения хлеба и около речных пристаней) и имели мало общего с элеваторами. При них не было никаких механических приспособлений; очистка, сортировка, просушка зерна и т.п. производились «упрощенными способами». Поэтому к исследуемому периоду они в большинстве своем оказались заброшенными или приспособленными для хранения других материалов. Развитие железных дорог и «разсеяние хлебной торговли, принесшее демократизацию этого строя торговли и громадное изменение в самых условиях сбыта зерна сельскими хозяевами, потребовало и совершенно иного характера оборудования хлебной торговли складочными помещениями. <...> При обязательстве для железных дорог принимать на склады все предъявленные к перевозке грузы и при недостатке складочных станционных помещений, оборудованных для хранения хлеба, вопрос о них особенно обострился и осложнился еще и вопросом о железнодорожных залежах, со всеми их губительными последствиями для хлебной производительности и торговли»³.

¹ Министерство финансов 1802–1902 гг. Ч. II. СПб., 1902. С. 238.

² Варрантная система к XIX в. получила широкое распространение «путем практики и обычая» в Англии, пионерами же в законодательном ее оформлении в 1848 г. стали Франция и Бельгия. Их примеру последовали Испания (в 1862 г.), Швейцария (в 1864 г.), Австрия (в 1866 г.). В России при разрешении устройства товарных складов в 1870-х гг. в отдельных уставах содержались правила для выдачи варрантов, но с ликвидацией обществ эти правила утратили силу // Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд 20 (Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов). Опись 4. Дело 4813. Лист 77. Записка об устройстве товарных складов и выдаче оными варрантов.

³ Лященко П.И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. Описательно-статистическое исследование. СПб., 1912. С. 585–587.

Таким образом, «элеваторный вопрос» превратился у нас прежде всего в вопрос об оборудовании зернохранилищами железных дорог как первых артерий товарного движения хлеба. Все более распространялось мнение, что хорошо оборудованные товарные склады должны обеспечить правильную организацию, призванную избавить хлебную торговлю от неравномерности выбрасывания зерна на рынок и обесценивания его плохим качеством⁴.

Попытки устройства оборудованных зернохранилищ элеваторного типа, предпринимаемые в начале 80-х гг. XIX в., не достигли большого успеха, что во многом объяснялось новизной этого дела и плохой осведомленностью о нем населения. Министр финансов Н.Х. Бунге предполагал, что с изданием закона, определяющего правила устройства товарных складов и выдачи ими варрантов, это дело получит бóльшее развитие⁵. Тогда на товарные склады Министерство финансов вообще возлагало большие надежды, считая, что «они правильной постановкой кредита облегчат тягостное положение безденежья, которое в то время было весьма чувствительно, устранят вынужденную продажу производителями товара в период невыгодных цен и уменьшат бремя громадных накладных расходов, объясняемых недостатком приспособлений по нагрузке, хранению и выгрузке товаров»⁶.

В ноябре 1883 г. Н.Х. Бунге внес в Государственный Совет представление и составленный на основе изучения иностранного законодательства⁷ проект правил о товарных

⁴ Орбинский Р. О хлебной торговле Соединенных Штатов Северной Америки. СПб., 1880. С. 147–148; Ковалевский В. Элеваторы и их значение для хлебной торговли // Труды Императорского Вольного Экономического Общества. Т. 3. СПб., 1883. С. 392–400; Гессен Н.Ю. Элеваторы и их роль в сельском хозяйстве и хлебной торговле в России. Одесса, 1895.

⁵ РГИА. Ф. 1287 (Хозяйственный Департамент МВД). Оп. 7. Д. 1730. Л. 15.

⁶ Министерство финансов 1802–1902 гг. Ч. II. СПб., 1902. С. 237.

⁷ Для изучения западного опыта в Бельгию был командирован действительный статский советник Н. Тур, который в 1884 г. представил записку о проблемах реализации на практике бельгийского закона о варрантах от 18 ноября 1862 г. К разработке российского закона был привлечен бывший профессор Гейдельбергского университета, директор Рейнского ипотечного Банка в Мангейме Necht. Агент Министерства финансов по мануфактурной части в Лондоне Г. Каменецкий составил донесения об английском опыте регулирования варрантной системы. Дополнительно были изучены французские законы о варрантах от 28 мая 1858 г. и 12 мая 1859 г., Базельский закон от 21 марта 1864 г., Венгерское Торговое Уложение 1875 г., Итальянское Торговое Уло-

складах⁸, в соответствии с которым, «дабы деятельность их получила надлежащее развитие и принесла ожидаемую от них пользу»⁹, кроме основных операций по хранению товаров и выдаче warrants, их предполагалось наделять правом производства страховой, транспортной, ссудной и комиссионной операций¹⁰. Проект был передан Государственным Секретарем на заключение министру юстиции. Последний высказал пожелание о сборе отзывов по этому предмету у биржевых комитетов. Последние, в свою очередь, одобрили это начинание. Их отзывы были рассмотрены в связи с проектом Положения о товарных складах в особой комиссии, состоявшей из чинов Министерства финансов и Министерства юстиции, при участии хлеботорговцев и лиц, знакомых с практикой «хлебного и складочного дела». На основании заключения комиссии и по аналогии с иностранным законодательством первоначальный проект Министерства финансов был переработан и в марте 1885 г. за подписями министров финансов и юстиции внесен в Государственный Совет¹¹. Дальнейшая переписка затянула окончательное решение вопроса на 3 года. Ввиду возражений со стороны некоторых ведомств и комитетов, полагавших более осторожным, «впредь до указаний опыта», ограничить деятельность складов лишь основной, составляющей их прямое назначение, товарно-складочной операцией, проект закона был изменен Министерством финансов и в конце 1887 г. вновь внесен «на уважение» Государственного Совета¹². Соответствующее мнение Государственного Совета¹³ получило Высочайшее утверждение 30 марта 1888 г.¹⁴

жение 1883 г. и др. // РГИА. Ф. 20. Оп. 5. Д. 714. Л. 2–9, 35–35 об., 68; РГИА. Ф. 1287. Оп. 7. Д. 1730. Л. 2–9 об, 93–96 об.; РГИА. Ф. 20. Оп. 15. Д. 321 Л. 11–12 об.

⁸ РГИА. Ф. 20. Оп. 5. Д. 714. Л. 69–69 об.; РГИА. Ф. 1287. Оп. 7. Д. 1730. Л. 2–20. Представление Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов от 26 ноября 1883 г. № 9260 «Относительно устройства товарных складов и выдачи оными warrants».

⁹ РГИА. Ф. 23 (Министерство торговли и промышленности). Оп. 9. Д. 94. Л. 15.

¹⁰ РГИА. Ф. 20. Оп. 4. Д. 4813. Л. 296 об. –297 об.

¹¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 7. Д. 1730. Л. 60–110.

¹² РГИА. Ф. 23. Оп. 9. Д. 94. Л. 15.

¹³ РГИА. Ф. 20. Оп. 4. Д. 2866. Л. 4–19. Выписка из журналов соединенных департаментов государственной экономики, законов и гражданских и духовных дел 4-го февраля и общего собрания 14 марта 1888 г. по рассмотрению представления Министерства финансов по проекту Положения о товарных складах.

¹⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (ПСЗ–III). Т. VIII. № 5099. Высочайшее

Согласно принятому Положению о товарных складах эти предприятия, создаваемые «для приема на хранение разного рода товаров, с выдачею документов для продажи и заклада этих товаров (складочных и закладных свидетельств)», могли учреждаться земствами, городскими, купеческими или биржевыми обществами, акционерными компаниями на основании их уставов, товариществами и отдельными лицами (ст. 5)¹⁵. Тем самым открывался широкий простор частному предпринимательству. Учреждение таких складов и их переуступка должны были производиться с разрешения министра финансов, который, в свою очередь, обязан был при учреждении складов земствами и городскими обществами согласовать это с министром внутренних дел. Железнодорожным предприятиям, согласно ст. 6 Положения, учреждать товарные склады разрешалось лишь «на основании особых условий, определяемых отдельно для каждого случая с Высочайшего соизволения, испрашиваемого чрез Комитет министров»¹⁶.

Положение подробно регламентировало операции, дозволенные товарным складам (ч. II). Согласно его ст. 11 товарные склады, кроме приема товаров на хранение, могли производить «по поручению товарохозяев следующие операции: а) выгрузку и нагрузку товаров, поступающих в склад или выпускаемых из оногo; б) перевозку товаров с ближайшей железнодорожной станции или судоходной пристани в склад или из склада на ближайшую станцию или пристань; в) сортировку, просушку, укупорку и взвешивание поступивших в склад товаров; г) очистку поступающих в склад товаров таможенными пошлинами в местной, по нахождению склада таможене; д) страхование поступающих в склад товаров в страховых обществах, от имени, за счет и по указанию товарохозяина; е) сдачу выпускаемых из склада товаров для перевозки по назначению, от имени и за счет товарохозяина»¹⁷.

утвержденное Положение о товарных складах. Мнение Государственного Совета, Высочайше утвержденное 30 марта 1888 года. С. 134–140.

¹⁵ Там же. С. 135.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 136.

21 мая 1891 г. последует разрешение такого же рода операций сельскохозяйственным обществам, с освобождением до 1 января 1897 г. устраиваемых ими товарных складов от уплаты торговых пошлин // ПСЗ–III. Т. XI. № 7708. 1891 г., мая 21 Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О предоставлении Обществам сельского хозяйства права на открытие товарных складов». С. 258.

При приеме товаров на хранение «складчиком» выдавались двойные (складочные и закладные) или простые свидетельства¹⁸ по образцам, утверждаемым министром финансов (ст. 20 Закона 1888 г.). При этом кредитные учреждения, предоставлявшие ссуды под товар (сами товарные склады не были наделены этим правом), могли выдавать ссуды и под документы складов о приеме товаров на хранение. Часть III Положения содержала нормы о порядке составления документов, выдаваемых товарными складами, и правах держателей этих документов.

Раздел II (содержащий 8 статей) посвящен деятельности складов для хранения товаров, подлежащих обезличению. Кроме общих положений, для них предусматривались следующие правила:

- 1) «обезличение товаров допускается не иначе, как по устройстве необходимых для сего специальных приспособлений» (ст. 48);
- 2) «обезличенные товары обязательно страхуются в страховых обществах от имени складов» (ст. 49);
- 3) «свидетельство, сверх указанных в статьях 23 принадлежностей, должно содержать в себе означение сорта товара» (ст. 50);
- 4) «по свидетельствам на обезличенный товар склады обязаны выдавать не тот самый товар, который был принят ими на хранение, а товар того же сорта» (ст. 51)¹⁹.

В отношении платежа торговых и иных пошлин и сборов товарные склады подчинялись общим правилам, установленным для торговых предприятий.

В 1888 г. Государственному Банку законом было временно (в течение трех лет) разрешено производить при посредстве железных дорог выдачу ссуд под залог хлебных грузов, а железным дорогам, сверх участия в ссудной операции, предоставлено право принимать заложенный хлеб на хранение в своих складах и продавать его по поручению

собственников²⁰. Через полгода, по представлению И.А. Вышнеградского, самим железным дорогам было разрешено выдавать ссуды под хлебные грузы из эксплуатационных средств или при посредничестве частных банков²¹. В дальнейшем действие этих положений неоднократно продлевалось²². В 1893 г. государство провело ряд дополнительных мероприятий, поощряющих торговлю хлебом: была облегчена выдача ссуд под хлеб из Государственного Банка как непосредственно, так и при посредничестве земств, железных дорог и частных банков; значительно понижены железнодорожные тарифы по перевозке хлебных грузов в некоторых направлениях; усилены закупки ржи для нужд военного ведомства и т.д.²³

Законом от 7 июня 1899 г.²⁴ возможности железных дорог в организации ссудной, складочной и комиссионной операций были расширены, а временные права, предоставленные железным дорогам прежними актами, становились постоянными. Исключительно железнодорожным складам по особому разрешению министра финансов, согласованному с министром путей сообщения и Государственным контролером, предоставлялось: «а) выдавать ссуды под хлебные грузы, а также под лен, пеньку, кудель, хлопок, рис, каменный уголь, каменную соль, шерсть, железо, чугун и сталь не в деле, масла конопляное, рап-

²⁰ ПСЗ–III. Т. VIII. № 5348. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 14 июня 1888 г. «О предоставлении Государственному Банку производить временно, при посредстве железных дорог, выдачу ссуд под залог хлебных грузов». С. 394 – 396.

²¹ ПСЗ–III. Т. IX. № 5727. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 24 января 1889 г. «О разрешении железным дорогам выдавать ссуды под хлебные грузы из эксплуатационных средств или при посредстве частных банков». С. 34.

²² ПСЗ–III. Т. XI. № 7813. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 11 июня 1891 г. «О продлении срока действия Правил о разрешении Государственному Банку и железным дорогам выдавать ссуды под хлебные грузы». С. 386–387; ПСЗ–III. Т. XIV. № 10770. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 6 июня 1894 г. «О продлении действия правил о выдаче Государственным Банком при посредстве железных дорог ссуд под хлебные грузы, а также о выдаче таких ссуд железными дорогами из эксплуатационных средств или при посредстве частных банков». С. 432.

²³ Министерство финансов 1802–1902 гг. Ч. II. СПб., 1902. С. 238.

²⁴ ПСЗ–III. Т. XIX. № 17124. Июня 7 1899 г. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О производстве железными дорогами ссудной, складочной и комиссионной операций». С. 679–683.

¹⁸ 17 июня 1910 г. был принят закон «Об изменении и дополнении действующих узаконений о товарных складах». По закону 1910 г., внесшему изменения в закон 1888 г. (№ 5099), принятие товара на хранение в складочное помещение без выдачи складочного и закладного свидетельств должно было удостоверяться квитанцией (ст. 1) // ПСЗ–III. Т. XXX. № 33797. С. 794.

¹⁹ ПСЗ–III. Т. VIII. № 5099. С. 140. По закону от 17 июня 1910 г. указание товаров, которые могут быть обезличиваемы, предоставлялось министру торговли и промышленности (разд. I. ст. 3) // ПСЗ–III. Т. XXX. № 33797. С. 794.

совое, горчичное, льняное и подсолнечное; б) принимать указанные в пункте а) грузы на хранение в устраиваемых или нанимаемых железными дорогами помещениях, а также в складах частных лиц, переданных в ведение дорог, и в) содержать специальные коммерческие комиссионные агентства для продажи по поручению отправителей хлебных грузов»²⁵. Такого рода агентства железные дороги могли учреждать не только в России, но и за границей. Причем на грузы, принимаемые на хранение, должны были выдаваться не складочные и закладные свидетельства, а копии с заявлений хозяина товара и удостоверения склада в приеме грузов²⁶. Законом подробно регламентировались отношения, связанные с производством железными дорогами ссудной, складочной и комиссионной операций.

Тем временем Закон о товарных складах 1888 г. не получил на практике широкого применения. Единичные предприятия, возникшие на его основе²⁷, не имели большого успеха и вынуждены были ходатайствовать о разрешении им, в виде исключения из положений закона, производить, кроме складочной, также ссудную и комиссионную операции. Подобные права, с присоединением в некоторых случаях страховой и транспортной операций, позже предоставлялись обществам товарных складов в законодательном порядке на осно-

вании особых Высочайше утвержденных мнений Государственного Совета²⁸.

На 1 января 1896 г., согласно официальным данным Министерства финансов, в России действовало 56 элеваторов, из которых 54 принадлежали железным дорогам, один (Елецкий) – местному земству и один (С.-Петербургский) частным лицам (Борейше и Максимовичу)²⁹.

Исторический опыт создания элеваторов в России свидетельствует, что назревшая потребность в товарных складах для организации хлебной торговли вызвала к жизни инициативу земских органов самоуправления и железнодорожных обществ.

Первый в России элеватор с товарным складом был сооружен в г. Ельце еще в 1887 г., т.е. до принятия закона от 30 марта 1888 г., на средства местного уездного земства и открыт

²⁵ Там же. С. 680.

²⁶ Лященко П.И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. С. 601.

²⁷ За все время действия Положения о товарных складах 1888 г. на его основании были учреждены следующие товарно-складочные предприятия: 1) товарные склады Назарова в г. Ташкенте; 2) склады Лапина в г. Ковно; 3) городские товарные склады в г. Потти; 4) склады Бененсона в Баку; 5) товарные склады Познанского в г. Лодзи; 6) элеватор Елецкого земства в г. Ельце; 7) элеватор Борейши и Максимовича в Петербурге; 8) городской элеватор в г. Риге. В 1890 г. в Москве было учреждено общество Московских товарных складов. Причем склады Назарова в Ташкенте и Лапина в Ковно вскоре приостановили действия «ввиду бездоходности предприятий»; Потийские городские склады за все время (с 1898 г.) принесли городу лишь убытки, а склады Бененсона в Баку и Познанского в Лодзи давали весьма незначительную прибыль. Остальные предприятия также оказались малоуспешными в своей деятельности // РГИА. Ф. 23. Оп. 9. Д. 94. Л. 15 об. – 16. Представление министра торговли и промышленности от 12 июня 1908 г. № 3255 в Государственную думу «Об изменении и дополнении действующего Положения о товарных складах (ст. 766–819 уст. торг.)». С. 30–31; РГИА. Ф. 1276 (Совет министров (1905–1917). Оп. 3. Д. 354 (1907 г.). Л. 18 об. – 19. Представление министра торговли и промышленности от 14 декабря 1907 г. № 6078 в Совет министров «Об изменении и дополнении действующего Положения о товарных складах (ст. 766–819 уст. торг.)». С. 30–31.

²⁸ 12 июня 1890 г. Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета был принят Устав Общества товарных складов, страхования и транспортирования товаров с выдачей ссуд, которому было предоставлено право производить все поименованные операции (ПСЗ–III. Т. X. № 6930. С. 512–526). 19 мая 1893 г. в законодательном порядке был Высочайше утвержден Устав Восточного общества товарных складов и транспортирования товаров, с выдачей ссуд, которому было разрешено производить товароскладочную, транспортную, комиссионную и ссудную операции (ПСЗ–III. Т. XIII. № 9626. С. 313–325), а впоследствии также и страховую, согласно Высочайше утвержденному 20 мая 1896 г. мнению Государственного Совета (ПСЗ–III. Т. XVI. № 12973. С. 463–467). В законодательном порядке подобные операции также было разрешено производить еще 8 юридическим лицам: Высочайше утвержденным 19 мая 1893 г. Уставом Российскому обществу морского, речного, сухопутного страхования и транспортирования кладей и товарных складов, с выдачей ссуд (ПСЗ–III. Т. XIII. № 9625. С. 299–313.); 23 мая 1896 г. – Обществу холодных складов (ПСЗ–III. Т. XVI. № 12996. С. 490–503.), которое, правда, не приступило к своей деятельности; 2 июня 1897 г. – Обществу С.-Петербургских портовых зерноподъемов и складов, образованному из предприятия Борейши и Максимовича (ПСЗ–III. Т. XVII. № 14239. С. 366–379.); 15 марта 1899 г. – Лодзинскому обществу товарных складов и страхования товаров, с выдачей ссуд (позже – Акционерное общество товарных складов «Варрант») (ПСЗ–III. Т. XIX. № 16611. С. 195–210.); 21 февраля 1900 г. – Западному обществу товарных складов, транспортирования и страхования товаров, с выдачей ссуд (ПСЗ–III. Т. XX. № 18183. С. 108–123.); 4 июня 1901 г. – Акционерному обществу «Гергард и Гей» транспортирования кладей и товарных складов, с выдачей ссуд (ПСЗ–III. Т. XXI. № 20257. С. 454–468.); 10 июня 1903 г. – Акционерному обществу «Бриннер и Кузнецов», загрузки и выгрузки судов в портах Дальнего Востока, транспортирования кладей и товарных складов (ПСЗ–III. Т. XXIII. № 23140. С. 753–768); 6 июня 1905 г. – Акционерному обществу одесских товарных складов с выдачей ссуд (ПСЗ–III. Т. XXV. № 26356. С. 418–431).

²⁹ РГИА. Ф. 20. Оп. 10. Д. 157. Л. 156.

в сентябре 1888 г.³⁰ Временные правила для надзора за ежегодной сортировкой хлеба в этом товарном складе были утверждены министром финансов 20 июля 1888 г.³¹ с предварительным (3 июля 1888 г.³²) введением на нем инспекции хлеба. По свидетельству П.И. Лященко, первые 10 лет элеватор был убыточен для земства, хотя и позволял делать «огромные сбережения» в самые трудные неурожайные годы. Однако «когда были упорядочены отношения элеватора к соседним дорогам, и в силу заключенных договоров элеватор был признан станцией сызрано-восточной и юго-восточных жел. дор., он начал и по-бухгалтерски становиться предприятием доходным»³³. Даже крупный пожар 8 июня 1908 г., в результате которого элеватор «сгорел дотла», не причинил земству больших убытков, так как и сам элеватор, и хранившийся там хлеб были застрахованы. 1 декабря 1910 г. построенный земством новый элеватор был объявлен открытым для приема местного и транзитного груза. Таким образом, Елецкий элеватор из земского постепенно превратился в чисто торговый.

В последующие годы элеваторы воздвигались преимущественно железными дорогами, причем, как показала Т. М. Китанина, открытие

большинства зернохранилищ приходилось на пятилетие 1893–1897 гг. Особенно широкий размах получило строительство элеваторов частными железнодорожными обществами.

В 1889 г. было разрешено открытие действия элеваторов на юго-западных железных дорогах³⁴. В нормативном правовом порядке вводились предельно допустимые нормы сборов с пуда хлебных грузов в этих зернохранилищах. При этом специально оговаривалось условие о сохранении за Правительством права выкупа в любое время элеваторов или зернохранилищ иного типа «за строительную стоимость, оставшуюся ко времени выкупа непогашенной с тем, чтобы, по полном погашении стоимости сооружения элеваторов, устройства сии, в случае перехода предприятия Общества Юго-Западных железных дорог в казну, подлежали передаче в казну наравне с прочим имуществом, составляющим неотъемлемую собственность дорог, т. е. без особой за них платы»³⁵. Впредь условие об оставлении за Правительством права выкупа элеваторов и зернохранилищ в казну, в зависимости от обстоятельств: или за полную строительную стоимость, или же за ее часть, оставшуюся ко времени выкупа непогашенной, — должно было оговариваться министром путей сообщения в представлениях Государственному Совету о разрешении железнодорожным обществам устройства элеваторов.

В начале 90-х гг. XIX в. сеть элеваторов была построена Рязанско-Уральской железной дорогой³⁶, Харьковско-Николаевской железной дорогой выстроен портовый элеватор в Николаеве³⁷. Высочайше утвержденным положением Комитета министров от 24 февраля 1891 г. на элеваторы и усовершенствованные зернохранилища обществ Юго-Западных и Рязанско-Козловской железных дорог, а также Харь-

³⁰ РГИА. Ф. 20. Оп. 4. Д. 2749. Об устройстве элеватора в г. Ельце.

³¹ ПСЗ–III. Т. VIII. Штаты и таблицы к № 5391. «Утвержденные 20 июля 1888 года министром финансов временные правила для надзора за сортировкой хлеба при товарном складе Елецкого уездного земства». С. 136–138.

Высочайше утвержденным положением Комитета министров от 3 июля 1890 г. эти правила были продлены «впредь до издания общих о сортировке хлеба при товарных складах постановлений, с сохранением за министром финансов права, в случае, могущей потребоваться, по ближайшим указаниям опыта, необходимости в изменении или дополнении сих правил, вводить таковые изменения или дополнения в действие собственной властью». ПСЗ–III. Т. X. № 7035. Июля 3 1890 г. Высочайше утвержденное положение Комитета министров «О продлении срока действия временных правил для надзора за сортировкой хлеба при товарном складе Елецкого уездного земства». С. 597; РГИА. Ф. 20. Оп. 4. Д. 2749. Л. 302. Представление министра финансов от 15 июня 1890 г. № 6167 в Комитет министров «О продлении срока действия временных правил для надзора за сортировкой хлеба при товарном складе Елецкого уездного земства».

³² ПСЗ–III. Т. VIII. № 5391. Июля 3 1888 г. Высочайше утвержденное положение Комитета министров «О разрешении, в виде временной меры, учредить инспекцию хлеба при товарном складе Елецкого уездного земства». С. 426.

³³ Лященко П.И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. С. 595.

³⁴ ПСЗ–III. Т. IX. № 6118. Июня 21 1889 г. Высочайше утвержденное мнение соединенных департаментов государственной экономики и гражданских и духовных дел Государственного Совета «Об устройстве элеваторов-зернохранилищ на девяти станциях Юго-Западных железных дорог в городе Одессе и об отчуждении земли, принадлежащей Одесскому городскому обществу». С. 349–351.

³⁵ Там же. С. 349.

³⁶ ПСЗ–III. Т. IX. № 6183. Июля 8 1889 г. Высочайше утвержденное мнение соединенных департаментов государственной экономики и гражданских и духовных дел Государственного Совета «О разрешении Обществу Рязанско-Козловской железной дороги устройства и эксплуатации железнодорожных ветвей к Данкову и Лебедяни, элеваторов в Лебедяни, Данкове, Ряжске и Козлове и подъездных путей к сим элеваторам». С. 399–403.

³⁷ Министерство финансов 1802–1902 гг. Ч. II. С. 238.

ково-Николаевскую железную дорогу было распространено действие Положения о товарных складах 1888 г. с оговоркой о действии условий, введенных актом от 21 июня 1889 г. (№ 6118)³⁸. Кроме того, для элеваторов Рязанско-Козловской железной дороги в городах Козлове, Ряжске, Данкове и Лебедяни были утверждены временные правила о надзоре за сортировкой хлеба, изданные для товарных складов в городах Ельце и С.-Петербурге³⁹. Актом от 6 января 1892 г. Положение 1888 г. распространялось и на сооружаемые в Ревельском порту магазин-элеватор и складочные помещения Балтийской железной дороги. При этом также оговаривалось сохранение за Правительством права выкупа в казну этих сооружений и устанавливались предельные размеры сборов за услуги элеваторов, введенные для Общества Юго-Западных железных дорог в Одессе актом от 21 июня 1889 г. (№ 6118)⁴⁰.

В конце 90-х гг. началось строительство зернохранилищ вдоль линии Пенза-Сердобской и Ртищево-Уральской железной дороги⁴¹. Летом 1902 г. была закончена постройка элеватора Московско-Виндавской железной дороги в Виндаве⁴², а 7 июня Высочайше утвержденным положением Комитета мини-

стров ему было предоставлено право выдачи двойных складочных свидетельств⁴³.

На рубеже веков русская железнодорожная сеть располагала 62 элеваторами и 198 зернохранилищами общей вместимостью 42,4 млн пуд.⁴⁴

Действующие правила железнодорожных элеваторов, находившихся в заведывании отдельных железнодорожных управлений, включали далеко не все из дозволенных законом операций. Так, по сведениям П.И. Лященко, обезличение было включено только в правила элеваторов рязанско-уральской железной дороги, только они отмечали сорт и качество зерна (остальные же помечали лишь количество и род принятого хлеба). На этих элеваторах сортировка хлеба производилась согласно классификации, устанавливаемой каждый год особым комитетом под председательством управляющего рязанско-уральской железной дороги. Выдача складочных и закладных свидетельств осуществлялась только элеваторами рязанско-уральской, ташкентской, самаро-златоустовской, московско-виндаво-рыбинской и южными железными дорогами (иные железнодорожные элеваторы выдавали простые квитанции)⁴⁵.

Менее активно в элеваторное дело проник частный капитал, не связанный с эксплуатацией железных дорог. 6 апреля и 20 ноября 1889 г. было разрешено открытие зерноподъемника, принадлежащего инженеру Борейше и Максимовичу при Санкт-Петербургском порте⁴⁶, с последующим предоставлением владельцам этого предприятия права принимать на себя оплату издержек за

³⁸ ПСЗ-III. Т. XI. № 7491. Февраля 24 1891 г. Высочайше утвержденное положение Комитета министров «О применении Положения о товарных складах к элеваторам и зернохранилищам, устраиваемым обществами железных дорог Юго-Западных и Рязанско-Козловской и казенной Харьковско-Николаевской железной дорогой». С. 85.

³⁹ ПСЗ-III. Т. XI. № 7492. Февраля 24 1891 г. Высочайше утвержденное положение Комитета министров «О правилах по надзору за сортировкой хлеба при элеваторах Рязанско-Козловской железной дороги в городах Козлове, Ряжске, Данкове и Лебедяни». С. 85.

⁴⁰ ПСЗ-III. Т. XII. № 8233. Января 6 1892 г. Высочайше утвержденное мнение Департамента государственной экономии Государственного Совета «О расходе на сооружение магазин-элеватора и складочных помещений Балтийской железной дороги на территории Ревельского порта». С. 12-13.

⁴¹ ПСЗ-III. Т. XIX. № 16720. Апреля 9 1899 г. Высочайше утвержденное положение Соединенного присутствия Комитета министров и Департамента государственной экономии Государственного Совета «Об определении строительной стоимости Пенза-Сердобского и Ртищево-Таволжанского участков Рязанско-Уральской железной дороги и расходов по сооружению в некоторых пунктах названных линий зернохранилищ». С. 270.

⁴² 3 мая 1902 г. Высочайшее утверждение получило Положение соединенного присутствия Комитета министров и Департамента государственной экономии Государственного Совета «О сроке окончания постройки элеватора, набережных и других устройств Московско-Виндавской железной дороги в Виндаве» // ПСЗ-III. Т. XXII. № 21386.

⁴³ ПСЗ-III. Т. XXII. № 21619. Июня 7 1902 г. Высочайше утвержденное положение Комитета министров «О предоставлении Виндавскому элеватору-зернохранилищу Общества Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги права выдачи двойных складочных свидетельств». С. 573-574.

⁴⁴ Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб., 2011. С. 209.

⁴⁵ Лященко П.И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. С. 593.

⁴⁶ Обзор деятельности Министерства финансов в царствование Императора Александра III (1881-1894). СПб., 1902. С. 443; РГИА. Ф. 1287. Оп. 7. Д. 2070. Л. 19-22. Выписка из журналов Комитета министров 7, 14 и 21 Марта и 4 и 11 Апреля 1889 г.; Там же: Л. 26-30 об. Временные правила для надзора за сортировкой хлеба при зерноподъемах, устроенных отставным действительным статским советником Борейшею и отставным надворным советником Максимовичем на южной дамбе С.-Петербургского морского канала, утвержденные министром финансов 20 ноября 1889 г.

провоз хлеба по железным дорогам⁴⁷ и исполнять комиссионные поручения по продаже сложенного в зерноподъемнике хлеба на основании утверждаемых министром финансов по соглашению с министром путей сообщения правил⁴⁸. 2 июня 1897 г. Акционерному обществу С.-Петербургских портовых зерноподъемов и складов, учрежденному инженерами действительным статским советником Петром Антоновичем Борейшей и коллежским советником Сергеем Павловичем Максимовичем, в законодательном порядке было предоставлено также право на «выдачу ссуд под заклад товаров, принятых обществом для транспортирования, на хранение и комиссию, а равно под выдаваемые Обществом складочные и закладные свидетельства»⁴⁹.

21 мая 1891 г. в Положение о товарных складах было внесено дополнение, в соответствии с которым право на учреждение товарных складов с выдачей складочных и закладных свидетельств предоставлялось и обществам сельского хозяйства, «с особого, каждый раз, разрешения министра финансов, по соглашению с министром государственных имуществ»⁵⁰. Поскольку подобные склады должны были создаваться в первую очередь с целью оказания поддержки непосредственным сельхозпроизводителям, закон временно освобождал такие склады от платежа торговых пошлин (до 1 января 1897 г.).

Поводом для дополнения закона стало ходатайство в 1890 г. Общества сельского хозяйства Юго-Восточной России, поддержанное Пензенским губернатором, о разрешении учреждения в г. Пензе склада сельскохозяйственных произведений (хлеба, шерсти и спирта) с выдачей складочных и закладных свидетельств, и об освобождении Общества от выборки торговых документов по его со-

держанию⁵¹. В связи с отсутствием в законе упоминания о праве на открытие подобных складов обществами сельских хозяев 4 марта 1891 г. министр финансов И. Вышнеградский испросил Высочайшее соизволение на внесение в Государственный Совет представления о разрешении обществам сельского хозяйства учреждать товарные склады с выдачей складочных и закладных свидетельств, и об их освобождении временно от торговых пошлин⁵². В мотивировочной части ходатайства министр финансов указывал, что «в видах восполнения нашему сельскому хозяйству и обеспечения более успешного сбыта произведений онаго, представлялось бы желательным привлечь сельскохозяйственные общества, наравне с земскими и другими учреждениями, к устройству товарных складов с выдачей складочных и закладных свидетельств...»⁵³. В представлении Государственному Совету от 7 марта 1891 г. № 2515 далее пояснялось, что это «дало бы сельским хозяевам возможность при низких ценах на их продукты помещать таковые в упомянутые склады и затем уже в качестве товарохозяев пользоваться кредитом, столь для них необходимым, с устранением спекулянтов и скупщиков, что имело бы существенное значение в особенности для мелких производителей»⁵⁴. Освобождение же от уплаты торговых пошлин мотивировалось тем, что открытие подобных складов предполагалось не с целью извлечения выгоды, а «исключительно для оказания поддержки хозяйству членов общества»⁵⁵, тем более, что Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета от 27 марта 1889 г. от платежа торговых пошлин были освобождены открываемые сельскохозяйственными обществами и земскими учреждениями склады для продажи земледельческих орудий и машин, а также посевных семян, искусственных удобрений и других сельскохозяйственных принадлежностей⁵⁶.

Самое большое и наилучшим образом оборудованное кооперативное зернохранилище в России было создано в 1904 г. при Алек-

⁴⁷ ПСЗ-III. Т. X. № 7032. Июля 3 1890 г. Высочайше утвержденное положение Комитета министров «О разрешении инженерам Борейше и Максимовичу принимать на себя оплату издержек за провоз хлеба по железным дорогам». С. 596.

⁴⁸ ПСЗ-III. Т. XI. № 7032. Июля 5 1891 г. Высочайше утвержденное положение Комитета министров «О предоставлении владельцам С.-Петербургского зерноподъема права исполнять комиссионные поручения по продаже сложенного в зерноподъеме хлеба». С. 512.

⁴⁹ ПСЗ-III. Т. XVII. № 14239. Высочайше утвержденный устав Общества С.-Петербургских портовых зерноподъемов и складов. Мнение Государственного Совета, Высочайше утвержденное 2 июня 1897 года. С. 366–379.

⁵⁰ ПСЗ-III. Т. XI. № 7708. Мая 21 1891 г. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О предоставлении обществам сельского хозяйства права на открытие товарных складов». С. 258.

⁵¹ РГИА. Ф. 20. Оп. 4. Д. 2955. Л. 1–1 об, 11–13.

⁵² РГИА. Ф. 20. Оп. 4. Д. 2955. Л. 16–16 об.

⁵³ Там же. Л. 16 об.

⁵⁴ Там же. Л. 19.

⁵⁵ Там же. Л. 18.

⁵⁶ ПСЗ-III. Т. IX. № 5877. Марта 27 1889 г. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об освобождении от торговых пошлин открываемых сельскохозяйственными обществами и земскими учреждениями складов для продажи земледельческих орудий». С. 117.

сеевском сельскохозяйственном обществе в Бузулукском уезде Самарской губернии. Оно начало свою работу на основании Положения 1888 г. и закона 1891 г. с правом выдачи складочных и закладных свидетельств и производства обезличения и классификации хлебов. В соответствии с ним 17 марта 1905 г. специально для Алексеевского элеватора были утверждены правила о принудительной продаже хлебного зерна, принятого на хранение, и введены утвержденные максимальные нормы естественной убыли действительного и натурального веса зерна. Согласно этим правилам «все принимаемые хлеба классифицируются по сортам, согласно установленному весу, по пурке и цвету хлеба, проходя предварительно через сортировку и, если нужно, то по заявлению владельца, обезличиваются»⁵⁷.

Таким образом, наряду с общим законом от 30 марта 1888 г., деятельность элеваторов регулировалась особыми для каждого склада нормами. При этом действие железнодорожных элеваторов должно было соотноситься с законами, относившимися к складочной операции на железных дорогах: от 14 июня 1888 г., 11 июня 1891 г., 6 июня 1894 г. и 7 июня 1899 г. Локальные нормативные акты, принятые для отдельных элеваторов, в существенной части были близки друг другу, отличаясь лишь некоторыми особенностями, вызванными местными условиями района действия. Элеваторы, применявшие при приеме зерна систему обезличения, были подчинены контролю хлебной инспекции, а сами условия и порядок сортировки поступавшего в них хлеба определены особыми правилами, схожими по своему содержанию. Такие локальные акты принимались как временные и вводились в действие «впредь до выработки общих правил для сортировки хлебов».

Опыт реализации закона 1888 г. с достаточной очевидностью показал, что в предначертанных Положением о товарных складах пределах товарно-складочное дело не может развиваться вследствие его нерентабельности. Решение проблемы путем повышения платы за хранение товаров не отвечало интересам самих складов, так как заставило бы многих товаровладельцев отказаться от их услуг. Идея навстречу торговому капиталу и учитывая 22-летний опыт работы товарных складов, был разработан закон «Об изменении и дополнении действующих узаконений о товарных складах», принятый в 1910 г. и су-

щественно расширивший круг операций товарно-складочных предприятий.

Им предоставлялось право транспортировать товары в Империи и за границу; страховать их за свой счет от огня и потерь как в пути, так и в местах хранения; исполнять коммиссионные поручения по продаже товаров и выдавать ссуды как под товары, так и под складочные и закладные свидетельства самих же складов. Закон 1910 г. предусмотрел подробные правила «о соединении содержания товарных складов с другими торговыми и промышленными предприятиями» (страховыми, коммиссионными, перевозочными, ссудными и т.п.), а также регламентировал отношения, возникающие в связи с осуществлением этих операций⁵⁸.

Эти изменения, во-первых, должны были дать возможность предпринимателям за счет прибыли от различных операций восполнять малую доходность хранения товаров; во-вторых, устранить повод для частных предпринимателей к организации параллельно со складочными предприятиями ссудных, транспортных, коммиссионных и других, формально – совершенно самостоятельных, но на деле являющихся отделениями складочного предприятия. Кроме того, предоставление возможности осуществления различных операций в одном предприятии оптимизировало затраты времени, сил и средств товаровладельцев.

В итоге на рубеже XIX–XX вв. была сформирована правовая база деятельности элеваторов и зернохранилищ, наделенных ко второму десятилетию XX в. правом на широкий круг операций, что призвано было способствовать обеспечению рентабельности, а в дальнейшем – и прибыли этих предприятий. Это, в свою очередь, должно было стимулировать предпринимателей к вложению своих капиталов (как частных и общественных, так и государственных) в дело, имеющее общенародное значение.

Нужно отметить, что зернохранилища все же не давали коммерческой выгоды в тех размерах, к которым в России привык крупный торговый капитал. Они могли принести пользу только при хорошем устройстве, обеспеченности машинами для погрузки и очистки зерна; при наличии надежных, хорошо оплачиваемых служащих, способных правильно

⁵⁸ ПСЗ–III. Т. XXX. № 33797. Июня 17 1910 г. Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственной думой закон «Об изменении и дополнении действующих узаконений о товарных складах». С. 794–797.

⁵⁷ Лященко П.И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. С. 599–600.

оценить качество зерна, классифицировать и обезличить его, к чему русская торговля не была достаточно подготовлена. А поскольку дело было новым, его доходность не представлялась очевидной, средства в это предприятие вкладывались неохотно. Государство также не отличалось оперативностью в решении «элеваторного вопроса», а казна – особой щедростью. Возможно, радикальное государственное решение проблемы тормозилось в какой-то мере и в силу субъективных причин, связанных с недооценкой и даже, как показала Т.М. Китанина, отрицательным отношением к проблеме элеваторов С. Ю. Витте⁵⁹. Бюрократическая волокита, сопровождаемая многочисленными обсуждениями проблемы, продолжалась десятилетиями, но не выливалась в государственную активность по ее практическому разрешению. Тем временем существующее количество товарных складов не отвечало потребностям обширного государства с преимущественным развитием сельскохозяйственного производства.

Вопрос об устройстве зернохранилищ с новой силой встал в 1910–1911 гг. После обильных урожаев 1909 и 1910 гг. Государственный Банк энергично развил ссудную под хлеб операцию, чем в значительной степени способствовал успешной реализации урожаев. Однако вследствие отсутствия зернохранилищ общего пользования порой он был вынужден оставлять хлеб на ответственном хранении самих заемщиков, со стороны которых часто встречались злоупотребления, делающие для Госбанка ссудную операцию весьма рискованной. Нередкими были случаи, когда заложенный хлеб поступал в продажу до погашения ссуды. Такие продажи, с одной стороны, сводили на нет значение выдачи ссуд, направленной на то, чтобы хлеб раньше времени не поступал на рынок, с другой стороны, представляли опасность для Государственного Банка, так как ссуда при этом уже не была обеспечена заложенным хлебом. Поэтому Банку приходилось быть очень осторожным при выдаче хлебных ссуд. Не имея своих зернохранилищ, он был вынужден обставлять выдачу ссуд сложными формальностями. Для оценки залога, а затем чтобы убедиться в его сохранности, командировались чиновники. Но такой порядок делал невозможным залог небольших партий, поскольку для мелких ссуд накладные расходы Банка, связанные с надзором, были слишком большими. Поэтому он не мог прийти на помощь мелкому производи-

телю. Ссуды же, выданные через посредников (например, через учреждения мелкого кредита), обходились значительно дороже. Учреждения мелкого кредита вынуждены были брать по ссудам 12% годовых, а Госбанк мог довольствоваться и небольшими процентами (позднее он взимал 4%⁶⁰).

По указанным причинам на очередь был поставлен вопрос о сооружении сети элеваторов и зернохранилищ средствами Государственного Банка. Сформированная к тому времени правовая база, включавшая принятый 17 июня 1910 г. закон, существенно расширивший операции товарных складов, тому благоприятствовала.

Ввиду общегосударственного значения вопроса 25 ноября 1910 г. заключение Госбанка было передано министром финансов на обсуждение в Совет министров⁶¹. Последний одобрил это предложение и уполномочил министра финансов привести в исполнение предложения Госбанка, подвергнув их предварительному обсуждению на местах. Особое внимание было обращено на необходимость привлечения к устройству зернохранилищ учреждений мелкого кредита.

Однако в Бюджетной комиссии при разработке сметы Особенной канцелярии по кредитной части на 1911 г. было поставлено под сомнение право Государственного Банка приступать к сооружению зернохранилищ без соответствующего дополнения своего Устава. Были высказаны опасения, что наличие в собственности Государственного Банка преобладающей части зернохранилищ в будущем поставит его в «лучшее положение в деле выдачи ссуд под хлеб по сравнению с частными банками и, по всей вероятности, принудит последние отказаться от этой операции, тогда как широкая деятельность частных банков в этой области безусловно желательна и необходима»⁶². В ответ министр финансов В.Н. Коковцов указал, что при отсутствии правильной организации хранения зерна попытка Государственного Банка хотя бы в скромных размерах пойти навстречу этой задаче должна быть встречена сочувственно, а не отрицательно.

Для выяснения условий сооружения

⁶⁰ Зернохранилища Государственного Банка. СПб., 1914. С. 7.

⁶¹ Лященко П.И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. С. 604.

⁶² Промышленность и торговля в законодательных учреждениях 1907–1912 гг. Доклад Совета съездов представителей промышленности и торговли VI очередному съезду. СПб., 1912. С. 341.

⁵⁹ Китанина Т.М. Указ. соч. С. 206–208.

сети зернохранилищ в декабре 1910 г. при центральном управлении Государственного Банка в Петербурге было создано особое совещание управляющих отделениями Банка из наиболее хлебородных районов России. Это совещание, «приняв во внимание, что одновременно оборудование всей страны зернохранилищами как по размерам связанных с этим затрат, так и по новизне дела представляется невыполнимым и что постройка единичных зернохранилищ в разных районах империи не могла бы принести никакой пользы, признало необходимым – начать дело сооружением сети зернохранилищ в одном каком-нибудь определенном районе»⁶³.

Выбор был сделан на основании следующих соображений. Ареал построек должен находиться в пределах Европейской России как производящей наибольшее количество хлеба, отличаться хлебородностью и значительным вывозом зерна к портам, но быть удаленным от портов. Наиболее удовлетворяющими этим условиям были признаны 8 юго-восточных губерний: Тамбовская, Воронежская, Пензенская, Симбирская, Самарская, Саратовская, Оренбургская и Уфимская, которым принадлежало свыше трети свободных излишков урожая всех губерний Европейской России (по статистическим данным за 1910 г. – 42% от всех излишков)⁶⁴. Кроме того, совещание управляющих имело в виду, что сельское население в районах юго-восточных губерний является более подготовленным к пользованию общественными зернохранилищами, вследствие сравнительного развития в местных учреждениях мелкого кредита залоговых под хлеб операций и постройки мелких зернохранилищ.

С марта по май 1911 г. при 14 отделениях Государственного Банка, расположенных в перечисленных губерниях, были созваны местные совещания из представителей общественных и правительственных организаций и сведущих лиц. Этими совещаниями, в состав которых вошли представители земств, городов, сельскохозяйственных обществ, биржевых и порайонных комитетов и учреждений мелкого кредита, были назначены пункты для сооружения как крупных, так и мелких зернохранилищ, их емкости, очереди постройки, а также обсуждены основные условия действия зернохранилищ.

Заключения местных совещаний обсуждались в Совете Государственного Банка в июне, сентябре и октябре 1911 г., когда решено было

начать постройку восьми элеваторов в Самарской губернии и пяти в Воронежской, а 3 августа 1912 г. была разрешена постройка еще 71 элеватора. Всего было решено построить 84 элеватора емкостью 58,8 млн пудов и предложено закончить эти постройки к урожаю 1916 г. Все намеченные 84 пункта являлись или железнодорожными станциями, или пристанями, ибо, по справедливому мнению некоторых из упомянутых местных совещаний, «скопление больших хлебных запасов в глубине земледельческих районов нежелательно, так как лишает население, пользующееся зернохранилищем, возможности быстрой реализации запасов, вследствие бездорожья»⁶⁵.

Значительно возросло и число товариществ, ведущих залоговые операции с хлебом. К концу 1911 г. их было 848, а к 1 мая 1913 г. – 1763 (15% от общего числа товариществ). Развитие этих операций уже само по себе вызвало потребность в товарищеских зернохранилищах, так как оставление хлеба у заемщиков не обеспечивало сохранность залога и к тому же не позволялось товариществам законом. Ввиду указанного значения зернохранилищ при учреждениях мелкого кредита за необходимость их устройства не-

⁶⁵ К 1914 г. уже были открыты и действовали следующие зернохранилища (элеваторы) Государственного Банка: 1) в Тамбовской губернии, при станции Грязи Юго-Восточных железных дорог, вместимостью 1 700 000 пудов; открыто 18 ноября 1912 г.; 2) в Воронежской губернии, при станции Валуки Юго-Восточных железных дорог, вместимостью 500 000 пудов (19 ноября 1912 г.); 3) в Самарской губернии, при станции Толкай Самаро-Златоустовской железной дороги, вместимостью 300 000 пудов (16 декабря 1912 г.); 4) в Самарской губернии, при станции Абдулино Самаро-Златоустовской железной дороги, вместимостью 700 000 пудов (10 марта 1913 г.); 5) в Воронежской губернии, при станции Таловая Юго-Восточных железных дорог, вместимостью 500 000 пудов (29 сентября 1913 г.); 6) в Воронежской губернии, при станции Лиски Юго-Восточных железных дорог, вместимостью 500 000 пудов (30 сентября 1913 г.); 7) в Самарской губернии, при станции Бугуруслан Самаро-Златоустовской железной дороги, вместимостью 600 000 пудов (15 октября 1913 г.); 8) в Самарской губернии, при станции Неприк Ташкентской железной дороги, вместимостью 300 000 пудов (21 ноября 1913 г.); 9) в Области Войска Донского, при станции Миллерово Юго-Восточных железных дорог, вместимостью 600 000 пудов (16 декабря 1913 г.); 10) в Тамбовской губернии, при станции Торбеево Московско-Казанской железной дороги, вместимостью 500 000 пудов (20 марта 1914 г.); 11) в Самарской губернии, при станции Богатое Ташкентской железной дороги, вместимостью 300 000 пудов (22 марта 1914 г.); 12) в Самарской губернии, при станции Сорочинская Юго-Восточной железной дороги, вместимостью 700 000 пудов (23 марта 1914 г.); 13) в Саратовской губернии, при станции Екатериновка Рязанско-Уральской железной дороги, вместимостью 500 000 пудов (15 мая 1914 г.) // Там же. С. 10–12.

⁶³ Зернохранилища Государственного Банка. СПб., 1914. С. 8.

⁶⁴ Там же. С. 9.

однократно высказывались на съездах представители многих организаций. Большинство товариществ вкладывали в постройку амбаров-зернохранилищ собственные капиталы, составленные из прибылей или специальных взносов своих членов. Для предоставления учреждениям мелкого кредита средств на постройку зернохранилищ была обращена часть средств государственных сберегательных касс, предоставленных на основании закона 1910 г. на дело мелкого кредита.

Согласно утвержденным министром финансов 1 марта 1911 г. Правилам о дополнительных ссудах в основные капиталы учреждений мелкого кредита указанные учреждения могли получать специальные ссуды на постройку зернохранилищ на срок до 20 лет под 5% годовых, причем погашение началось через четыре года на пятый и производилось ежегодными взносами. Из этого источника ссудами воспользовались к 1 мая 1913 г. 167 учреждений мелкого кредита в сумме 611 050 руб., а к 1 января 1914 г. – 240 товариществ в сумме 875 800 руб.⁶⁶

О числе выстроенных мелких зернохранилищ имеются подробные данные, относящиеся к маю 1913 г. По этим данным в собственности 460 товариществ находилось 498 зернохранилищ, емкостью 10 157 тыс. пудов. Сверх того, многими товариществами арендовались общественные или частные зернохранилища-амбары; таковых в 1911 г. было 155, емкостью 2062,7 тыс. пудов⁶⁷.

Сооружение зернохранилищ учреждениями мелкого кредита было желательно ввиду многочисленности последних, действующих в сельской местности. Таким путем удовлетворительно разрешился бы важный вопрос о надзоре за деятельностью мелких зернохранилищ и их связи с элеваторами Банка (они подлежали не только внутреннему контролю органов товарищества, но и ревизии инспекторов мелкого кредита, состоящих при конторах и отделениях Государственного Банка). Для оказания им технической помощи в 1912 г. Государственным Банком было выпущено специальное издание «Альбом зернохранилищ для учреждений мелкого кредита», содержащий в двух томах большого формата детальные чертежи, сметы и технические расчеты для нескольких типов зернохранилищ. Кроме того, в составе отдела зернохранилищ центрального управления Банка была образована особая часть для разработки и разреше-

ния вопросов как технического, так и общего характера, возникающих при сооружении зернохранилищ.

Во всех отделениях и конторах Государственного Банка, а также в казначействах юго-восточных губерний каждый желающий мог получить бесплатно небольшую книжку «Правила эксплуатации зернохранилищ Государственного Банка». В «Правилах» задачи зернохранилищ и круг их деятельности определялись следующим образом: «Сооружаемые Государственным Банком зернохранилища имеют целью способствовать устранению неблагоприятных для сельского хозяйства условий реализации урожая и улучшению общих условий внутренней и внешней хлебной торговли. В круг операций зернохранилищ входит:

- а) хранение зерна в обезличенном или необезличенном виде, как поступающего в залог по ссудам Государственного Банка, так и незакладываемого, и притом как с очисткой на аппаратах зернохранилищ, так и без очистки;
- б) выдача ссуд под складочные свидетельства на принятый на хранение хлеб (в размере 80% действительной стоимости до 3–5 тыс. руб. на одно лицо);
- в) прием зерна лишь для очистки и переработки на аппаратах зернохранилищ;
- г) классификация зерна по ежегодно устанавливаемым нормам;
- д) исполнение комиссионных поручений по продаже принятого на хранение зерна, как заложенного в Банк, так и незаложенного.

При приеме зерна на хранение зернохранилища выдают двойные складочные свидетельства, под которые учреждениями Государственного Банка могут быть представлены ссуды на основании ст. 108 и 112 Устава Банка.

На зерно, принимаемое лишь для очистки, переработки и немедленной отправки, зернохранилища выдают квитанции.

При отпуске зерна зернохранилища выдают особые удостоверения о его качестве»⁶⁸.

Для оборудования зернохранилищами и элеваторами русских портов Министерством торговли и промышленности была составлена предварительная программа, по которой предполагалось «во всех русских портах построить элеваторы общей вместимостью в 26,5 милл. пуд., оборудованных амбаров в 13,2 милл. пуд. и необорудованных амбаров в 3,6 милл. пуд., общей стоимостью в 23.640.000 руб. Программа эта обсуждалась в Совете по

⁶⁶ Там же. С. 18–19.

⁶⁷ Там же. С. 19.

⁶⁸ Там же. С. 20–21.

делам торгового мореплавания, коим была одобрена, причем признано было как общее положение, что оборудование портов элеваторами должно быть произведено средствами и распоряжением Казны»⁶⁹. Этот проект был представлен министром торговли и промышленности в Государственную Думу в виде предложения к смете Министерства на 1912 г.

Итак, можно констатировать, что дело строительства элеваторов сдвинулось с мертвой точки. Любой крестьянин, находясь в районе элеваторов Банка, имея один-два воза хлеба (но не менее 25 пудов) мог получить ссуду из Государственного Банка и продать свой хлеб через элеватор на крупных рынках, не прибегая к посредничеству скупщика. 1,5 года работы первых элеваторов показали, что клиентами этих зернохранилищ в большинстве являлись мелкие производители хлеба. Крестьяне, бравшие незначительные ссуды под залог 25–30 пудов хлеба, составляли 75% от общего числа клиентов. Причем иногда они привозили свой хлеб за 50–60 верст.

За время с поступления на рынок хлеба урожая 1913 г. и по 1 февраля 1914 г. средний размер партий поступившего зерна по всем действующим зернохранилищам Банка составил около 770 пудов. Средний же размер выданных ссуд под складочные свидетельства составил 487 руб., наименьшая же выданная ссуда – 12 руб.

Из всего поступившего в зернохранилища хлеба в Государственном Банке было заложено 62%. Очистке и переработке на машинах зернохранилищ подверглось 54%⁷⁰. Очистка зерна в зернохранилищах не являлась обязательной и производилась только по просьбе владельцев, указанный процент для первого года можно признать весьма высоким. Это позволяло надеяться, что в дальнейшем элеваторы будут иметь большое значение в улучшении качества русского хлеба и борьбы с его засоренностью, т.е. в разрешении, быть может, наиболее болезненного вопроса русской хлебной торговли⁷¹. Кроме того, постепенно устанавливалась связь между зерно-

хранилищами и кредитными товариществами, занимающимися залогом и посредническим сбытом хлеба, которые, доставляя в элеватор партии зерна и получая здесь ссуду, имели возможность быстрого и удобного возобновления своих оборотных средств.

Развитие комиссионной продажи зернохранилищами принятого на хранение зерна вначале несколько задерживалось малой осведомленностью населения об этой операции. Тем не менее элеваторам, находившимся в Самарской губернии, удалось выгодно продать до 35% всего поступившего в них хлеба, причем 29% – Интендантству.

Выполненные зернохранилищами заказы Интендантства вызвали большой интерес со стороны военного ведомства. И хотя начавшаяся вскоре война существенно нарушила намеченные темпы строительства товарных складов (к 1917 г. из запланированных 84 элеваторов вместимостью 58 млн пуд. силами Госбанка было введено в эксплуатацию лишь 47 элеваторов емкостью 29, 2 млн пуд.)⁷², приобретение хлеба для обеспечения продовольствием войска в зернохранилищах Банка имело немалое значение в условиях войны.

Изложенное позволяет констатировать, что в исследуемый период было положено начало делу огромного не только государственного, но и общенародного значения. Созданный в 1881–1913 гг. механизм правового регулирования позволял государству, вмешиваясь в частные договорные отношения в сфере хлебной торговли, решать задачи:

- 1) обеспечения продовольственной независимости государства⁷³;
- 2) борьбы с крайними формами спекуляции хлебом⁷⁴;
- 3) привлечения частных и общественных капиталов к развитию системы зернохранилищ и элеваторов.

Поощряя привлечение частного капитала к созданию элеваторов и зернохранилищ, государство при этом сохраняло за собой се-

⁷² Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. С. 223.

⁷³ Жолобова Г. А. Решение задач продовольственного обеспечения государства в российском механизме правового регулирования торговли хлебом на рубеже XIX – XX вв. // Национальная безопасность. 2013. № 2 (25). С. 341–346.

⁷⁴ Жолобова Г. А. Проблема посредничества в российской хлебной торговле 2-й половины XIX – начала XX вв. и правовые меры его ограничения // Административное и муниципальное право. 2013. № 3. С. 256–264.

⁶⁹ Промышленность и торговля в Законодательных учреждениях 1907–1912 гг. Доклад Совета Съездов представителей промышленности и торговли VI Очередному Съезду. СПб., 1912. С. 341–342.

⁷⁰ Зернохранилища Государственного Банка. СПб., 1914. С. 31.

⁷¹ Жолобова Г.А. Проблема обеспечения качества товарного хлеба в механизме правового регулирования российской торговли в конце XIX – начале XX веков // Административное и муниципальное право. 2013. № 5. С. 456–464.

резные рычаги вмешательства в их деятельность. Созданный механизм правового регулирования включал в себя:

- 1) строгий разрешительный порядок учреждения каждого зернохранилища;
- 2) тщательную регламентацию условий и порядка осуществления всех дозволенных им операций;
- 3) систему надзора за сортировкой хлеба и формирование хлебной инспекции;
- 4) предельные нормы сборов, осуществляемых в зернохранилищах за проведение тех или иных операций с зерном;
- 5) право Правительства на выкуп элеваторов и зернохранилищ в казну в любое время.

Расширение сети элеваторов средствами Государственного Банка в начале второго десятилетия XX в. прокладывало путь еще большего усиления государственного вмешательства в область хлебной торговли, дающий дополнительные возможности для решения важнейших задач:

- 1) продовольственного обеспечения государства, формирования государственных фондов и государственных резервов зер-

на для внутреннего потребления на случай неурожая;

- 2) улучшения качества товарного хлеба;
- 3) упорядочения его хранения и торговли;
- 4) упрощения ссудной под хлеб операции;
- 5) сокращения числа посредников, наживавшихся на спекуляции хлебом, а также ограничения их производства;
- 6) сбалансирования цен для производителей и потребителей этого важнейшего продукта первой необходимости.

В условиях исторической действительности, связанной с крайне низким уровнем организованности хлебной торговли, наличием огромного количества посредников, малой предприимчивостью и активностью на местах, производители хлеба уповали на поддержку государства. Русская буржуазия, требовавшая свободы предпринимательства, одновременно осознавала слабость своей экономической базы для правильной организации хлебной торговли. Поэтому именно этот путь оказался для всех наиболее приемлемым и наиболее безболезненным.

Библиография:

1. Гессен Н.Ю. Элеваторы и их роль в сельском хозяйстве и хлебной торговле в России. – Одесса, 1895.
2. Жолобова Г.А. Проблема посредничества в российской хлебной торговле второй половины XIX – начала XX вв. и правовые меры его ограничения // Административное и муниципальное право. – 2013. – № 3.
3. Жолобова Г.А. Решение задач продовольственного обеспечения государства в российском механизме правового регулирования торговли хлебом на рубеже XIX – XX вв. // Национальная безопасность. – 2013. – № 2 (25).
4. Жолобова Г.А. Проблема обеспечения качества товарного хлеба в механизме правового регулирования российской торговли в конце XIX – начале XX веков // Административное и муниципальное право. – 2013. – № 5.
5. Зернохранилища Государственного Банка. – СПб., 1914.
6. Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. – СПб., 2011.
7. Ковалевский В. Элеваторы и их значение для хлебной торговли // Труды Императорского Вольного Экономического Общества. – СПб., 1883. – Т. 3.
8. Лященко П.И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. Описательно-статистическое исследование. – СПб., 1912.
10. Орбинский Р. О хлебной торговле Соединенных Штатов Северной Америки. – СПб., 1880.

References:

1. Gessen N.Yu. Elevatory i ikh rol' v sel'skom khozyaistve i khlebnoi torgovle v Rossii. – Odessa, 1895.
2. Zholobova G.A. Problema posrednichestva v rossiiskoi khlebnoi torgovle 2-i poloviny XIX – nachala XX vv. i pravovye mery ego ogranicheniya // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. – 2013. – № 3.
3. Zholobova G.A. Reshenie zadach prodovol'stvennogo obespecheniya gosudarstva v rossiiskom mekhanizme pravovogo regulirovaniya torgovli khlebom na rubezhe XIX–XX vv. // Natsional'naya bezopasnost'. – 2013. – № 2 (25).

4. Zholobova G.A. Problema obespecheniya kachestva tovarnogo khleba v mekhanizme pravovogo regulirovaniya rossiiskoi trgovli v kontse XIX – nachale XX vekov // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. – 2013. – № 5.
5. Zernokhranilishcha Gosudarstvennogo Banka. – SPb., 1914.
6. Kitanina T.M. Khlebnaya trgovlya Rossii v kontse XIX – nachale XX veka. Strategiya vyzhivaniya, modernizatsionnye protsessy, pravitel'stvennaya politika. – SPb., 2011.
7. Kovalevskii V. Elevatory i ikh znachenie dlya khlebnoi trgovli // Trudy Imperatorskogo Vol'nogo Ekonomicheskogo Obshchestva. – SPb., 1883. – T. 3.
8. Lyashchenko P.I. Khlebnaya trgovlya na vnutrennikh rynkakh Evropeiskoi Rossii. Opisatel'no-statisticheskoe issledovanie. – SPb., 1912.
9. Ministerstvo Finansov 1802–1902 g. Ch. II. – SPb., 1902.
10. Orbinskii R. O khlebnoi trgovle Soedinennykh Shtatov Severnoi Ameriki. – SPb., 1880.

Материал поступил в редакцию 13 ноября 2013 г.

НАУЧНОЕ СООБЩЕНИЕ

А.В. Саленко*, Ж.В. Глотова**

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВ: ОПЫТ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Аннотация: В статье анализируется опыт Европейского Союза в отношении правового регулирования порядка использования официальных и рабочих языков, а также изучается лингвистическая (языковая) политика ЕС по отношению к прочим языкам – например, региональным языкам, языкам меньшинств, а также иностранным языкам мигрантов, проживающих на территории Европейского Союза. На основании проведенного в работе исследования сделаны выводы и предложения по совершенствованию сотрудничества России и Европейского Союза, в частности в рамках проектов приграничного сотрудничества в Калининградской области. Авторами статьи предлагается внедрять опыт Европейского Союза по поддержке изучения иностранных языков. Подобная практика возможна в провинциальных школьных учебных заведениях Калининградской области, где в порядке эксперимента следует предлагать для изучения литовский и польский языки. Данные языковые знания будут востребованы и могут быть реализованы как учениками, так и их учителями в повседневной жизни в приграничных районах Калининградской области.

Ключевые слова: Калининградская область, глобализация, преподавание языка, трансграничное сотрудничество, мультилингвизм, двуязычие, Европейский Союз, Россия, языковая политика, правовое регулирование.

DOI: 10.7256/1729-5920.0.0.9830

Введение

В настоящее время официальными и рабочими языками Европейского Союза (*official and working languages*) являются двадцать три национальных языка: английский, болгарский, венгерский, греческий, датский, ирландский, испанский, итальянский, латышский, литовский, мальтийский, немецкий, нидерландский, польский, португальский, румынский, словацкий, словенский, финский, французский, чешский, шведский и эстонский языки. В 1958 году в рамках Европейского сообщества появилось первичное правовое регулирование

(*Community Regulation*), определяющее официальные языки Европейского сообщества¹. В тот момент в качестве официальных (рабочих) языков Сообщества были провозглашены: итальянский, немецкий, нидерландский и французский языки. С увеличением числа государств-членов ЕС росло и количество официальных (рабочих) языков ЕС. Однако сегодня общее число официальных языков ЕС не совпадает с числом государств-членов

¹ Richard L. Creech, «Law and Language in the European Union: The Paradox of a Babel 'United in Diversity'» (Europa Law Publishing: Groningen, 2005).

© Саленко Александр Владимирович

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права Балтийского федерального университета имени И. Канта
[alexander.salenko@gmail.com]

236041, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14.

© Глотова Жанна Владимировна

** Доктор педагогических наук, доцент кафедры иностранного языка для профессиональных целей Балтийского федерального университета имени И. Канта
[glotova_hanna@mail.ru]

236041, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14.

ЕС. Так, например, в Бельгии в качестве государственных языков используются немецкий, нидерландский и французский языки; на Кипре государственным языком является греческий. В силу этого число официальных языков Европейского Союза меньше общего числа государств–членов ЕС².

Следует отметить два главных аспекта правового статуса «официальных и рабочих языков» Европейского Союза: во-первых, любые документы могут быть направлены в учреждения Европейского Союза, а также ответы на них могут быть подготовлены на любом из этих языков; во-вторых, правовые акты Европейского Союза издаются на всех официальных и рабочих языках. Конечно, принимая во внимание временные и бюджетные затраты, рабочая документация Европейского Союза не в полном объеме переводится на все официальные и рабочие языки ЕС. Европейская комиссия использует главным образом английский, немецкий и французский языки в качестве процедурных языков (*procedural languages*), в то время как Европейский парламент обеспечивает перевод согласно потребностям его участников.

Единство в многообразии: использование языков в Европейском Союзе

В рамках Европейского Союза фактически на официальном уровне принцип многообразия был провозглашён неотъемлемым элементом идентичности современной Европы (*Diversity – the Identity of Europe*). Европейский Союз отличает большое разнообразие языков и культур, сосредоточенных в пределах его границ. Общий культурный фон Европы и отдельных европейских государств формируется за счёт всех населяющих Европу народов – отдельных коренных национальностей, региональных европейских меньшинств, а также за счёт большого числа мигрантов и их языков. Каждый отдельный язык отражает особый образ мыслей, несёт историческую память, литературное наследие и представляет собой основу национально-культурной идентичности в современной Европе³.

Современный Европейский Союз столкнулся с многочисленными вызовами: глобализация, стремительный технический прогресс, а также старение населения. За последние годы значительно возросла мобильность европейцев. В настоящее время около десяти миллионов европейцев работают в других государствах–членах ЕС. Увеличивается взаимодействие между людьми из разных стран. Работа и проживание за пределами родной страны превращается в обычную повседневную практику. В настоящий момент в Европейском Союзе проживают около 500 миллионов граждан, 28 государств–членов, в рамках ЕС используются 3 алфавита и 23 официальных языка, некоторые из языков имеют глобальное распространение. Приблизительно шестьдесят других языков представляют часть общего культурного наследия ЕС в качестве региональных языков или языков национальных меньшинств (*regional and minority languages*). Кроме того, иммигранты принесли вместе с собой широкий диапазон прочих языков: предполагается, что в рамках современного Европейского Союза присутствует около 175 национальностей⁴. Каждый из этих языков провозглашается в рамках Европейского Союза частью общего европейского исторического и культурного наследия. Таким образом, с учётом всех этих обстоятельств жизнь современных европейцев стала более международной, мобильной и более многоязычной.

Принимая во внимания все эти обстоятельства, в 2008 Европейская комиссия приняла важный документ – новую стратегию языков в Европе: «Многоязычие (мультилингвизм): выгода для Европы и общее обязательство»⁵. Данный документ закрепляет основы гармоничного сосуществования множества языков в Европе, а также подтверждает приверженность Европейского Союза к защите и развитию региональных языков и языков национальных меньшинств. В этом документе лингвистическое разнообразие (*linguistic diversity*) провозглашается источником выгоды и богатства, а также ресурсом развития государств–членов Европейского Союза.

² P. Franklin et al., Languages and Cultures in Europe (LACE) http://ec.europa.eu/education/policies/lang/key/studies_en.html

³ Johan Häggman. Multilingualism and the European Union. *Europäisches Journal für Minderheitenfragen (EJM)* 4 (2010) 2: 191–195.

⁴ Eurostat, Europe in Figures: Eurostat Yearbook 2006–2007, Luxembourg 2007.

⁵ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions – Multilingualism: an asset for Europe and a shared commitment SEC(2008) 2443, SEC(2008) 2444, SEC(2008) 2445.

Политика государств–членов ЕС по поддержке многоязычия

Главная цель современной лингвистической политики Европейского Союза заключается в том, чтобы у граждан ЕС сложилось понимание ценности лингвистического (языкового) разнообразия и возможностей, которые оно им предоставляет. Современный Европейский Союз стремится поощрять преодоление существующих языковых барьеров для межкультурного диалога. В этой связи в новой стратегии языков в Европе закрепляется необходимость развития способностей людей к изучению и использованию нескольких языков, чтобы обеспечить возможность доступа к культуре и активному участию в общественной жизни любого государства–члена ЕС. Согласно документам ЕС следует извлекать выгоду из современных способов коммуникации между людьми, а также возросших возможностей для занятости и деловых контактов. При этом в качестве ключевого инструмента для достижения вышеуказанных целей рассматривается *коммуникация на родном языке плюс два иностранных языка*. В этой связи, по мнению европейских политиков, необходимо приложить еще больше усилий для достижения этой амбициозной цели еще большим числом граждан Европейского Союза.

В свое время Европейская комиссия приняла документ о европейском сотрудничестве между школами⁶. В рамках данного документа была признана ключевая роль учителей в улучшении языковых знаний и навыков межкультурного общения и воспитания среди европейцев многоязычия. В частности, Европейская комиссия призывала государства–члены Европейского Союза всячески мотивировать и разрешать учителям провести определённое время на стажировке за границей. Данная зарубежная стажировка рассматривается в качестве важного средства для улучшения языковых навыков как самого учителя, так и в последующем у обучаемых. По мнению Европейской комиссии, академическая мобильность учителей школы и высших учебных заведений европейских стран всё ещё находится на низком уровне. К этому есть ряд причин: трудности в самостоятельной организации и последующего признания зарубежной стажировки в родном учреждении, нехватка карьерных стимулов или даже наличие прямых препятствий к выезду на стажировку, и,

наконец, отсутствие работающих механизмов двусторонних и многосторонних обменов преподавателями иностранных языков.

В качестве основного вектора европейской языковой политики последнего десятилетия можно обозначить всё большее внедрение модели обучения иностранным языкам в учреждениях начального образования. При этом задача среднего образования состоит в том, чтобы закрепить и существенно расширить языковые знания обучаемых, которые были ими получены в рамках начального образования. При этом отмечается, что проблемой государств–членов ЕС всё ещё является то, что во многих учебных заведениях преподавание иностранных языков доверено лицам, которые часто не способны к активной коммуникации на иностранном языке. Отсюда и архаичные методы преподавания, которые прежде всего сосредоточены на изучении теории языка (грамматики), а не направлены на практику реальной коммуникации на иностранном языке. В связи с вышеуказанными обстоятельствами Европейская комиссия в качестве стратегических целей определила использование специальных программ Европейского Союза для поддержки обучения и изучения еще большего количества языков посредством изучения языков на протяжении всей человеческой жизни (*lifelong learning*), улучшения мобильности учителей и обучаемых, развития современного языкового образования, улучшения сотрудничества между европейскими школами и развития научных исследований инновационных методов преподавания иностранных языков, приспособленных к различным целевым аудиториям.

В качестве позитивного примера практической реализации лингвистической политики Европейского Союза можно привести проект «*Truck Speak*», который был организован в рамках программы «Леонардо да Винчи». В рамках проекта внедрялась система профессионального обучения (дополнительного профессионального образования) водителей-дальнобойщиков. Водители грузовиков во время работы приобретали или совершенствовали свои профессиональные языковые знания. Для этой цели был разработан комплект инструментов – языковой курс на компакт-дисках, позволяющий во время работы (за рулём грузовика) слушать и привыкать к новым иностранным языкам, необходимым водителям в повседневной профессиональной жизни.

Другой пример положительной практики – «*Learning while Travelling project*», который

⁶ COM (2008) 425, Improving competences for the 21st Century: An Agenda for European Cooperation on Schools.

финансировался в рамках «*Socrates-Lingua programme*». Проект был реализован в Литве, где в туристических и рейсовых автобусах, курсирующих по всей стране, воспроизводились полезные фразы на литовском, польском и английском языках. Проект был настолько успешен, что в последствии он был реализован и в других странах Европейского Союза⁷.

Заключение

Европейская лингвистическая политика весьма разнообразна и она имеет различные аспекты: академические, научные, экономические, правовые, социальные, культурные и прочие. Важно отметить её важное проявление именно в пограничных районах Европейского Союза. В данных районах реализуется стратегическая цель – продвижение изучения языка соседа и поддержка билингвизма (двуязычия). В рамках Европейского Союза могут быть названы следующие позитивные примеры лингвистического трансграничного сотрудничества: на немецко-датской, итальянско-немецкой, бельгийско-немецкой, шведско-финской, а также на португальско-испанской границах. Двусторонние контакты и инициативы, которые охватывают эти границы, являются основой лингвистического разнообразия, а также реальных проектов трансграничного сотрудничества. В этом отношении

мы можем использовать данную аналогию для развития трансграничного сотрудничества между Россией и Европейским Союзом, в частности, востребованными являются проекты по развитию двуязычия в пограничных регионах в Калининградской области – например, в населённых пунктах, расположенных в непосредственной близости Литвы и Польши. Вне всякого сомнения подобные проекты востребованы и в других российских регионах, например в Ленинградской и Псковской областях, которые также находятся в непосредственной близости от границ Европейского Союза. Представляется целесообразным внедрять на взаимной основе изучение в рамках школьной программы языков государств-соседей соответствующих субъектов Российской Федерации. К сожалению, в настоящий момент реальная возможность изучения литовского или польского языка в провинциальных школьных учебных заведениях Калининградской области фактически отсутствует, несмотря на тот факт, что данные языковые знания востребованы и могут быть реализованы в повседневной жизни как учениками, так и их учителями. Однако будем всё же надеяться на то, что с развитием режима малого приграничного передвижения в Калининградской области будет также развиваться лингвистическое образование в начальных и средних школах пограничных регионов самого западного субъекта Российской Федерации.

Библиография:

1. Eurostat, Europe in Figures: Eurostat Yearbook 2006-2007, Luxembourg 2007.
2. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions-Multilingualism: an asset for Europe and a shared commitment SEC(2008) 2443, SEC(2008) 2444, SEC(2008) 2445.
3. COM (2008) 425, Improving competences for the 21st Century: An Agenda for European Cooperation on Schools.
4. P. Franklin et al., Languages and Cultures in Europe (LACE) http://ec.europa.eu/education/policies/lang/key/studies_en.html
5. Johan Häggman. Multilingualism and the European Union. *Europäisches Journal für Minderheitenfragen (EJM)* 4 (2010) 2: 191–195.
6. Leonard Orban. «Multilingualism is in the genetic code of the Union». Materials of the Meeting with the Culture Committee. Brussels, 27 February 2007.
7. Richard L. Creech, «Law and Language in the European Union: The Paradox of a Babel 'United in Diversity'» (Europa Law Publishing: Groningen, 2005).
8. Павлов П.В. Приграничная торговля как часть приграничного сотрудничества России с иностранными государствами: проблемы административно-правового регулирования // *NB: Административное право и практика администрирования*. – 2013. – 2. – С. 1 – 71. URL: http://www.e-notabene.ru/al/article_607.html

⁷ Leonard Orban. «Multilingualism is in the genetic code of the Union». Materials of the Meeting with the Culture Committee. Brussels, 27 February 2007.

References:

1. Eurostat, Europe in Figures: Eurostat Yearbook 2006-2007, Luxembourg 2007.
2. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions-Multilingualism: an asset for Europe and a shared commitment SEC(2008) 2443, SEC(2008) 2444, SEC(2008) 2445.
3. COM (2008) 425, Improving competences for the 21st Century: An Agenda for European Cooperation on Schools.
4. P. Franklin et al., Languages and Cultures in Europe (LACE) http://ec.europa.eu/education/policies/lang/key/studies_en.html
5. Johan Häggman. Multilingualism and the European Union. Europäische Journal für Minderheitenfragen (EJM) 4 (2010) 2: 191–195.
6. Leonard Orban. «Multilingualism is in the genetic code of the Union». Materials of the Meeting with the Culture Committee. Brussels, 27 February 2007.
7. Richard L. Creech, «Law and Language in the European Union: The Paradox of a Babel 'United in Diversity'» (Europa Law Publishing: Groningen, 2005).
8. Pavlov P.V. Prigranichnaya trgovlya kak chast' prigranichnogo sotrudnichestva Rossii s inostrannymi gosudarstvami: problemy administrativno-pravovogo regulirovaniya // NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya. – 2013. – 2. – С. 1 – 71. URL: http://www.e-notabene.ru/al/article_607.html

Материал поступил в редакцию 8 октября 2013 г.

А.Н. Приженникова*, В.А. Баранов**

АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В СИСТЕМЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. Российская Федерация является членом ООН и членом Совета Европы, приняла юрисдикцию Европейского суда по правам человека. В связи с этим формирование административной юстиции в России тесно связано с реализацией основных принципов и международных стандартов административного судопроизводства. Соотношение национального и международного права в сфере защиты прав, свобод и законных интересов граждан, гармонизация национальных норм и международных стандартов административного правосудия – важнейшие темы, требующие серьезного рассмотрения. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации» предусматривает создание в системе федеральных судов общей юрисдикции специализированных федеральных судов по рассмотрению административных дел (ст. 26). Административное судопроизводство предусмотрено ст. 118 Конституции РФ в качестве самостоятельной формы отправления судебной власти. В настоящее время разрабатывается новый проект Федерального закона «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации», который был внесен на рассмотрение в Госдуму 28 марта 2013 г. и должен вступить в силу в 2014 г. Положения нового кодекса не будут распространяться на производство по делам об административных правонарушениях, а также не предусматривается распространения действия на арбитражные суды. Административное судопроизводство регламентируется тремя кодексами; в этом изобилии процессуальных норм и особенностей рассмотрения административных дел в данных отраслях права запутаться очень просто. Сейчас возникает такая же ситуация: административное судопроизводство будет регулироваться также несколькими кодексами. Это не способствует целостности и концептуальной завершенности, созданию рационального механизма правового регулирования этого вида судопроизводства, не приведет к единообразию судебной практики по административным делам, что нарушает требование Конституции РФ о равенстве всех перед законом и судом.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство; конституционное судопроизводство; судопроизводство; правосудие; судебная система; судебная власть; административное судопроизводство; арбитражный суд; специализированные суды; уголовное судопроизводство.

DOI: 10.7256/1729-5920.0.0.10155

Прежде чем раскроем понятие административного судопроизводства, считаем необходимым рассмотреть соотношение понятий «судопроизводство» и «судебная власть». Так, судопроизводство –

форма или способ реализации судебной власти. В более узком смысле под судопроизводством понимают порядок рассмотрения дел судами. В соответствии со ст. 118 Конституции РФ судебная власть осуществляется

© Приженникова Алена Николаевна

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса Финансового университета при Правительстве РФ
[alenaprizhen@mail.ru]

125993, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49.

© Баранов Виктор Алексеевич

** Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса Финансового университета при Правительстве РФ
[bvagol@yandex.ru]

125993, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49.

посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Судопроизводство основано на состязательности и равноправии сторон. В качестве судопроизводства определяется и сама деятельность судебных органов, связанная с разрешением конкретного дела по существу и вынесением соответствующего судебного акта. В буквальном значении судопроизводство определяется как совокупность процессуальных норм, определяющих порядок деятельности при отправлении правосудия, права участников процесса, гарантии их прав, общие положения (принципы) построения данной отрасли права и т.д.¹

Что есть судебная власть? Это:

- частный случай проявления власти вообще, одна из форм публичной государственной власти, средство всеобщей связи для общества;
- присутствие в симбиозе властеотношений народа, так как само существование судебной власти вне рамок народа совершенно невозможно;
- субъект, осуществляющий отправление судебной власти от имени государства, адресует свои приказы объекту – к самим гражданам, сопровождаемые в обязательном порядке угрозой применения негативных санкций в случае неповиновения;
- подчинение граждан субъекту, т.е. фактически господствующему в нем мнению, есть подчинение воле осуществляющего власть субъекта; на практике это подчинение суду;
- наличие правовых норм, устанавливающих, что отдающий приказы субъект – суд имеет на это право, а объект – граждане обязаны подчиняться его приказам².

Приведены общие положения для понимания судебной власти. Ее также характеризуют как: «образующую систему подчиненных закону органов»³; «систему судебных органов государства, осуществляющих правосудие»⁴; «деятельность по рассмотрению судебных дел... предоставленные судам властные полномочия... возможность и способность

суда воздействовать на поведение людей и социальные процессы»⁵; «обеспечение исполнения приговоров и иных судебных актов в деятельности судебных сообществ, организационного обеспечения деятельности судов и участия в совершенствовании законодательства с использованием права законодательной инициативы»⁶ и т.д.

Главная цель судебной власти – содействовать гражданам, их объединениям, включая экономические образования, государственным и общественным институтам в реализации прав и защите законных интересов.

Судебная власть обладает специфическими признаками, которые отличают ее от других ветвей власти:

- 1) осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 118 Конституции РФ);
- 2) реализуется специально созданными государственными органами – судами, которые образуют единую судебную систему. Суд – независимый государственный орган, который осуществляет правосудие в целях установления истины, восстановления справедливости, разрешения споров и справедливого наказания виновных лиц в форме, установленной законом;
- 3) органы судебной власти самостоятельны, их решения не могут быть пересмотрены органами других ветвей власти;
- 4) действует на основании принципов самостоятельности, справедливого, независимого, объективного и беспристрастного правосудия (ст. 10, 120 Конституции РФ). Принципы судебной власти – юридическая гарантия ее эффективного функционирования в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, его законных интересов;
- 5) характеризуется особым статусом должностных лиц – судей.

Судьи независимы и подчиняются Конституции РФ, закону и в своей деятельности по осуществлению правосудия никому не подотчетны. Они выполняют публичную функцию не только осуществляя правосудие, разрешая конкретные дела, но и обеспечивают эффективный контроль за качеством правосудия по отношению к нижестоящим судам.

¹ Российская юридическая энциклопедия. М., 1999. С. 951.

² Матякин Е.Е. Понятие судебной власти: постановка проблемы // Общество и право. 2011. № 3.

³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1. С. 158.

⁴ Советский энциклопедический словарь. М., 1987. С. 1287.

⁵ Гуценко К.Ф., Ковалев М.А. Правоохранительные органы. М., 2000. С. 42–45.

⁶ Павловский В. Теоретико-правовые основы деятельности судебной власти // Право и жизнь. 2002. № 50 (7). С. 37–38.

Таким образом, судебная власть – система специальных независимых государственных органов – судов. Полномочия судебной власти реализуются только в правосудии посредством различных видов судопроизводства. Для каждого из видов судопроизводства характерно общее понятие правосудия.

В научной литературе можно встретить множество определений понятия «правосудие»⁷. Мы считаем, что под правосудием понимается правоприменительная деятельность судов по рассмотрению и разрешению в установленном законом порядке уголовных, гражданских, административных дел с вынесением обязательных для исполнения решений.

Некоторые авторы правосудие отождествляют с судопроизводством⁸, но понятие «правосудие» шире и включает в себя и судопроизводство.

Правосудие может включать в себя сопряженные с ним явления, в частности суд, судоустройство и статус судьи⁹. Таким образом, правосудие и судопроизводство – это два взаимосвязанных, но не тождественных понятия. Судопроизводство, как уже говорилось, – форма или способ реализации судебной власти.

В последнее время дано много понятий судебной системы. Так, судебная система рассматривается как определенная совокупность судебных учреждений конкретного государства, основанная на единых принципах организации и деятельности, связанная единством целей и задач, с четко обозначенной компетенцией каждого звена, позволяющей выделить высший суд¹⁰; как «единая система всех судов, осуществляющих судебную власть путем отправления правосудия, имеющих об-

щие задачи, организованных и действующих на единых демократических принципах»¹¹; как «совокупность судов, построенную в соответствии с их компетенцией и поставленными перед ними задачами и целями»¹².

Для Российского государства было всегда характерно стремление к единой судебной системе с высокой степенью централизации судебных полномочий и соответствующих органов¹³.

Административное судопроизводство – самостоятельная форма правосудия, оно призвано обеспечивать защиту физических и юридических лиц от административного произвола. Актуальными остаются вопросы об учреждении в России административных судов, их правовой регламентации, об определении конституционно-правового статуса, компетенции, полномочий, о выяснении предметной подсудности дел. О возможном статусе административных судов в России высказывались разные точки зрения¹⁴.

В научной литературе единая точка зрения отсутствует по вопросу понятия административного судопроизводства¹⁵. Дискуссион-

¹¹ Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2001. С. 830.

¹² Конституционное право. Энциклопедический словарь / отв. ред. С.А. Авакьян. М., 2001. С. 567.

¹³ См.: Александрова Р. Единство судебной системы – важнейший принцип судоустройства в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 11. С. 10–14.

¹⁴ Жаднов Ю. Система административных судов не должна совпадать с административно-территориальным делением // Российская юстиция. 2002. № 9. С. 24; Салищева Н.Г., Хаманева Н.Ю. Административная юстиция, административное судопроизводство // Государство и право. 2002. № 1. С. 8; Власов А. Какой будет административная юстиция? // Российская юстиция. 2002. № 11. С. 18; Студеникина М. Административная юстиция: какой путь избрать России? // Российская юстиция. 1996. № 5. С. 36; Бахрах Д. Нужна специализация судей, а не судов // Российская юстиция. 2003. № 2. С. 11; Радченко В. Компетенция административных судов нам понятна // Российская юстиция. 2001. № 6. С. 10; Он же. Развитие системы административной юстиции в Российской Федерации // Российская юстиция. 2005. № 4. С. 4; Стариков Ю.Н. Административные суды: новые аргументы «за» и «против» / под ред. В.Н. Радченко. М., 2004. С. 95; Приженникова А.Н. Актуальные вопросы в совершенствовании административного судопроизводства в России // Сборник молодых ученых. М., 2004; Баранов В.А., Приженникова А.Н. Актуальные аспекты административного судопроизводства в РФ // Вестник Московского государственного индустриального университета. М., 2005.

¹⁵ Анохин В.С. Привлечение к административной ответственности предпринимателей и юридических лиц // Арбитражная практика. 2005. № 1. С. 74–81; Кононов П.И. Спорные моменты при рассмотрении дел об

⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. М., 1998. С. 380; Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. I: Общее государственное право. М., 1894. С. 319; Бойков А.Д. Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990–1996 гг. М., 1997. С. 104; Дмитриев Ю.А., Шапкин М.А. Правоохранительные органы Российской Федерации. М., 2006. С. 114; Семенов В.М. Суд и правосудие в СССР. М., 1984. С. 19, 20; Ржевский В.А., Чепурнова Н.М. Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. М., 1998. С. 124.

⁸ Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. М., 2003. – С. 22 – 24.

⁹ Жилин Г.А. Конституционное судопроизводство в механизме судебной защиты прав // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 4.

¹⁰ Суд и правосудие в СССР / под ред. Б.А. Галкина. М., 1981. С. 63.

ным является вопрос о предмете административного судопроизводства.

Если говорить о соотношении конституционного и административного судопроизводства, можно выделить следующие отличия:

- 1) предметом конституционного судопроизводства является конституционный контроль, который выражается в проверке и оценке соответствия Конституции РФ законов, других нормативных актов; в случае признания их неконституционными они утрачивают силу. Конституционный контроль осуществляется в целях защиты конституционного строя, основных прав и свобод личности, обеспечения непосредственного действия Конституции РФ, ее правовой охраны;
- 2) посредством конституционного судопроизводства решаются исключительно вопросы права. Конституционный Суд воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов;
- 3) конституционное судопроизводство осуществляется исключительно коллегиально посредством пленарных заседаний и заседаний палат;
- 4) решения, принимаемые в ходе осуществления конституционного судопроизводства (постановления, заключения, определения), влекут особые правовые последствия. По итогам рассмотрения дела Конституционный Суд РФ может признать нормативный акт или договор либо отдельные их положения соответствующими или не соответствующими Конституции РФ, а по спорам о компетенции – подтвердить или, наоборот, отрицать полномочие соответствующего органа издать акт или совершить действие правового характера, послужившие причиной спора о компетенции.

Таким образом, анализируя конституционное судопроизводство, можно выделить некоторые его специфические черты: предмет; особый состав судей; требования к судьям; по-

рядок рассмотрения и разрешения дел; по решению вопросов о допустимости обращения; по специфике доказывания и доказательств; по юридической силе итоговых решений. В юридической литературе даются и другие признаки конституционного судопроизводства¹⁶.

Конституционный Суд РФ существенно отличается от других судебных органов тем, что в процессе проверки конституционности нормативных актов опирается исключительно на нормы Конституции РФ. Решения Конституционного Суда РФ окончательны и обжалованию не подлежат.

Если говорить о соотношении административного судопроизводства и гражданского судопроизводства, то последнее – вид судопроизводства, посредством которого осуществляют судебную власть суды общей юрисдикции и арбитражные суды в пределах своей компетенции. Порядок осуществления гражданского судопроизводства судами общей юрисдикции урегулирован нормами Гражданского процессуального кодекса РФ.

Гражданское судопроизводство отличается от судопроизводства в арбитражных судах предметом; субъектным составом; порядком и спецификой рассмотрения дел; процессуальными сроками.

Уголовное судопроизводство в соответствии с п. 56 ст. 5 УПК РФ – это досудебное и судебное производство по уголовному делу. Под досудебным производством понимается осуществление предварительного следствия или дознания органами, не являющимися судебными. Судебное же производство в соответствии со ст. 8 УПК РФ осуществляется только судом посредством отправления правосудия по уголовному делу.

Уголовное судопроизводство вполне сочетается с нормами КоАП РФ. Назначение уголовного судопроизводства и задачи законодательства об административных правонарушениях заключаются в защите прав и законных интересов лиц и организаций, общества и государства от публично-правовых правонарушений – общественно опасных противоправных деяний: преступлений и административных правонарушений (ст. 6 УПК РФ и ст. 1.2 КоАП РФ).

В статье В.В. Путина «Демократия и качество государства» в разделе данной статьи «О развитии судебной системы» сказано о необходимости развития системы административного судопроизводства: «Мы сделаем

административных правонарушений // Арбитражная практика. 2006. № 9. С. 21–24; Захарова О.С. Понятие административного судопроизводства по делам об административных правонарушениях // Российский судья. 2008. № 7; Бахрах Д.Н. Административное судопроизводство, административная юстиция и административный процесс // Государство и право. 2005. № 2. С. 22; Студеникина М.С. Процессуальные формы осуществления правосудия по административным делам // Судебная реформа в России. М., 2001. С. 177.

¹⁶ Райкова Н.С. Особенности конституционного судопроизводства // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2006. С. 59–62.

правосудие доступным для граждан. В том числе введем практику административного судопроизводства не только для бизнеса, но и для специального рассмотрения споров граждан с чиновниками. Дух и смысл практики административного судопроизводства исходят из того, что гражданин уязвимее чиновника, с которым он спорит. Что бремя доказывания возлагается на административный орган, а не на человека. И потому практика административного судопроизводства изначально ориентирована на защиту прав граждан»¹⁷.

Зарубежный опыт свидетельствует, что специализированные суды, которые планируется учредить в России, действуют в ряде стран Европы длительное время¹⁸. Так, во Франции функционируют две независимые судебные системы: общих и административных судов. Система административных судов включает в себя административные суды общего права, специализированные административные суды, апелляционные суды и Государственный Совет, который выполняет функции высшего административного суда.

В Великобритании унифицируется система административных трибуналов. Трибуналы в Англии являются органами административной, или дисциплинарной (внутренней), юстиции.

Административные трибуналы восприняты в Австралии как незаменимый инструмент хорошего государственного управления (good governance), который постоянно обновляется и меняется в зависимости от фактических потребностей австралийского общества. Отличительной особенностью данных органов от аналогичных институтов других стран является их полномочие на принятие нового административного решения по результатам пересмотра по существу первоначального решения¹⁹.

В Финляндии расширяется компетенция административных судов (ставится вопрос о возможности обжалования бездействия органов администрации и их должностных лиц).

В Германии пять самостоятельных систем (общая юстиция, социальная юстиция, финансовая юстиция, трудовая юстиция, административная юстиция). Административные суды имеются во всех землях.

В Италии административная юстиция также образует самостоятельную систему во главе с Государственным советом, который является одновременно и консультативным, и судебным органом. Совет контролирует законность актов правительства и министерств и рассматривает апелляционные жалобы на решения нижестоящих областных административных трибуналов.

Специфика американской модели административной юстиции состоит именно в том, что она действует на стыке исполнительной и судебной власти: для нее характерно сочетание деятельности административных квазисудебных учреждений и судов общей юрисдикции при рассмотрении административных споров.

В Грузии административное судопроизводство введено с 2000 г. В систему административных судов входят: судьи-магистраты, суды первой инстанции – районные или городские суды, в которых единолично или коллегиально (в составе трех судей) рассматриваются административные дела; палаты по административным делам апелляционных судов; палата по административным делам Верховного суда.

В Республике Молдова административными судами являются судьи, назначенные в судах, коллегии или составы административного суда апелляционных палат, коллегия административного суда Высшей судебной палаты, уполномоченные законом осуществлять судебную проверку законности административных актов, издаваемых органами публичной власти в связи с организацией исполнения и исполнением закона, а также с управлением публичными делами.

В Украине система административных судов построена следующим образом:

- 1) местные общие суды и окружные административные суды – рассматривают административные дела по первой инстанции;
- 2) апелляционные административные суды, как правило, осуществляют апелляционный пересмотр решений судов первой инстанции в административных делах;
- 3) Высший административный суд Украины – осуществляет кассационный пересмотр решений местных и апелляционных административных судов, а также исполняет функции суда первой или апелляционной инстанции для некоторых категорий дел, связанных с выборами;
- 4) Верховный Суд Украины – осуществляет пересмотр решений после Высшего административного суда Украины в связи с исключительными обстоятельствами.

¹⁷ <http://www.putin-itogi.ru>

¹⁸ Приженникова А.Н. Административное судопроизводство в России: концептуальные и правовые основы. М., 2013.

¹⁹ Муратова Е.В. Опыт введения системы административной юстиции в Австралийском Союзе // Адвокат. 2011. № 4.

В Литовской Республике действуют специализированные административные суды. Высший административный суд Литвы и окружные административные суды являются специализированными судами, рассматривающими дела по спорам, возникающим из административных правовых отношений.

Мы полагаем, что проблема становления административного судопроизводства заключается в отсутствии нормативной правовой базы и представляется совершенно очевидным то, что Федеральный закон «Об административных процедурах», Кодекс административного судопроизводства станут базовыми в деятельности административных судов.

Библиография:

1. Александрова Р. Единство судебной системы – важнейший принцип судостроительства в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. – 2006. – № 11.
2. Анохин В.С. Привлечение к административной ответственности предпринимателей и юридических лиц // Арбитражная практика. – 2005. – № 1.
3. Баранов В.А., Приженникова А.Н. Актуальные аспекты административного судопроизводства в РФ // Вестник Московского государственного индустриального университета. – М., 2005.
4. Бахрах Д. Нужна специализация судей, а не судов // Российская юстиция. – 2003. – № 2.
5. Бахрах Д.Н. Административное судопроизводство, административная юстиция и административный процесс // Государство и право. – 2005. – № 2.
6. Бойков А.Д. Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990–1996 гг. – М., 1997.
7. Власов А. Какой будет административная юстиция? // Российская юстиция. – 2002. – № 11.
8. Гуценко К.Ф., Ковалев М.А. Правоохранительные органы. – М., 2000.
9. Дмитриев Ю.А., Шапкин М.А. Правоохранительные органы Российской Федерации. – М., 2006.
10. Жаднов Ю. Система административных судов не должна совпадать с административно-территориальным делением // Российская юстиция. – 2002. – № 9.
11. Жилин Г.А. Конституционное судопроизводство в механизме судебной защиты прав // Журнал конституционного правосудия. – 2011. – № 4.
12. Захарова О.С. Понятие административного судопроизводства по делам об административных правонарушениях // Российский судья. – 2008. – № 7.
13. Кононов П.И. Спорные моменты при рассмотрении дел об административных правонарушениях // Арбитражная практика. – 2006. – № 9.
14. Матякин Е.Е. Понятие судебной власти: постановка проблемы // Общество и право. – 2011. – № 3.
15. Муратова Е.В. Опыт введения системы административной юстиции в Австралийском Союзе // Адвокат. – 2011. – № 4.
16. Павловский В. Теоретико-правовые основы деятельности судебной власти // Право и жизнь. – 2002. – № 50 (7).
17. Приженникова А.Н. Административное судопроизводство в России: концептуальные и правовые основы. – М., 2013.
18. Приженникова А.Н. Актуальные вопросы в совершенствовании административного судопроизводства в России // Сборник молодых ученых. М., 2004.
19. Радченко В. Компетенция административных судов нам понятна // Российская юстиция. – 2001. – № 6.
20. Радченко В. Развитие системы административной юстиции в Российской Федерации // Российская юстиция. – 2005. – № 4.
21. Райкова Н.С. Особенности конституционного судопроизводства // Правовые проблемы укрепления российской государственности. – Томск, 2006.
22. Ржевский В.А., Чепурнова Н.М. Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. – М., 1998.
23. Салищева Н.Г., Хаманева Н.Ю. Административная юстиция, административное судопроизводство // Государство и право. – 2002. – № 1.
24. Стариков Ю.Н. Административные суды: новые аргументы «за» и «против» / под ред. В.Н. Радченко. – М., 2004.
25. Студеникина М. Административная юстиция: какой путь избрать России? // Российская юстиция. – 1996. – № 5.

26. Студеникина М.С. Процессуальные формы осуществления правосудия по административным делам // Судебная реформа в России. – М., 2001.
27. Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. – М., 2003.
28. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб., 1996. – Т. 1.
29. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. 1: Общее государственное право. – М., 1894.

References:

1. Matyakin E.E. Ponyatie sudebnoi vlasti: postanovka problemy // Obshchestvo i pravo. – 2011. – № 3.
2. Foinitskii I.Ya. Kurs ugolovnoogo sudoproizvodstva. – SPb., 1996. – Т. 1.
3. Gutsenko K.F., Kovalev M.A. Pravookhranitel'nye organy. – М., 2000.
4. Pavlovskii V. Teoretiko-pravovye osnovy deyatel'nosti sudebnoi vlasti // Pravo i zhizn'. – 2002. – № 50 (7).
5. Chicherin B.N. Kurs gosudarstvennoi nauki. Chast' 1. Obshchee gosudarstvennoe pravo. – М., 1894.
6. Boikov A.D. Tret'ya vlast' v Rossii. Ocherki o pravosudii, zakonnosti i sudebnoi reforme 1990–1996 gg. – М., 1997.
7. Dmitriev Yu.A., Shapkin M.A. Pravookhranitel'nye organy Rossiiskoi Federatsii. – М., 2006.
8. Rzhetskii V.A., Chepurnova N.M. Sudebnaya vlast' v Rossiiskoi Federatsii: konstitutsionnye osnovy organizatsii i deyatel'nosti. – М., 1998.
9. Sudebnaya vlast' / pod red. I.L. Petrukhina. – М., 2003.
10. Zhilin G.A. Konstitutsionnoe sudoproizvodstvo v mekhanizme sudebnoi zashchity prav // Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya. – 2011. – № 4.
11. Aleksandrova R. Edinstvo sudebnoi sistemy-vazhneishii printsip sudoustroistva v Rossiiskoi Federatsii // Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess. – 2006. – № 11.
12. Zhadnov Yu. Sistema administrativnykh sudov ne dolzhna sovpadat' s administrativno-territorial'nym deleniem // Rossiiskaya yustitsiya. – 2002. – № 9.
13. Salishcheva N.G., Khamaneva N.Yu. Administrativnaya yustitsiya, administrativnoe sudoproizvodstvo // Gosudarstvo i pravo. – 2002. – № 1.
14. Vlasov A. Kakoi budet administrativnaya yustitsiya? // Rossiiskaya yustitsiya. – 2002. – № 11.
15. Studenikina M. Administrativnaya yustitsiya: kakoi put' izbrat' Rossii? // Rossiiskaya yustitsiya. – 1996. – № 5
16. Bakhrakh D. Nuzhna spetsializatsiya sudei, a ne sudov // Rossiiskaya yustitsiya. – 2003. – № 2.
17. Radchenko V. Kompetentsiya administrativnykh sudov nam ponyatna // Rossiiskaya yustitsiya. – 2001. – № 6.
18. Radchenko V. Razvitie sistemy administrativnoi yustitsii v Rossiiskoi Federatsii // Rossiiskaya yustitsiya. – 2005. – № 4.
19. Starilov Yu.N. Administrativnye sudy: novye argumenty «za» i «protiv» / pod red. V.N. Radchenko. – М., 2004.
20. Prizhennikova A.N. Aktual'nye voprosy v sovershenstvovanii administrativnogo sudoproizvodstva v Rossii // Sbornik molodykh uchenykh. – М., 2004.
21. Baranov V.A., Prizhennikova A.N. Aktual'nye aspekty administrativnogo sudoproizvodstva v RF // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo industrial'nogo universiteta. – М., 2005.
22. Anokhin V.S. Privlechenie u administrativnoi otvetstvennosti predprinimatelei i yuridicheskikh lits // Arbitrazhnaya praktika. – 2005. – № 1.
23. Kononov P.I. Spornye momenty pri rassmotrenii del ob administrativnykh pravonarusheniyakh // Arbitrazhnaya praktika. – 2006. – № 9.
24. Zakharova O.S. Ponyatie administrativnogo sudoproizvodstva po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh // Rossiiskii sud'ya. – 2008. – № 7.
25. Bakhrakh D.N. Administrativnoe sudoproizvodstvo, administrativnaya yustitsiya i administrativnyi protsess // Gosudarstvo i pravo. – 2005. – № 2.
26. Studenikina M.S. Protseessual'nye formy osushchestvleniya pravosudiya po administrativnym delam // Sudebnaya reforma v Rossii. – М., 2001.
27. Raikova N.S. Osobennosti konstitutsionnogo sudoproizvodstva // Pravovye problemy ukrepleniya rossiiskoi gosudarstvennosti. – Tomsk, 2006.
28. Prizhennikova A.N. Administrativnoe sudoproizvodstvo v Rossii: kontseptual'nye i pravovye osnovy. – М., 2013.
29. Muratova E.V. Opyt vvedeniya sistemy administrativnoi yustitsii v Avstraliiskom Soyuze // Advokat. – 2011. – № 4.

Материал поступил в редакцию 3 ноября 2013 г.

ABOUT THE AUTHORS, ANNOTATIONS AND KEYWORDS

THEORY OF LAW

Legal worldview: between what it is and what it should be

VEDENEV, Yuri Alekseevich – Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University

[y-vedeneev@yandex.ru]

123995, Russia, Moskva, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9.

Review: *The article is devoted to the fundamental topic in the sphere of theoretical jurisprudence regarding ontological and axiological bases for the formation and functioning of law. The general format of the article, its structure and contents correspond to the provisions of the monograph by G. Gadzhiev "Ontology of law" (Critical Studies of the Legal Concept of Reality), Moscow, 2013. In the opinion of the author introduction of the category of "legal worldview" into the scientific turnover provides new possibilities and perspectives for conceptualizing of the key object of theoretical legal studies – social, cultural, mental and cognitive conditions and factors for the legal evolution. The change of certain existence modes depends both on the universal archetypes of legal perception and understanding of the legal reality (metatext) and the current historical forms of the legal worldview (context).*

Keywords: *social and legal, political and legal transformations, archetypes and practices, ontological bases for social, political and legal communication, archaic, mythological, religious, rational logical legal worldviews, social-cultural and normative matrixes, cognitive jurisprudence and meta-law, post-jurisprudence.*

NAME IN SCIENCE

Mutual assistance as a priority value in the ethics of P.A. Kropotkin: the experience of actual reconstruction

ARTEMOV, Vyacheslav Mikhailovich – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophical, Social and Economic Disciplines of the Kutafin Moscow State Law University

[vyach_artemov@mail.ru]

123995, Russia, Moskva, Sadovaya-Kudrinskaya, 9.

Review: *From the standpoint of needs and requests of the modern society facing deep moral crisis, the author evaluates the scientific and humanistic concept of P.A. Kropotkin. The 170th anniversary from the date of his birth was celebrated by the progressive society quite recently. The global fame of Kropotkin mostly has to do with the selfless devotion and theoretical and practical efforts for the development of positive understanding of human being and his capabilities for development and improvement of the social whole. Great theoretical and prognostic force of his ideas is much due to the substantiated and convincing proof of the value of mutual assistance as a priority value. It was supported and expressed in the life of the great Russian thinker and public figure. Harmony of freedom and morality seems to be an indicator of consistency of his personal being. The basis for the position of the author is that mature freedom presupposes a moral dimension. That is why we regard responsibility as the reverse side of freedom. This approach allows for the deeper understanding and solution of the problem of correlation among freedom, morality and law. The well-known critical attitude of the representative of the Russian classical anarchism towards the state does not exclude recognition of achievements and capabilities of law, which is really based upon the moral fundament and facilitates the development of the freedom potential in the justly established society. The creative input of the philosopher has its perspectives for the spiritual revival of the modern human being, improvement of society as a whole and some of its institutions, including law.*

Keywords: *Russia, Russia, Kropotkin, Kropotkin, modern society, moral crisis, ethics, spiritual values, priority problem, mutual assistance, correlation problems, morality and law.*

STUDIES OF THE RUSSIAN STATEHOOD
**Implementation of the Constitution as the factor for sustainable
and progressive development of the state**

KABYSHEV, Sergey Vladimirovich – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University
[svkabyshev@gmail.com]
123995, Russia, Moskva, Sadovaya-Kudrinskaya, 9.

Review: *The article is devoted to the problems of implementation of the Constitution of the Russian Federation. The new challenge in the current agenda is the threat to the constitutional order. At the same time, the society is threatened by the legal constitution of the government, while the government is threatened with the de facto constitution of the society. The author considers that society should have a special mechanism for the distribution of the social benefits, which are being produced. Politics may not be such a mechanism. It is only law, which objectively possesses the function of distribution of social benefits into individual ownership. The law implements the social function of distribution of benefits. The goal of science within this process is to develop the novel constructions and to offer new instruments for the most comprehensive and consecutive implementation of the constitutional values into the everyday life of the society. It is offered: 1) to form the principally different culture of development of legal acts, based upon the constitutional tradition; 2) to form the mechanism for the constitutional monitoring, offering relevant evaluation criteria; 3) to develop theory and practice for the constitutional regime of the new legal construction, covering the entire range of instruments in the sphere of implementation of the Constitution.*

Keywords: *jurisprudence, Constitution of the Russian Federation, forms of implementation of the Constitution, constitutional monitoring, constitutional regime, constitutional standards, constitutional values, constitutional traditions, legal constructions, legal values.*

THEORETICAL PROBLEMS OF BRANCHES OF LAW
The system of sources of entrepreneurial law

LAPTEV, Vasiliy Andreevich – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Entrepreneurial Law of the Kutafin Moscow State Law University
[laptev.va@gmail.com]
123995, Russia, Moskva, Sadovaya-Kudrinskaya, 9.

This article is prepared within the framework of scientific research work “State regulation of economic activities in the conditions of membership of Russia in the WTO, the Eurasian Economic Community and the Customs Union”

Review: *The studies of the system of sources of entrepreneurial law allows to define the place of the branch of law within the system of law, as well as to analyze the norms regulating entrepreneurial activities and economics as a whole. The author offers to single out three historical periods: pre-Soviet, Soviet, and modern (post-Soviet), providing their brief characteristics. He offers to understand the system of sources of entrepreneurial law as the combination of forms of entrepreneurial law (elements of the system), which are coordinated and connected among themselves with the unity of the object of legal regulation – economic activity. The author singles out the characteristic features of the system: structural character, co-subordination, coordination, relevance, interconnection and unity. The system of sources of entrepreneurial law may be divided into international and domestic parts of national law. The author notes the tendency for the harmonization of the Russian entrepreneurial law with the international law, which is among other matter is influenced by the participation of Russia in the WTO, the EurAsEC and the Customs Union. The author offers to distinguish the sources of entrepreneurial law on the territorial basis into international, federal, regional, municipal and local territorial levels. He notes the dependency of the modern law and economics.*

Keywords: *entrepreneurial law, branch of entrepreneurial law, system of entrepreneurial law, sources of entrepreneurial law, forms of entrepreneurial law, system of sources of law, classification of sources of law, form of law, systematization of the entrepreneurial law, codification.*

PROBLEMS OF LEGAL EDUCATION
**Civil judicial proceedings on bankruptcy cases: problems of legislative
 regulation and legal practice.**
**Specific features of procedural sphere of insolvency (bankruptcy):
 approaches in legislation and legal practice. Part 2.**

UKSUSOVA, Elena Evgenievna – PhD in Law, Professor of the Department of Civil and Administrative Judicial Proceedings of the Kutafin Moscow State Law University, author of the specialized course “The order of judicial proceedings on bankruptcy cases” within the Master’s Program “Material Law and Judicial Form of Protection on Civil Cases”.

[euksusova@mail.ru]

123995, Russia, Moskva, Sadovaya-Kudrinskaya, 9.

The article is prepared within the framework of the Strategic Development Program of the Kutafin Moscow State Law University, the Scientific Research Work Project N. 2.2.1.2 “Theoretical and practical problems of correlation between material law and judicial form of protection on civil cases”, which is led by the author. Information legal support of the SPS “Consultant Plus”.

Review: *Legislation, mostly, civil (arbitration) procedural legislation in the process of its historic development;; regulation the relations appearing due to insolvency (bankruptcy), civil judicial proceedings as an inalienable element of these relations; modern situation in the sphere of procedural regulation of judicial proceedings on insolvency cases; contents and special character of civil procedural regulation of judicial proceedings on insolvency cases; its procedural differentiation based on categories of debtors and bankruptcy procedures; judicial acts of the supreme courts (the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation); provisions of the civil and procedural doctrines, including those regarding the sphere of insolvency (bankruptcy). The general scientific methods (analysis, synthesis, generalization, analogy), private law cognition methods (formal logic, historical legal, formal legal, systemic, comparative legal methods).*

Part 2. Specific features of the procedural sphere of insolvency (bankruptcy): modern approaches in legislation and legal practice. The author evaluates the modern formation of the procedural regulation in the sphere of judicial proceedings on bankruptcy cases according to the procedural codes and laws on bankruptcy; singles out and discusses procedural specificities of the judicial proceedings on bankruptcy cases, which is defined by the categories of debtors and insolvency procedures, influence of other material legal factors on the procedural form of protection in bankruptcy cases; special attention is paid to the characteristics of the practice of the supreme courts (the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation), and its influence upon the civil proceedings; procedural sphere of legal regulation as a reflection of a general tendency. The author singles out and studies the general legal fundamentals for the strengthening of the regulating influence of the judicial acts of the highest courts in order to broaden the scope of judicial law-making, change its forms and contents, including the analysis of procedural novel features according to the Civil Procedural Code of the Russian Federation and the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation, regarding the examination proceedings, being the general grounds for application in the procedural sphere of insolvency (bankruptcy).

Keywords: *civil judicial proceedings, civil procedural law, insolvency (bankruptcy), procedural norms, bankruptcy cases, legal position, judicial law-making, supreme court, procedural specialization, special procedural regulation.*

Judicial decision in the cases on the disputes concerning raising of children

CHERNYH, Irina Ilyinichna – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil and Administrative Judicial Proceedings of the Kutafin Moscow State Law University

[ch6363@yandex.ru]

123995, Russia, Moskva, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9.

Review: *The article may be used for the education in the Master’s Program “Judicial examination on family cases”. Using examples of family disputes regarding raising children, the author shows how judicial decisions*

should be analyzed. The article includes analysis of general provisions of the norms providing for the requirements to every part of judicial decision. Attention is paid to the specific features of the judicial act for the above-mentioned category of cases, the examples from the judicial practice are provided, some theoretical and practical problems are dealt with, such as the problems regarding the participants of the family disputes. The opinion is expressed on the need to regard a child as an independent participant in a civil process, attention is paid to the specific features of formation of the object of proof in these cases, pointing out the special role of the court for achieving this goal. Lawfulness and substantiation of the judicial decision are to the great extent established by the correct definition of the significant facts for the case. Much attention is paid to the specific features of the resolution part (findings) in the judicial decision in cases regarding disputes concerning children. **Keywords:** raising children, place of residence of a child, participation of guardianship bodies, judicial decision, injunctive remedies, requirements to a decision, family disputes, procedural position of a child, parts of a judicial decision, participants to a family dispute.

FIGHTING CRIME **Repeated relapse into violent crimes.**

VOLKONSKAYA, Ekaterina Konstantinovna – PhD in Law, Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
[volkonskayaek@mail.ru]
117437, Russia, Moskva, ul. Akademika Volgina, 12.

Review: The author has analyzed the correlations in primary and repeated crime in Russia in the last decade. The author singles out and evaluates the tendencies for the greater relative weight of repeated crimes within the structure of crimes, and lowering relative weight of previously convicted persons within the structure of persons, who have committed crimes earlier. The author substantiates the position on the growing number of latent violent crimes. The author also characterizes the correlation of the repeated violent crimes and marginal, professional, organized (including ethnic organized) crime, economic crimes, juvenile crimes, "street" and penitentiary crimes. The article includes analysis of other negative social processes, which serve as the background for the spread of repeated violent crimes, such as infiltration of the elements of criminal sub-culture into the social relations of law-abiding citizens, detachment of the general public from the process of fighting crime, corruption in the government bodies, illegal turnover of weapons, military conflicts, illegal migration, national and religious intolerance, criminal violence (including latent violence) in the penitentiary and towards the convicts.

Keywords: repeated relapse into violent crimes, repeated crimes, previously convicted persons, penitentiary crimes, criminalization of the society, latency, criminal sub-culture, violent crime, criminal processes, murder.

HISTORY OF STATE AND LAW **Legal regulation of the activities of the warehouses and elevators** **in Russia in late XIX – early XX centuries**

ZHOLOBOVA, Galina Alekseevna – PhD in Law, Doctoral Student of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University
[galina-zholobova@mail.ru]
123995, Russia, Moskva, Sadovaya-Kudrinskaya, 9.

Review: The article concerns topical problems of organization of the bread trade. The studies of the archive documents and analysis of normative legal acts of the Russian Empire of 1881- 1913, many of which have been introduced into the scientific turnover for the first time, have allowed the author to reveal the historical specificities of the first experience in formation of the mechanism for the legal regulation of the warehouse activities. The article has shown the process of formation of the system of norms regulating the relations in the sphere of goods, storage and elevators, the author also shows motives and goals of the relevant normative acts, specific features and difficulties in their implementation. The inefficiency of the solution of existing problems via the market mechanisms required searching for the mechanisms, which strengthened the state interference in the organization of the bread trade.

Keywords: trade, bread, grain, legal export, classification, sorting, quality, supervision, elevator, warehouse, grain depot, loan, warrant, the State Bank.

SCIENTIFIC REPORT

Legal regulation of the use of languages: the experience of the European Union

SALENKO, Aleksandr Vladimirovich – PhD in Law, Associate Professor of the Department of International and European Law of the Baltic Federal University named after I. Kant
[alexander.salenko@gmail.com]
236041, Russia, Kaliningrad, ul. A. Nevskogo, 14.

GLOTOVA, Zhanna Vladimirovna – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages for Professional Purposes of the Baltic Federal University named after I. Kant
[glotova_hanna@mail.ru]
236041, Russia, Kaliningrad, ul. A. Nevskogo, 14.

Review: *The article presents analysis of the experience of the European Union regarding the legal regulation for the procedure for the use of official and working languages, as well as the linguistic (language) policy of the EU regarding all other languages, such as regional languages, minority languages, and the foreign languages of the migrants residing in the territory of the European Union. Based upon the study the authors draw conclusions and propositions on the improvement of the cooperation between Russia and the EU, specifically, within the frameworks of the projects for the cooperation of bordering regions in the Kaliningrad region. The author of the article offers to introduce the experience of the European Union on supporting the studies of foreign languages. Such a practice is possible in the provincial school education institutions of the Kaliningrad region, where within the experimental framework the Lithuanian and the Polish languages may be offered to the students. Knowledge of these languages shall be in demand, and it may be applied by the students and their teachers in their everyday life in the bordering territories of the Kaliningrad region.*

Keywords: *Kaliningrad region, globalization, teaching language, trans-border cooperation, multilingualism, bilingualism, the European Union, Russia, language policy, legal regulation.*

Administrative judicial procedure within the judicial power system

PRIZHENNIKOVA, Alena Nikolaevna – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil and Arbitration Process of the Financial University under the auspices of the Government of the Russian Federation
[alenaprizhen@mail.ru]
125993, Russia, Moskva, Leningradskiy prospect, 49.

BARANOV, Viktor Alekseevich – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil and Arbitration Process of the Financial University under the auspices of the Government of the Russian Federation
[bvagol@yandex.ru]
125993, Russia, Moskva, Leningradskiy prospect, 49.

Review: *The Russian Federation is the Member State of the UNO and the Member of the Council of Europe, it has recognized the jurisdiction of the European Court of Human Rights. That is why, formation of administrative justice in Russia is closely connected with the implementation of the basic principles and international standards of administrative judicial procedure. Correlation of national and international law in the sphere of protection of rights, freedoms and lawful interests of people, harmonization of national norms and international standards of administrative justice are the foremost important issues, requiring serious evaluation. The Federal Constitutional Law of December 31, 1996 "On the Judicial System of the Russian Federation" provides for the formation of the specialized federal courts competent to deal with administrative cases within the system of federal courts of general jurisdiction (Art. 26). Administrative judicial procedure is provided for by the Art. 118 of the Constitution of the Russian Federation as an independent form of administering justice. Currently, there is a new draft of the Federal Law "Code of Administrative Judicial Proceedings of the Russian Federation", it was introduced into the State Duma on March 28, 2013, and it should come into force in 2014. The provisions of the new code shall not apply to the proceedings on administrative offences cases, and they shall also not apply to the arbitration courts. Administrative judicial proceedings are regulated with the three codes. One may get easily confused among various branches of law by the vast variety of procedural norms and specific features regarding proceedings on administrative cases, and the situation remains the same, since administrative judicial procedure shall be regulated by several codes. It does not facilitate uniformity and conceptual finish, formation of a rational legal regulation mechanism for this type of procedure, it shall not make the judicial practice on administrative cases uniform, violating the requirement of the Constitution of the Russian Federation on equality of all under the law and in court.*

Keywords: *civil judicial proceedings, constitutional judicial proceedings, justice, judicial system, judicial power, administrative judicial proceedings, administrative court, specialized courts, criminal judicial proceedings.*

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ И ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ МАТЕРИАЛАМ И ИХ ОФОРМЛЕНИЮ

Более подробная информация содержится на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина) в разделе «Издательская деятельность», «Научные журналы» http://msal.ru/primary-activity/publishing/scientific_journals/lex_russica/

1. В Журнале публикуются результаты научных исследований и научные сообщения Авторов, изложенные в форме научных статей или рецензий в соответствии с тематикой Журнала (далее – статья).
2. К сотрудничеству приглашаются Авторы – ведущие специалисты, ученые и практики. При прочих равных условиях преимущественное право на опубликование имеют:
  - профессорско-преподавательский состав МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина) – перед сотрудниками иных вузов и научных учреждений;
  - лица, имеющие учёные степени, – перед аспирантами и соискателями.
3. Один Автор может опубликовать в течение года не более трех своих статей. Все исключения необходимо заранее согласовывать с редакцией.
4. **Направление Автором статьи для опубликования в Журнале считается акцептом**, т.е. согласием Автора на заключение Лицензионного договора о передаче права использования статьи в журнале «Lex Russica». Содержание договора опубликовано на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина).
5. Автор направляет в редакцию Журнала статью согласно условиям и порядку предоставления и опубликования статей, а также требованиям к оформлению статей, размещенным на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина). **При несоблюдении указанных требований редакция оставляет за собой право вернуть статью автору без рассмотрения.**
6. Статья направляется в редакцию через сервис **online-редакция NOTA BENE**. Автору необходимо зарегистрироваться в системе, указав все запрашиваемые данные. **Для аспирантов и соискателей** обязательна для заполнения информация о научном руководителе / консультанте, его контактная информация (в поле «Дополнительные сведения»). В дальнейшем для отправки очередной статьи заново вводить эти данные не потребуется. При добавлении новой статьи откроется окошко регистрации статьи, где приводятся все данные о статье (соавторы, название статьи, название журнала, название рубрики, ключевые слова на русском, аннотация на русском, библиография на русском). Текст статьи прикрепляется к регистрационной форме в виде файла, сохраненного в любой версии Word с расширением .doc, .docx или .rtf.
7. Требования к содержанию и объему статьи:
  - объем статьи должен составлять от 15 до 25 тыс. знаков (с пробелами, с учетом сносок) или 10–15 страниц А4 (шрифт – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов; межстрочный интервал – полуторный, абзацный отступ – 1,25 см, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, верхнее и нижнее – 2 см). Опубликование материалов меньшего или большего объема должно согласовываться с редакцией Журнала;
  - статья должна быть написана на актуальную тему, отвечать критерию новизны, содержать определенное новаторство в подходе к изучаемой теме/проблеме;

- в статье должны быть отражены результаты научного исследования, основанного на анализе теоретических конструкций, нормативных актов, материалов правоприменительной практики;
  - материал, содержащийся в статье, не должен быть только описательным, констатировать существующее положение вещей (статьи, значительная часть которых содержит воспроизведение нормативного материала, будут отклоняться);
  - в материале должна быть соблюдена фактологическая и историческая точность;
  - необходимо обращать внимание на аккуратное использование заимствованного материала, точность цитирования.
8. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
9. Следует точно указывать источник приводимых в рукописи цитат, цифровых и фактических данных.
10. При оформлении ссылок необходимо руководствоваться **библиографическим ГОСТом 7.0.5-2008**. Ссылки оформляются в виде постраничных сносок (размещаются в тексте как подстрочные библиографические ссылки), нумерация сплошная (например, с 1-й по 32-ю). Сноски набираются шрифтом Times New Roman. Высота шрифта – 12 пунктов; межстрочный интервал – одинарный. Знак сноски в тексте ставится перед знаком препинания (точкой, запятой, двоеточием, точкой с запятой). Пример оформления смотрите на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина).
Ссылки на иностранные источники следует указывать на языке оригинала, избегая аббревиатур и по возможности максимально следуя таким же требованиям, как и при оформлении библиографии на русском языке.
Ссылки на электронные ресурсы следует оформлять в соответствии с **библиографическим ГОСТом 7.82-2001**. Необходимо указывать заголовок титульной страницы ресурса, <в угловых скобках> полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
11. При оформлении списка литературы (библиографии) необходимо руководствоваться **библиографическим ГОСТом 7.1-2003**. В библиографическом списке не указываются правовые источники (нормативные акты, судебные решения и иная правоприменительная практика). Пример оформления смотрите на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

ПИ № 77-14596 от 7 февраля 2003 г.

ISSN 1729-5920

Телефон редакции (8-499)244-85-56

Почтовый адрес редакции: 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

E-mail: lexrus@msal.ru.u

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Объем: 15,62 усл.печ.л., формата 60x841/8. Подписано в печать 28.05.2014 г.

Тираж 1000 экз. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов.

Первая оперативная типография, 115114, г. Москва, 2-й Кожевнический пер., 12.

Подписка на журнал возможна с любого месяца

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 11178

ООО «НБ-Медиа»

Тел./факс (495) 424-26-02.; E-mail: w.danilenko@gmail.com

Почтовый адрес редакции: 117465, Россия, Москва, ул. Генерала Тюленева 31/1-210

Любой журнал или статью можно заказать на сайте издательства www.nbpublish.com

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Lex Russica» обязательна. Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за достоверность информации в рекламных объявлениях несут рекламодатели.